Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 МАЯ 9—10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 59260. Москва. Тираж 43.500 экз.

Тип. изд-ва „Правда" и „Беднота". Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а

Через индустриализацию к социализму.

Четырнадцатый с'езд партии, подведший политические итоги последней внутрипартийной дискуссии и развернувший в своих решениях перспективы социалистического строительства в СССР, вынужден был, как известно, отложить *детальную* разработку вопросов текущей хозяйственной политики нашей партии. Эту последнюю задачу выполнил апрельский пленум Центрального Комитета партии, принявший подробную резолюцию об очередных хозяйственных задачах и путях их разрешения.

За время, протекшее от XIV с'езда партии до апрельского пленума, с ясностью определилось, прежде всего, что СССР переживает в настоящий период общего хозяйственного под'ема *некоторые хозяйственные затруднения*, выразившиеся в товарном голоде, заметном росте цен не только на продукты промышленности, но и на продукты сельского хозяйства, и незначительном, но все же ощутимом, колебании валюты.

Пленум отметил, что общей посылкой переживаемых хозяйственных затруднений является *диспропорция* между развитием производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве. Дело в том, что развитие социалистической промышленности в СССР подошло к такому моменту, когда дальнейшие успехи этого развития, подготовленные и обусловленные восстановлением продовольственной и сырьевой базы промышленности,— требуют непременно серьезного *обновления изношенного основного капитала, т.-е. расширения производства средств производства*.

Само собой разумеется, что капитальная перестройка промышленности, связанная с отвлечением средств от отраслей, *непосредственно* обслуживающих деревню, в область тяжелой индустрии, должна была повлечь неизбежно усиление *диспропорции между товарными массами, движущимися из города в деревню и обратно*.

Однако, эта диспропорция не ощущалась бы столь остро и не сопровождалась бы столь значительными хозяйственными затруднениями, если бы в нашей политике не было *осеннего*

просчета с хлебозаготовками и вытекающих отсюда просчетов в общем хозяйственном плане.

Осенний просчет усугубил трудности, обусловил нарушение тех пропорций, которые были намечены первоначальным перспективным планом, и повлек за собой непредвиденное уменьшение масштаба строительных работ.

Таково происхождение современных хозяйственных затруднений.

Нет никаких сомнений в том, что отмеченные хозяйственные затруднения увеличили трудности, стоящие перед нашей партией и нашим государством в деле индустриализации страны, т.-е. в деле подведения под народное хозяйство крепкой промышленной базы с высоко развитыми отраслями производства средств производства. Однако, эти трудности, обязывающие нас к осторожности, напряжению сил и учету реальных возможностей современного дня, ни в какой мере не снимают основной задачи периода — индустриализации нашей страны. Поэтому пленум Центрального Комитета, констатировавший и выяснивший переживаемые хозяйственные затруднения, поставил во главу угла нашей хозяйственной политики задачу индустриализации, подчеркнутую уже XIV с'ездом партии. Подобное определение центральной задачи, конечно, предполагало резко отрицательное отношение к таким хозяйственным «прожектам», авторы которых, идущие по линии наименьшего сопротивления, фактически отказываются от плана социалистической индустриализации. Пленум отметил, что он считает совершенно неправильным и вредным, с точки зрения социализма, принятие такой перспективы хозяйственного развития, которая предполагает на ближайшие годы усиленное развитие сельского хозяйства, сокращение промышленного строительства внутри страны и широкое импортирование продуктов промышленности из-за границы. Он отверг эту концепцию, ибо она предполагает превращение СССР в аграрный придаток к крупно-капиталистическим странам Запада.

Пролетариат должен и может строить социализм, используя, в первую очередь, внутренние возможности. Он может и должен индустриализировать нашу страну в тех условиях, которые сложились внутри Советского Союза, хотя будет всемерно использовать для строительства социализма и экономические связи с капиталистическими странами. Он может и должен превратить нашу отсталую страну в страну передовую, в которой рабочее государство имеет прочнейший экономический базис в виде сильной, мощной и непрерывно развертывающейся социалистической промышленности. Каждый год должен делать нашу страну все менее отсталой, все более индустриальной страной. Поэтому задача индустриализации, поставленная во главу угла наших хозяйственных планов XIV с'ездом партии, ни в коей мере не снимается временными хозяйственными затруднениями.

Наличие хозяйственных затруднений, однако, каждодневно напоминает нам о том, что проведение индустриализации должно происходить при строгом учете тех рессурсов и возможностей, которыми располагает и может располагать пролетарское государство; что темп индустриализации ограничен этими возможностями. В последнее время в партийной литературе начинает кое-где проскальзывать такая точка зрения, что переживаемые нами хозяйственные затруднения об'ясняются тем, что еще с 1923 года мы взяли неправильный курс на замедленное развитие промышленности. Находятся товарищи, которые утверждают, что еще в 1923 году, когда мы привели промышленное строительство в соответствие с финансовыми возможностями и крестьянским рынком, то мы совершили здесь серьезную ошибку и сами замедлили социалистическое накопление в нашей стране.

Подобная концепция связывается обычно с пренебрежительным отношением к задаче укрепления нашей валюты, задаче сохранения твердого червонца. Сторонники подобной точки зрения склонны думать, что можно ускорить промышленное развитие путем дальнейшей эмиссии. Пленум Центрального Комитета высказался в этом отношении совершенно прямо и недвусмысленно. Он подчеркнул, что индустриализация страны должна проводиться в строгом соответствии с нашими финансовыми возможностями, при непременном условии сохранения твердой валюты. Иначе и быть не может. Нельзя ни на одну минуту забывать, что дезорганизация нашей финансовой системы означает подрыв всего народного хозяйства, в том числе и в первую очередь, дезорганизации социалистической промышленности. С другой стороны, дезорганизация финансов и развитие инфляционных явлений привели бы к размычке между рабочим классом и крестьянством, ибо частно-собственническое товарное хозяйство крестьянина требует для своего развития твердой валюты. Твердая валюта является в условиях нэпа непременным условием нормальных взаимоотношений между пролетарским городом и мелко-буржуазной деревней.

«Сверхиндустриалисты», пренебрегающие валютной проблемой, не учитывают также и другой стороны дела. Они намекают на то, что индустриализацию можно ускорить путем усиленного нажима на крестьянство, путем энергичной «перекачки» средств, накопляющихся в массе крестьянских хозяйств. Само собой разумеется, что индустриализация будет производиться и за счет деревни, в первую очередь за счет ее буржуазных слоев, а также, в известной мере, и за счет основной середняцкой массы крестьянства. Однако, и здесь должны существовать известные пределы, которые ни в коей мере не должны лежать так далеко, чтобы они были связаны с забастовкой деревенского покупателя и крестьянскими волнениями. Если бы наша налоговая политика, политика цен и т. д. велась таким образом, что

она исключала бы возможность всякого накопления и роста в основной массе середняцких крестьянских хозяйств, то мы подорвали бы и базу промышленного развития и экономические и политические основы рабоче-крестьянской смычки в переживаемый нами момент. На деревню нельзя смотреть, как на «колонию». Система наших экономических мероприятий, обеспечивающая увеличение средств для возможно более быстрого проведения индустриализации, не может выразиться в «пожирании» середняцкого массива деревенских хозяйств. Индустриализация должна и будет протекать в условиях экономического и культурного под'ема основной массы крестьянских хозяйств, переход которых на рельсы общественного хозяйства будет обеспечиваться ростом и укреплением кооперации.

Понимание всех этих трудностей социалистического строительства, осознание возможностей и пределов индустриализации страны в наших условиях — выдвигают с небывалой остротой на первый план задачу осуществления режима экономии. Именно в наступающей полосе индустриализации нашей страны, именно в период, когда мы в условиях хозяйственных затруднений развиваем промышленность, и прежде всего обновляем и расширяем тяжелую индустрию, производство средств производства,—нам необходимо повести энергичную и решительную борьбу с разгильдяйством, халатностью, непроизводительными расходами в нашем государственном хозяйстве.

Было бы ошибкой представлять себе, что осуществление стоящих перед нами хозяйственных задач есть дело легкое и исключающее неудачи. Мы стали много сильнее и крепче, чем год, два, три тому назад. Мы ставим перед собой все более серьезные и крупные задачи, разрешение которых обеспечивает все более успешные шаги по направлению к социализму, но укрупнение задач сопровождается и ростом трудностей. Путь социалистического строительства—это не гладкая дорога. Наша политика индустриализации страны будет повседневно наталкиваться на сопротивления и препятствия со стороны враждебных нам социально-экономических сил. Международный капитал, внутренняя городская буржуазия различных оттенков, растущая сельская буржуазия в ближайшие годы будут усиливать свою борьбу против рабочего государства, против социалистических элементов нашего хозяйства. В этих условиях совершенно обязательно и необходимо укреплять смычку рабочего класса с крестьянством, укреплять единство рядов пролетариата, укреплять единство партийных рядов. Единство партии, единство рядов пролетариата и смычка пролетариата с крестьянством являются не менее необходимыми условиями наших успехов в борьбе за социализм теперь, чем на предшествующих ступенях борьбы пролетарской диктатуры за социализм.

Поэтому партия, вставшая перед новыми хозяйственными задачами и предвосхищающая и новые трудности, неизбежные для этого периода, будет рассматривать всякую попытку срыва единства партии в настоящий момент, как политику враждебную делу социализма, как политику, прямо и непосредственно направленную против строящего социализм пролетариата.

Л. Мендельсон.

Покушение с негодными средствами.

(По поводу одной книги).

I. О том, как Финн «в поход собрался».

Ленинская теория империализма является одним из центральных звеньев в общей системе ленинизма. Глубокий аналитик, прекрасно владеющий методом Маркса—Ленин в этой теории блестяще вскрыл все особенности современного капитализма, показал до какой невиданной остроты и глубины дошли его противоречия, выявил невозможность разрешения этих противоречий вне социалистической революции, доказал достаточную зрелость хозяйственных форм и социальных отношений для осуществления диктатуры пролетариата и для социалистического строительства. Отсюда неразрывность связи ленинской теории пролетарской революции—этой квинт-эссенции ленинизма—с его учением об империализме как о новейшей фазе капитализма, вступившего в полосу своего «загнивания» или «умирания».

Именно теория империализма Ленина вскрывает все элементы этого загнивания, показывая, как тесно становится производительным силам в рамках капиталистической формы организации производства, насколько не соответствует последняя потребностям общественного прогресса, как постепенно она приходит к собственному отрицанию, создавая на антагонистической основе новые формы хозяйствования, противоречащие самой природе капитализма. Именно в этой теории мы находим доказательство неизбежности новых конфликтов, борьбы за передел мира, принимающей, в условиях неравномерности капиталистического развития, характер военных столкновений. Именно она вскрывает и обосновывает факты чрезвычайного усиления социальных противоречий, приближающих момент решительной схватки труда с капиталом.

Отсюда понятна неизбежность отрицания ленинской теории империализма со стороны тайных и явных ренегатов марксизма. «Доказать» необоснованность ленинского положения о «загнивании» современного капитализма, «опровергнуть» утверждение Ленина о неразрешимости противоречий империализма вне пролетарской революции, это ли не соблазн для верных рыцарей буржуазии? Это ли не успокоительный бальзам для сознания рантье, так охотно оплачивающего своих «идейных» лакеев?

И вот, Каутский строит свою знаменитую теорию «ультраимпериалистического» мирного «врастания» в социализм, теорию сглаживания противоречий империализма, теорию классового мира. Гильфердинг, давший прекрасный анализ изменений организационных форм современного империализма, но проглядевший загнивание последнего, не сумевший сделать из своего анализа революционных выводов,—за годы войны и Версальского «мира», с его Руром, Лигой Наций и дауэсизацией так далеко развил отдельные оппортунистические замечания, имевшиеся в его «Финансовом капитале», что может быть с полным правом поставлен в одну шеренгу с Каутским. О многочисленных «профессорских» работах, посвященных прямой апологетике империализма, уж говорить не приходится.

Теперь суд истории в основном уже разрешил этот спор. Огромное пролетарское государство, с успехом строящее социализм, непрочность и относительность «стабилизации» капитализма, нарастание на ее основе новых глубочайших противоречий, рост борьбы с империализмом на Востоке, серьезнейшие социальные конфликты в Англии,—разве все это не является наиболее блестящим доказательством правоты ленинского тезиса о загнивании капитализма? Разве жизнь не подписывается ежечасно под всеми пунктами ленинской теории империализма?

И все же, оказывается, есть люди, которых ни война, ни революция ничему не научили, которые сумели пронести через все эти годы весь свой старый меньшевистский идейный хлам.

Такой идейный хлам преподносит советскому читателю Финн-Енотаевский, в своей новой работе—«Финансовый капитал и производительность». Под флагом верности ортодоксальному марксизму, с применением целой системы уловок и ухищрений, мы имеем здесь выступление против теории империализма Ленина.

Книга Финна не направлена прямо против Ленина. Наоборот, она критикует прежде всего Гильфердинга, этого столпа II Интернационала. Ленина же Финн критикует как бы вскользь. Но критика Финна направлена не против того Гильфердинга, с которым Ленин боролся, а против Гильфердинга, взгляды которого Ленин в основном признавал правильными.

Финн выступает критиком Ленина, прежде всего,[1] по такому коренному пункту теории империализма, как положение о «сращивании» промышленного капитала с банковым, и приходит к отрицанию ленинской теории «загнивания» капитализма. В итоге—полная солидаризация Финна с Каутским по вопросу об «ультра-империализме» и об Октябрьской революции.

Автор ставит перед собою конкретную цель (об этом говорится в предисловии к книге)—«исправить» принятую полгода тому назад программу... н е м е ц к о й с о ц и а л - д е м о к р а т и и. Он вносит в нее свои поправки, сформулированные им в конце книги. Собственно говоря, вся книга является обоснованием этих поправок.

Уже один тот факт, что русский буржуазный «марксист» Финн не находит для своих теоретических занятий целей более подходящих, чем «исправление» (!) программ немецких социал-предателей, заслуживает размышлений. Но пусть бы эти поправки были направлены против пропитывающего программу немецких с.-д. оппортунизма. Однако, ничего подобного нет. Поправки вводятся к тому, чтобы выкинуть из программы пункт о господстве финансового капитала, включенный в программу Гильфердингом после того, как этот пункт был уже предварительно освобожден им от всякого революционного содержания.

Не знаем, нуждаются ли немецкие меньшевики в «добрых советах» своего русского приятеля. Но одно несомненно: комедиантство с «поправками к социал-демократической программе» служит автору хитроумной ширмой для «опровержения» ленинской теории империализма.

Столь «почтенный» профессор — и такой грубый клоунский колпак!..

II. Финн о новейшей фазе капитализма.

И Гильфердинг и Ленин на основании тщательного анализа явлений современного капитализма пришли к выводу, что в конце XIX, начале XX века капитализм вступил в новую историческую полосу своего развития. Но Гильфердинг в своем анализе остановился на полпути, недооценив при этом реакционной роли монополий, не поняв, что эта новая фаза капитализма есть фаза его «загнивания» «умирания». Именно поэтому-то он и не сделал из своего анализа тех революционных выводов, которые сделал Ленин, и поэтому же он в конечном счете скатился в об'ятия Каутского. Таким образом, общим у Гильфердинга и Ленина было лишь признание того, что капитализм XX века качественно отличается от «классического» капитализма эпохи Маркса. Но Финн не согласен даже с этим.

«Финансовый капитал,—пишет Финн,—не есть высшая организованная форма индустриального, как это представляет Гильфердинг» (75). «Длительное и влиятельное участие крупных, задающих тон банков в индустриальных предприятиях — это исключение». Банки лишь «посредники кредита». В Германии никакого превращения промышленного капитала в финансовый не было, никакого сращения банкового капитала с индустриальным в единое целое не было».

Потоком цитат из Маркса, ссылками на буржуазных экономистов и буржуазных дельцов, а больше всего общими рассуждениями—Финн пытается доказать, что ни о каком господстве финансового капитализма по может быть и речи, что сам «финансовый капитал» в понимании Ленина есть плод его фантазии, что Ленин (как выразился Финн по поводу одного из положений ленинской теории империализма) введен «в заблуждение Гильфердингом и рядом буржуазных экономистов».

О беспримерной чванливости этого профессора от марксизма, проглядевшего все то новое, что дал Ленин в своей теории империализма, уже говорить не приходится. Но посмотрим, что нового нашел в современном капитализме сам Финн.

«Весь процесс капиталистического воспроизводства—процесс диалектический—един, но в своем единстве он сложен и противоречив. Он един с самого основания капиталистического производства; это—условие его движения. Отличие же его последней стадии от предыдущих—в развитии, в силу все большего разделения функций различных форм капитала, внешне все более самостоятельно движущихся моментов, что сопровождается и усложняющимся переплетом и все усиливающейся противоречивостью движения различных моментов, которые тем не менее должны быть внутренно связаны между собою, чтобы процесс мог итти беспрерывно» (49).

Таков итог, к которому приходит Финн в результате своего «анализа» монополистического капитализма и тех глубочайших

качественных изменений, которые произошли в капитализме за последние десятилетия. И этот жалкий лепет Финн пытается противопоставить блестящему ленинскому анализу империализма. Нам кажется, что комментарии здесь совершенно излишни и читатель сам сумеет достойным образом охарактеризовать претензии Финна. Но на чем следует остановиться, так это на попытке Финна опереться на Маркса и Энгельса и противопоставить последних Ленину.

III. За спиной у Маркса.

«Марксизм,—писал Ленин,—есть чрезвычайно глубокое, разностороннее учение. Не удивительно поэтому, что обрывки цитат из Маркса,—особенно если приводить цитаты не кстати—можно встретить всегда среди «доводов» тех, кто рвет с марксизмом». Еще менее удивительны случаи ссылок на Маркса в борьбе с ленинизмом. Среди героев II Интернационала немало начетчиков от марксизма, которые готовы подкреплять цитатами из Маркса всю свою гнусную практику поддержки империализма, борьбы с революцией и т. п. Мобилизуя Маркса против Ленина, Финн делает попытку убедить читателя, что Маркс имел пред собой все основные элементы того, что мы называем финансовым капитализмом. «Следует иметь с виду,—пишет он, — что когда Маркс писал свой «Капитал», он имел перед собою не только развитую английскую кредитную систему, вызванную к жизни именно ростом промышленного капитала, но он знал и опыт Credit Mobilier, имел возможность изучить и роль акционерного дела... показать неизбежность возникновения на этой ступени в известных сферах монополий вообще и монополий денежного капитала, в частности. Более того он знал и про теории «господства банка над индустрией», т. к. в основе Credit Mobilier лежала идея сен-симонистов, что «банки должны сами взять на себя ведение индустрии» и т. д. (10—11).

Все это, конечно, бесспорно, но значит ли это, что Маркс дал нам готовую теорию империализма и что работы Маркса дают ответ на все явления современного капитализма?

«Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним, Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно сказать, классическим типом капитализма вообще... А целую новую эпоху капиталистического развития с большой переорганизацией производственных отношений в капитализме, того, что Ленин обозначал, как монополистический капитализм,—сумму всех этих явлений Маркс знать не мог, потому что их не было, и по этой простой причине он не мог их теоретически выразить и обобщить... Явления из области финансового капитала, из области империалистической политики этого финансового капитала... не были известны Марксу и... должны были подвергнуться теоретическому анализу» (Бухарин). И этот анализ был выполнен Лениным.

Мы полагаем, что тов. Бухарин в данном случае абсолютно прав, что не мало не противоречит тому обстоятельству, что мы имеем у Маркса целый ряд гениальных догадок, проливающих свет на явления современного капитализма.

Финн-Енотаевский ищет ответ на проблему империализма в работах Маркса, написанных более полвека тому назад. А вот что Ленин пишет по вопросу о том, к какому сроку следует

отнести оформление империализма и финансового капитализма. «Для Европы можно установить довольно точно время окончательной смены старого капитализма новым, это именно начало XX века».

Таким образом, апеллировать к Марксу в полемике о характере современного капитализма можно, лишь понимая качественное различие этих этапов капитализма, не перенося безоговорочно результаты теоретического анализа одного этапа на другой. Поскольку же Финн это делает, постольку он не идет дальше повторения самых общих мест, по существу бесспорных, но совершенно не способных к выяснению качественных особенностей нового этапа капитализма. Вообще, несомненно, что Маркс, а в особенности Энгельс, имели перед собой в той или иной степени развития не только акционерную форму предприятий, но и зародыши монополий, вмешательство банков в промышленность и многое другое, получившее вполне развитую форму в империализме. Но ошибка Финна заключается в том, что он совершенно не понял, что нарастание количественных изменений в данном случае дошло до таких размеров, когда налицо оказалось новое качество, о котором Маркс знать не мог. Поэтому приводимые Финном цитаты из Маркса в значительной степени бьют мимо цели. И когда Финн из замечания Маркса о том, что действительный денежный и производительный капитал суть разные экономические категории, имеющие разные формы движения, что банки играют посредническую роль и т. п., делает вывод о том, что ни о каком сращивании банкового капитала с промышленным не может быть и речи, что банки являются лишь посредниками кредита и в современном капитализме, то это служит лишь ярким доказательством того, как не следует всуе цитировать Маркса и искать у него ответа на вопросы, которые перед последним и не стояли.

Но еще хуже приписывать Марксу то, чего он никогда не писал, как это делает Финн, утверждая, что Маркс «совершенно отвергает всякую мысль о «сращении» или «слитии» банкового капитала с производительным». Никакого сращивания банкового капитала с производительным в эпоху Маркса не было, сам вопрос о сращивании перед Марксом совершенно не стоял, и поэтому ни положительных, ни отрицательных ответов на него Маркс давать не мог.

Поскольку же зародышевые явления монополистического капитализма были известны Марксу, постольку его замечания совпадают с последующими формулировками и Гильфердинга и Ленина. Сам Финн вынужден признать, что уже Маркс отмечал растущее вмешательство банков в промышленность. Энгельс же приводил и конкретные примеры «сращивания», хотя и рассматривал последнее, как явление частное. В цитате, приводимой Финном же, Энгельс пишет: «Когда торговля деньгами... в этом своем дальнейшем развитии становится торговлей ценными бумагами (Effektenhandel) и эти бумаги не только государственные, но и индустриальные и транспортные акции—и торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью господствующего в общем и целом над ней производства, тогда реакция торговли деньгами на производство становится еще больше и сложнее. Торговцы деньгами—собственники железных дорог, горных промыслов, металлургических предприятий, и т. д.» (23—24).

Финн считает, что эта цитата может служить доказательством того, что Энгельс отрицал какое бы то ни было сращивание банкового капитала с промышленным, но это происходит лишь благодаря тому чрезвычайно «своеобразному» пониманию этого сращивания, которое имеется у Финна и о котором нам еще придется говорить в дальнейшем, так как иначе Финн понял бы, что выступление торговца деньгами в качестве собственника промышленного предприятия и является одной из форм этого «сращивания».

Ссылками на Маркса Финн хочет доказать, что Гильфердинг, а вслед за ним и Ленин, своей теорией финансового капитала фактически отошли от экономического учения Маркса и извратили его. Финн претендует на роль защитника ортодоксального марксизма от «новаторов», но Финн забывает, что марксизм заключается прежде всего в умении применять диалектический метод—это блестящее орудие познания и исследования живой, вечно изменяющейся, конкретной действительности. Сила Ленина, как политика и марксиста, в том, что он не только знал Маркса, не только умел цитировать его,—а дальше этого Финн в данном случае не пошел,—но и прекрасно владел его диалектическим методом, умел учитывать своеобразие момента, анализировать конкретную обстановку и быть поэтому гибким политиком и стратегом. «Марксист,—писал Ленин,—должен учитывать жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее лишь приближается к охватыванию сложности жизни» (Ленин, собр. сочин., том. XIV, ч. 1, стр. 29).

Финн поступает наоборот и поэтому попадает в безысходный тупик, из которого затем безнадежно пытается выбраться терминологическим крючкотворством и чисто логическими ухищрениями.

IV. О терминологических фокусах и некоторых полемических приемах Финна.

Бесспорно, что терминология в общем вещь условная, но отсюда отнюдь не вытекает, что каждый автор, будь он даже профессор, может играть терминами на манер циркового клоуна. Вкладывать в понятия, уже употребляемые в литературе с весьма определенным содержанием, совершенно произвольное значение в зависимости от своих индивидуальных особенностей и практических целей—прием совершенно недопустимый. Но еще хуже, когда в полемике заведомо вкладывается в данное понятие совершенно другое содержание, чем у противника. В литературе, впрочем, этот прием также имеет свое название.

Для вящей убедительности своей критики Финн употребляет оба приема одновременно. Опровержение теории финансового капитала Финн начинает с того, что вкладывает в само понятие финансового капитала совершенно особый смысл, не имеющий ничего общего ни с общепринятой экономической терминологией вообще, ни с терминологией Ленина и Гильфердинга, в частности. Финансовым капиталом Финн называет «чисто денежную первоначальную форму приносящего процент капитала», т. е. тот капитал, который Маркс и вся экономическая литература

обозначает, как капитал ссудный. Давая «новое» определение «финансового капитала», Финн даже не счел нужным подчеркнуть, что оно коренным образом отличается, как от определения Гильфердинга, так и от определения Ленина.

По Ленину и по Гильфердингу, финансовый капитал означает единство банкового и промышленного капитала, при чем Ленин, кроме того, включает в это понятие чрезвычайно важные моменты концентрации и монополизации как производства, так и банков. По Финну же, финансовый капитал—это капитал, приносящий проценты. По Ленину, финансовый капитал есть продукт последних десятилетий развития капитализма, его новейшая фаза, по Финну же, финансовым капиталом является и ростовщический «капитал» средневековых менял. Чем об'яснить эти терминологические фокусы-покусы, как не попыткой ввести в заблуждение читателей и скрыть шаткость своих позиций?

Но Финн этим не ограничивается. Несмотря на весьма существенную разницу в определениях финансового капитала у Ленина и Гильфердинга, Финн в своем профессорском величии не склонен разбираться в «оттенках» точек зрения. Он поступает несравненно проще: критикует Гильфердинга, а потом об'являет, что и Ленин неправ. Что этот «научный» прием сведения вопроса о финансовом капитале к вопросу о сращивании промышленного капитала с банковым облегчил почтенному профессору его «критику», это несомненно, но в добросовестности такого приема да позволительно нам будет усумниться. Однако, и к Гильфердингу Финну следовало бы отнестись несколько внимательнее, как это сделал Ленин, который, отметив куцый характер гильфердинговского определения, тут же добавил, что «во всем изложении Гильфердинга вообще, в частности, в обоих главах, предшествующих той, из которой взято это определение, подчеркивается роль капиталистических монополий» (т. XIII, 272). Так что даже Гильфердингу нельзя приписывать, что все своеобразие финансового капитала он сводил исключительно к сращиванию промышл. капит. с банковым, как это делает Финн, чтоб иметь возможность ограничиться в своей критике одним вопросом о «сращивании» и обойти ряд других, подчас более существенных вопросов. О полемических приемах Финна пусть судит сам читатель.

V. Финн о «сращивании».

Итак, основные удары Финна направлены по теории «сращивания», устанавливающей новую роль банков в современном капитализме.

Финн не может согласиться с утверждением Ленина, что «по мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки превращаются из скромной роли посредников во властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом, всей совокупностью капиталистов и мелких хозяев, а также большой частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде других стран». Он отрицает, что «это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм». Он категорически возражает против того, что «для империализма характерен как раз не промышленный, а финансовый капитал» и что «финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества», есть «рельефнейшее проявление монополистического капитализма». Об «ошибочности» этих ленинских формулировок Финн пишет уже в своем предисловии. Однако, конкретные возражения он предпочитает направлять преимущественно по адресу Гильфердинга, а не Ленина по соображениям, о которых мы уже говорили выше. Однако, и в критике Гильфердинга Финну определенно не везет.

«Свою теорию финансового капитала Гильфердинг старался обосновать прежде всего (?) утверждением, что банковый капитал имеет своей тенденцией «все растущую часть ссудного капитала превращать в собственный» (50). С этого неожиданного заявления начинает Финн свою критику Гильфердинга и затем на протяжении 12 страниц доказывает, что, несмотря на огромный рост собственных средств банка, депозиты растут еще сильнее, откуда он делает столь же неожиданный вывод, что банки попрежнему являются лишь посредниками кредита, поскольку они оперируют в основном чужими капиталами.

Однако, Финн слишком легко пытается разделаться со своим противником. Совершенно произвольно его утверждение, что финансовый капитализм, по Гильфердингу, п р е ж д е в с е г о выражается в росте собственных капиталов банков. То, что этот рост происходит усиленным темпом, и то, что этот процесс связан с усилением участия банков в финансировании промышленности, поскольку собственные капиталы для этого более удобны, чем депозиты,—этого и Финн не отрицает. Но из того, что депозиты растут еще быстрее, совершенно не вытекает, что роль банков не изменилась и что они остались, как в эпоху Маркса, лишь посредниками кредита. Финансовый капитализм тем и характерен, что при нем немногочисленная кучка магнатов капитала получает колоссальную власть над громадными массами именно чужого капитала, во много раз превышающего их собственный. Этому способствует вся система акционерных обществ, при которых 25—30% акций достаточны для фактического распоряжения предприятием,—система выпуска так наз. «привилегированных» акций и облигаций, система, «участия» и организации дочерних обществ, этому же служит и тесная связь банков с промышленностью. Банки играют посредническую роль в том смысле, что их аппаратом мобилизуются и перекачиваются в промышленность громадные капиталы, но их роль этим не ограничивается. Самое характерное именно в том, что они не только передают капиталы промышленности, но и контролируют использование этих капиталов и принимают непосредственное участие в их применении. Нужно совершенно ничего не понимать в современной экономике, нужно быть человеком в футляре, который ничего, кроме трех томов «Капитала» не знает, чтобы утверждать подобно Финну, что банки в XX веке лишь посредники кредита, как и в середине XIX в.

В доказательство своего тезиса о посреднической роли банка Финн приводит цифры о том, что так наз. «нормальные» операции банков—учетно-ссудные операции, контокорентные счета и т. п.—играют бо́льшую роль в связях банков и промышленности, чем эмиссионные операции. Финн-Енотаевский в данном

случае или сам очень наивен, или надеется на экономическую безграмотность своих читателей. Ведь если взять любое предприятие и проверить, как часто оно занимается эмиссией акций и облигаций, то окажется, что последнее явление не столь уже частое. Если бы банки занимались исключительно эмиссией, если бы их связь с промышленностью заключалась на 100% в эмиссионных операциях, то это свидетельствовало бы лишь об эпизодичности и случайности этой связи. Эмиссионные операции важны лишь постольку, поскольку они усиливают зависимость промышленности от банков, дают в руки последних контрольные пакеты акций, но они ни в коем случае не ослабляют роли других операций банков с промышленностью, а наоборот, чрезвычайно усиливают их значение. Характерным примером в этом отношении может служить изменение значения текущих счетов, о которых Ленин пишет следующее:

«Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как-будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции—сначала точно узнавать состояние дел у отдельных капиталистов, затем контролировать их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита и, наконец, всецело определять их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала, или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п. (Ленин, Собр. сочин., т. XIII, стр. 261).

Но этих качественных изменений, знаменующих крупнейший переворот в производственных отношениях, Финн как раз и не заметил, доказав тем самым свою полную неспособность к экономическому анализу.

Итак, Финн против теории «сращивания». Что же выдвигает он, где его анализ современного капитализма? Приводя указания ряда экономистов на процессы сращивания, Финн пишет: «Возникает вопрос, действительно ли имеет место в данном случае слияние функций банкового капитала и индустриального или лишь выполнение их одной и той же корпорацией. А это вещи различные (?)... И жизнь показала, что имело место только последнее» (45). «Сожительство, хотя бы и под одной кровлей банковского дворца, контор индустриальных предприятий и конторы банка, финансирующего эти предприятия, не есть еще сращение банкового и индустриального предприятий, не есть еще растворение, превращение двух тел в одно единое третье. Формы движения и функции индустриального и денежного, финансового капитала—различны» (80). «Война ясно показала, что о «слиянии», «сращении» банкового капитала с индустриальным, о «превращении» таким образом промышленного капитала в финансовый не могло быть речи. Была во многих случаях лишь личная уния» (78).

В результате оказалось, что Финн признает и личную унию и об'единение собственности на промышленный и банковый капитал в одних руках, но он утешается тем, что не произошло «слияния функций» и банк остался кредитным учреждением, а банкир не превратился в управляющего заводом.

Нужно, однако, быть «профессором», чтобы так безнадежно запутать вопрос. Совершенно бесспорно, что в банке не могут появиться станки и вагранки, а завод не может превратиться в банковскую контору. Ведь сращивание не есть химический процесс, совершенно уничтожающий специфические особенности составных элементов сложного вещества. Поистине смешно читать, с каким апломбом Финн возвещает, что банк остался кредитным учреждением. Мы можем в свою очередь к величайшему удовлетворению Финна добавить, что и фабрики и заводы в эпоху империализма остаются промышленными предприятиями. Но Финн совершенно не заметил, что здесь он сходит с экономической точки зрения и ставит вопрос чисто технически. Личную унию, сращивание собственности он противопоставляет сращиванию функций, совершенно не подозревая, что именно в изменении отношений собственности и заключается все своеобразие финансового капитализма. Финн спекулирует все время цитатами из Маркса, но совершенно забыл ту азбучную марксистскую истину, что разделение капитала на промышленный, торговый, ссудный и т. п. основано прежде всего не на том, что налицо разные функции, а на обособлении этих функций в руках особых лиц, на выполнение разных функций разными группами капиталистов. Если бы функции обращения выполнялись непосредственно промышленными капиталистами, то не существовало бы ни торгового капитала, ни торговой прибыли. А по Финну здесь даже не было бы «сращения», а только «личная уния», ибо Финн признает только «сращивание» «функций». Почтенный профессор упускает из виду, что техническое сращивание функций, о котором он толкует, во-первых, лежит вне пределов экономической науки, а, во-вторых, логически бессмысленно, ибо функция обращения технически не может слиться с функцией производства. Финн проглядел «изменяющиеся общественные отношения производства» (Ленин), не поняв того, что в личной унии и сращивании собственности проявляется лишь тот факт, что «с концентрацией капиталов и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение» (Ленин).

Повторяя азбучную истину о примате производства, Финн совершенно произвольно заменяет проблему сращивания банкового капитала с промышленным проблемой господства первого над вторым. Сращивание может происходить как на основе подчинения банков промышленности, так и на основе подчинения промышленности банками, или без всякого подчинения. Когда во главе банкового консорциума и промышленного комбината стоит одна и та же группа капиталистов, то вообще бессмысленно ставить вопрос о том, что чему подчиняется. Господство финансового капитализма означает прежде всего не господство банкового капитала над промышленным—последнее отнюдь не обязательно, хотя оно очень часто и имеет место—а лишь то обстоятельство, что на смену старому капитализму с его промышленниками, оперировавшими преимущественно собственным капиталом, и банками, занимавшимися лишь посредническими операциями, пришел новый капитализм, в котором монополистические банки и монополистические союзы промышленников настолько тесно переплетаются друг с другом, что позволяют немногочисленной группе капиталистов распоряжаться громадными суммами чужого капитала.

Поскольку финансовый капитал есть синтез промышленного и банкового капитала, постольку совершенно впустую рассуждения Финна о примате производства. С другой стороны, не следует забывать и того, что «преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногочисленных государств, обладающих «финансовой мощью» из всех остальных» (Ленин, Собр. сочин., т. XIII, стр. 282).

Блестящим примером этого выделения является «мирное» проникновение Америки в Европу, основанное прежде всего на ее роли мирового кредитора, занимающегося не только выжиманием процентов из задолжавшей Европы, но постепенно прибирающего к своим рукам и ее транспорт, и промышленность, и банки и другие командные высоты. Но Финн предпочитает проходить мимо этих фактов и заниматься повторением азбучных марксистских истин о примате производства и т. п. Но, уважаемый профессор, кстати ли это, и не свидетельствует ли сие о вашем бессилии?

VI. По следам Каутского.

Мы видели выше, что свои возражения против Ленина Финн по возможности облекал в форму возражений против Гильфердинга. Однако, когда он подошел к центральному звену ленинской теории империализма—к теории загнивания капитализма—Финн лишился прикрытия, ибо Гильфердинг даже в ту пору, когда он еще не изменил марксизму, этого загнивания капитализма как раз и не заметил. Волей-неволей пришлось вступить в непосредственную полемику с Лениным, которая тем более важна, что здесь Финн не топчется вокруг мелочей, а ставит кардинальнейший вопрос, занимающий виднейшее место в системе ленинизма и стоящий в непосредственной связи с ленинской теорией пролетарской революции. Но, полюбуйтесь, с какой чисто иезуитской осторожностью, с какой сладенькой миной он пытается взорвать этот краеугольный камень ленинизма. Начинает он, конечно, с грациозного реверанса пред ленинизмом.

«Империализм по своей экономической сущности монополистический капитализм»,—говорит Ленин. Это верно,—добродушно подтверждает Финн,—хотя во всей своей книге, посвященной финансовому капиталу, не посвятил и одной страницы выяснению значения монополии. «Но далее следует: «Империализм это—«переходный или вернее умирающий капитализм» (Ленин). Вот это неточное (?) выражение и дает повод многим «малым сим» плодить ошибку за ошибкой» (147).

Итак, вкралась маленькая «неточность», небольшая «опечаточка» в ленинскую теорию империализма, которую Финн пытается «исправить».

Кто же поверит Финну, что ленинское учение о загнивании капитализма, из которого непосредственно вытекает его теория пролетарской революции—есть лишь маленькая деталь, да к тому же еще «неточная»? На чью наивность рассчитывает, почтенный профессор, куда девалось его мужество?

В чем видел Ленин «загнивание» капитализма?

«Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется, прежде всего, в тенденции к загниванию, отличающей всякую монополию при частной собственности на средства производства».

«Во-вторых, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя р а н т ь е «капиталистов, живущих стрижкой купонов».

«В-третьих, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В-четвертых, «финансовый капитал стремится к свободе». «Продажность, подкуп по всей линии. В-пятых, эксплоатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплоатация колоний горсткой «великих» держав, все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов» (Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 469—470).

Особое значение «загнивания» Ленин видел в том, что оно ставит в порядок дня социалистическую революцию. «Империализм,—писал он,—есть у м и р а ю щ и й капитализм, переходный к социализму: монополии, вырастающие из капитализма, есть уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм» (XIII, 470).

Отсюда становится ясным, почему теория «загнивания» встречает наиболее сильный отпор со стороны героев II Интернационала и почему столь лицемерны рассуждения Финна о «неточности» выражения Ленина. Но последуем за Финном дальше.

«Монополистический капитализм, — пишет Финн, — высшая фаза развития капитализма; на этой стадии развития он должен достигнуть зенита, после которого наступает закат. Но вопрос в том, достиг ли он уже этого кульминационного пункта?» Оказывается, что нет! «В послевоенное время наблюдается, правда, медленное и крайне болезненное, но все же восстановление его в Европе». Отсюда Финн приходит к выводу о том, что нет «основания для решительных утверждений, что капитализм не сможет раздвинуть в ближайшем будущем и своих производственных отношений». И далее Финн рисует радужную картину дальнейшего развития капитализма, достигающего «высшего положения, чем до войны» и проделывающего «ряд цикловых, спиральных и все расширяющихся движений в мировом масштабе, прежде чем уступить место высшей, планомерной, о б щ е с т в е н н о-контролируемой форме движения экономической жизни» (147—148—149).

Таковы «поправочки» Финна. По Ленину, капитализм уже вступил в полосу своего умирания, по Финну же ему еще предстоит проделать целый ряд под'емных циклов. По Ленину социалистическая революция—вопрос сегодняшнего дня, по Финну—она отодвигается в далекое неизвестное будущее. Но ведь от подобной социалистической «революции» не отказывается даже и маэстро Каутский!

Финна смутила «стабилизация» капитализма, его временный под'ем. Но разве ленинская теория «загнивания» капитализма отрицает возможность таких под'емов? Ничуть не бывало!

«Было бы ошибкой думать, — пишет Ленин, — что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм не-

измеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран» (Англия) (XIII, 333).

Поэтому ссылка Финна на стабилизацию капитализма с целью опровержения ленинской теории «загнивания» не выдерживает никакой критики, ибо между ними нет противоречия. Весь вопрос лишь в оценке этой стабилизации, которая, как известно, несколько отлична у Каутского и у Коминтерна. Финн солидаризируется с Каутским, довольно оптимистически расценивая перспективы развития капитализма. Переубеждать Финна мы не собираемся, но только посоветуем почтенному профессору впредь не скрывать первоисточники своего идейного багажа.

«Дело, конечно, не в том, назвать ли эту фазу (фазу «стабилизации» капитализма. *Л. М.*) сверхимпериализмом или просто империализмом»—замечает Финн. Конечно, дело не в названиях, а в характеристике тенденций развития капитализма. Но эта-то характеристика совершенно различна в ленинской теории империализма и в теории «ультра-империализма» Каутского. Общеизвестно, что Ленин энергичнейшим образом выступал против этой теории ультра-империализма, заявляя, что она «разрывает решительно с марксизмом», сеет вредные иллюзии в рабочем классе, фактически является прямой апологией империализма. Сейчас эта теория ультра-империализма сделалась знаменем второго Интернационала, поступившего на службу Лиги Наций, ведущей под прикрытием разговоров о мире политику насилий, грабежа и подготовки новых войн. Немудрено поэтому, что Финн, являющийся сторонником этой теории, скатывается к прямому оправданию гнуснейшей из войн. Прямое отвращение вызывает его замечание о том, что «инициатором ее (войны. *Л. М.*) была мировая промышленная страна, Германия», ибо из-за этого замечания выглядывают черносотенно-империалистические сказки об овечьей кротости Антанты и о кровожадности тевтонских вандалов.

И после этого у Финна еще хватает смелости выступить в роли хранителя основ ортодоксального марксизма и вносить свои «поправочки» в ленинизм!

В чем нельзя отказать Финну, так это в известной последовательности. Солидаризировавшись с Каутским в вопросе об «ультра-империализме», он затем остается в идейном плену у последнего и в своих суждениях о войне, Октябрьской революции, советской экономике и т. п. Но полный отказ от марксизма Финн пытается прикрыть ссылками на Маркса и Энгельса.

«Следует, далее, заметить,—пишет Финн,—что мы не видели бы особого несчастья в том, если бы у нас был чистый государственный капитализм под контролем советской власти. В истории бывает, что ставший преждевременно (?) у руля класс вынужден выполнять те экономические задачи, которые не успел или не смог выполнить его предшественник» (23).

В этой связи совершенно понятно, почему Финн в специальной главе так яростно оспаривает быстрый темп развития капитализма в России, так упорно отрицает какие бы то ни было элементы финансового капитала в ее дореволюционной экономике. Все это должно послужить лишь доказательством основного тезиса о преждевременности Октябрьской революции. Стоит ли после этого добавлять, что Финн отрицает социалистический характер нашей промышленности? Финн стоит здесь целиком и полностью на почве меньшевизма.

«То, что государство, т.-е. правительственный механизм, является собственником этих предприятий, не является решающим и при рабоче-крестьянской власти, как национализация земли этим же государством вовсе не определяет еще форм хозяйства в нашем земледелии».

Какая полнейшая экономическая неграмотность, какое извращение основ марксизма! Почтенный профессор не может заметить разницы между национализацией земли и национализацией промышленности, не может понять того, что земля не единственное и даже не всегда решающее средство производства в земледелии и что поэтому ее национализация еще не означает перехода в руки государства, того руководства и управления производством, которое мы имеем в промышленности. «Марксист» Финн забыл, какое значение придавал Маркс отношениям собственности для характеристики экономических эпох и недоглядел величайшего переворота в производственных отношениях, именуемого социалистической революцией.

Он боится сказать «пролетарское государство»; у него фигурирует «правительственный механизм», в то время как Маркс писал, что пролетарское государство это есть организация всего р а б о ч е г о к л а с с а. Не для того ли это сделано, чтобы противопоставить государственный механизм рабочему классу и поддержать меньшевистские сплетни об эксплоатации рабочих в социалистической промышленности?

Но не слишком ли много каутскианства в одной фразе?

Думаем, что сказанного достаточно для характеристики литературного выступления Финна, хотя мы далеко не исчерпали всей его меньшевистской премудрости. В общем, Каутский может быть довольным—в Финне он обрел верного ученика.

М. Танин.

Кризис английского угля—кризис английского капитализма.

Генеральная стачка.

Когда пишутся настоящие строки, старая капиталистическая Англия охвачена величайшей в ее истории забастовкой—генеральной забастовкой, в которой участвует около 5 миллионов рабочих.

Итак, грандиозный классовый бой начался. Начался, несмотря на все шатания лидеров, несмотря на призывы Макдональда к правительству, чтобы оно «во имя бога» поняло свою ошибку, несмотря на готовность представителей тред-юнионов итти на уступки.

Трудно сказать, чем кончится борьба. Руководство ее на стороне пролетариата недостаточно решительно, недостаточно четко, не окрылено ясными политическими устремлениями. И в то же время мы уже наблюдаем со стороны всех этих Макдональдов, Томасов и Ходжесов акты прямого предательства. Между тем, молодая английская компартия, несмотря на поразительные успехи, достигнутые ею в последнее время еще недостаточно сильна, чтобы стать во главе движения. Но независимо от непосредственных результатов борьбы, она является началом новой эпохи в английском рабочем движении. И совершенно прав—по своему, конечно,—тот представитель английского правительства, который заявил, что «самочинные» действия железнодорожников ставят вопрос—«чья власть?». Действительно, пусть нынешняя борьба английского пролетариата не является непосредственной борьбой за захват власти, но в историческом смысле этот вопрос поставлен в порядок дня. Его поставило само правительство. Когда пробил решительный час, оно бросило—вынуждено было бросить—игру в «демократию». Оно мобилизовало против рабочих не только полицию, но армию, морской и воздушный флот; оно двинуло в бой фашистские отряды штрейкбрехерской организации ОМС. Оно пустило в ход все средства экономического нажима. На войне, как на войне.

А «драка», в которой участвуют миллионы, закончится ли она для них благополучно, или неблагополучно, оставляет глубокую «зарубку» в коллективном сознании этих миллионов... Эта «зарубка»—политический фактор исторической важности. На массовых краткосрочных политических курсах в течение недель конфликта английский пролетариат проработает такую программу политграмоты, на усвоение которой в «нормальных» условиях потребовались бы многие, многие годы. Но пока идет

борьба еще рано заниматься подведением политических итогов. Поэтому мы в настоящей статье займемся проблемой, изучение которой, нам кажется, еще важнее анализа вопроса о нынешних событиях в Англии, как бы они ни были грандиозны. Мы займемся, главным образом, экономическими причинами великой схватки в угольной промышленности и попытаемся доказать, что они сохранят свою силу в течение долгого периода после ликвидации конфликта в том или ином направлении и будут служить источником крупнейших социальных потрясений и революционизирования английского пролетариата, исходным пунктом революционной эры в старой буржуазной Англии.

При этом нам часто придется ссылаться на любопытнейший и в определенном смысле исторический документ—доклад королевской комиссии по обследованию угольной промышленности под председательством Герберта Сэмюэля [1]).

Несколько слов об этой комиссии. Метод назначения правительством особых экспертов для вынесения суждения о том, что, собственно, происходит в угольной промышленности в Англии не нов. Особую роль сыграла аналогичная комиссия под председательством Сенки в 1919 г. Радикальные предложения Сенки об'яснялись давлением революционной ситуации, господствовавшей в момент работ комиссии и тем фактом, что в ней также участвовали представители рабочих. На сей раз рабочие в королевскую комиссию уже не были допущены. Правительство выделило для обследования «об'ективных» «беспристрастных» мужей: одного крупного чиновника и финансиста (Герберт Сэмюэль), одного передовика черносотенной газеты «Морнинг Пост» (Беверидж) и двух банкиров (Лауренс и Ли). Не лишнее будет привести пару строк из королевского указа о назначении этой комиссии: Для советского читателя поучительно вспомнить иногда монарший стиль в «рабочем вопросе».

«Божьей волей Георг Пятый, Соединенного Королевства Великобритании, Ирландии и Британских Заморских Доминионов Король, Защитник Веры нашему верному казначею и горячо любимому советнику сэру Герберту Луису Сэмюэлю, Рыцарю Большого Креста, Нашего наиболее Достопримечательного Ордена Британской Империи»...

«Да будет Вам ведомо, что мы, питая большое доверие к Вашим познаниям и способностям назначаем Вас» и т. д.

В таком высоком штиле...

«Рыцарю Большого Креста» (кстати сказать, еврею по вероисповеданию) дается королем задание изучить положение в угольной промышленности и повергнуть к стопам его величества «нелицеприятное» суждение о том, кто прав и кто виноват в споре между угольными магнатами и рабочими. С «беспристрастным» приговором этих судей мы ниже ознакомимся. Но, чтобы по достоинству его оценить нужно раньше всего восстановить общую картину нынешнего кризиса.

Размеры кризиса.

«За исключением сельского хозяйства, читаем мы в отчете комиссии Сэмюэля,—в угольной промышленности занято больше человек, чем в любой иной индустрии: не меньше $\frac{1}{12}$ нашего

[1]) Report of the Royal Commission on the Coal Industry (1925) Volum I. Report.

населения непосредственно связано с ней. Она—база нашей железоделательной, стальной, судостроительной и машиностроительной индустрии—база всей нашей промышленной жизни. Стоимость ее продукции достигает около 250 милл. фунтов стерлингов (около 2½ миллиардов рублей). Она дает $^1/_{10}$ нашего экспорта по ценности и $^4/_5$ по об'ему. Она дает груз для большей части нашего тоннажа и удешевляет фрахт импорта, составляющего для нас жизненную необходимость».

Отсюда ясно, что тяжкий кризис английской угольной промышленности есть тяжкий кризис английского капитализма в целом.

И недаром английский министр внутренних дел Джойнсон Хикс заявил в своей речи в Лондоне (15 апреля с. г.) по поводу кризиса в угольной промышленности: «Я должен констатировать без всякого преувеличения, что озабоченность правительства в эти дни серьезнее забот кабинетов военного времени».

А в английском консервативном журнале в статье, цитирующей отдельные места отчета королевской комиссии, читаем такую иеремиаду:

«Эта часть отчета означает конец эпохи беспрерывной промышленной экспансии Англии и начало новой эпохи под знаком полной неуверенности... Возможно, что нам суждено столкнуться с несчастьем значительно более серьезным, чем мировая война, несчастьем, которое не будет менее разрушительным от того, что оно растянется на долгие, очень долгие годы. Несчастьем такого колоссального масштаба явится хронический кризис угольной промышленности, т. к. он повлечет за собой закрытие шахт во все больших размерах, усугубление промышленной депрессии, систематическое понижение уровня благосостояния и рост безработицы».

(Статья Ланселот Лоутона в «Фортнайтли Ревью», апр. 1926 года).

Правда, автор в конце статьи заявляет, что научная реорганизация угольной индустрии может поправить дело, но самоутешение не умаляет значения этого весьма показательного глубочайшего пессимизма на страницах органа правящей партии английской буржуазии...

Причины кризиса.

Каковы же основные причины этого кризиса.

1) Раньше всего—как совершенно правильно отмечается в отчете «депрессия английской экспортной торговли является, главным образом, частью общей депрессии, захватывающей почти все европейские страны, добывающие уголь, депрессии об'ясняемой перевесом предложения над спросом, вызываемым отчасти обединением клиентов, отчасти развитием новых угольных бассейнов и отчасти растущим применением энергии, замоняющей уголь.

2) Общий кризис сбыта английской промышленности и в частности экспортные затруднения железоделательной промышленности.

Последняя не смогла удержаться на высоком уровне, достигнутом в результате расширения производственного аппарата во

время войны и в период кратковременной высокой кон'юнктуры в 1920 г. Это видно из следующих данных:

Выплавка чугуна и стали в Англии в миллионах тонн.

	1913 г.	1918 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Чугун	10,6	9,2	8,2	2,7	5,0	7,4	7,3	6,3
Сталь	7,8	9,7	9,2	3,8	5,9	8,5	8,2	7,5

3) Рост добычи своего угля и сокращение ввоза английского в некоторых странах.

Так, например, Франция увеличила свою среднюю годовую добычу угля с 38,12 милл. тонн в 1909—13 г.г. до 46,29 млн. тонн в 1925 г. Это, с одной стороны, об'ясняется переоборудованием разрушенных в войне шахт, а с другой, увеличением территории Франции. Одновременно экономика Германии, потерявшей такие угольные районы как Эльзас-Лотарингия, Саарская область и часть В. Силезии в отношении угля показала поразительнейшую приспособляемость. Эти потери она возместила значительным увеличением добычи плохих сортов бурого угля. Ей также удалось освободиться от нависшей над ней угрозы попасть в зависимость от английского угля путем развития теплотехники, в частности процессов экономии топлива. Если исходить из довоенной территории Германии, ее добыча угля (высоких сортов) несколько превысила довоенную (169,4 млн. т. в 1925 г. против средней годовой нормы в 161,68 млн. тонн в 1909—13 г.г.). Бурого угля в 1925 г. добыто почти в два раза больше, чем в 1913 г.: 138 млн. тонн в 1925 г. против 73,60 млн. т. в 1913 г., при чем эта разница в 64,4 млн. тонн в переводе на уголь высоких сортов дает лишних 15 млн. тонн. В результате ввоз английского угля в Германию сократился со средней годовой нормы в 9,4 млн. т. в 1909—13 г.г. до всего лишь 3,4 млн. тонн в 1925 г.

В Италии, имеющей лишь ничтожные залежи угля, английский уголь оказался оттесненным на задний план германским, советским и отчасти американским. Ввоз английского угля упал с 8,7 млн. тонн в 1909—13 г.г. до 6,4 млн. тонн в 1925 г.

Россия до войны ввозила английский уголь в изрядном количестве—4,1 млн. тонн (в докладе эта цифра почему-то отнесена за счет Russia, etc.—Россия и проч.). В 1925 г. эта сумма сократилась на ¾. Вообще, данные отчета королевских экспертов о СССР довольно противоречивы. В одном месте (стр. 5) они пишут об «экономической разрухе» у нас, но выражают надежду на то, что в близком будущем СССР опять может стать важным рынком для английского угля; в другом же месте (стр. 8) они пишут о возможной конкуренции со стороны СССР, уголь которого стал прокладывать себе путь в Италию, Грецию, Египет, но при этом прибавляют, что продукция СССР «далеко еще отстает от довоенного уровня». Это последнее утверждение не верно.

В нынешнем 1925—26 хозяйственном году наша программа добычи угля намечена в 1.558 млн. пуд., что составляет свыше 90% добычи 1913 г. (1.713 млн. пуд.). А что эта программа имеет все шансы быть выполненной говорит тот факт, что по сообщению из Харькова в «Правде» от 29 апреля с. г. за прошлое

полугодие на крупных шахтах Донугля добыто 434 млн. пуд. угля против 418 млн. п. согласно программе; эта добыча является рекордной за все время революции. Что же касается наших взаимоотношений с Англией в области угля, то действительное положение вещей таково: если через наши южные порты мы вывозили свой уголь, то, по мнению специалистов, нам может оказаться выгоднее через северные (Ленинград—Мурманск) ввозить английский уголь вместо того, чтобы перебрасывать уголь по железной дороге через всю огромную территорию СССР с Донбасса в северные области. На чьей стороне будет перевес—на стороне вывоза или ввоза—покажет будущее.

Южная Америка. На угольном рынке южно-американских государств, прилегающих к Атлантическому берегу, Англия до войны занимала монопольное положение, но после войны она там стала испытывать конкуренцию со стороны Соед. Штатов. Здесь английский ввоз упал с 7,1 млн. т. в среднем в 1909—1913 г.г. до 4,6 млн. т. в 1925 г. (следует, впрочем, отметить, что в последние годы Англии здесь удалось отвоевать часть позиций, захваченных Штатами во время и в первые годы после войны).

Другое обстоятельство, которое следует подчеркнуть—это политическое значение роста добычи угля в английских доминионах (Австралия, Южная Африка). Ю. Африка—читаем мы в отчете комиссии Сэмюэля—увеличила свою годовую добычу с $6^3/_4$ миллиона тонн в среднем в 1909—1913 г.г. до 11 милл. тонн в 1925 г. и конкурирует с углем метрополии не только в Суэце, но даже в Индии. На фоне общего роста сепаратистских устремлений в доминионах этот факт приобретает для английского империализма роковое значение.

Общая картина упадка английского угольного экспорта станет ясна из следующей таблицы:

	1909—1913 гг.	1924 г.	1925 г.
	(в миллионах тонн)		
Добыча угля	269,59	267,12	244,42
Экспорт »	88,37	81,75	68,97
Внутреннее потребление угля	181,22	185,37	175,45

Мы видим, таким образом, что внутреннее потребление угля в Англии в 1925 г. не особенно значительно отстает от довоенной нормы и что наиболее ярким выражением угольного кризиса является систематическое падение экспорта угля.

4) Постепенное исчерпание легкодоступного угля. Об этом мы в отчете читаем:

«Великобританская угольная промышленность эксплоатировала свои минеральные ресурсы из поколения в поколение дольше любой страны в мире... Легко-доступный уголь Великобритании давно уже исчерпан. Продукция поддерживается путем разработки глубоких все более и более тонких и труднодоступных пластов. Шахтовладельцы не должны упрекать углекопов, а углекопы шахтовладельцев; их общее счастье (? *М. Т.*) или несчастье—жить в старой стране с угольными шахтами уже пережившими свой расцвет».

Так и чувствуется в этих словах глубокий пессимизм постаревшего, одряхлевшего капитализма, который напрасно мечется в поисках секрета омоложения.

5) Анархия и отсталость индустрии. В этом отношении отчет королевской комиссии, помимо и вопреки воле его авторов, является самым беспощадным обвинительным актом против безобразной хаотичной капиталистической системы, точнее говоря—бессистемности, и прекрасной защитой идеи коммунизма.

Эта часть отчета является классическим документом, который с успехом может быть включен во все наши учебники политграмоты.

Отчет прямо говорит:

«Только в особых случаях можно трактовать угольную промышленность как нечто целое... Отличительной чертой индустрии является ее разнородность. Среди шахт имеется много оставшихся от старых времен и с точки зрения современных условий плохо распланированных. Недостатки отчасти об'ясняются устарелостью наших угольных копей, отчасти частной и раздробленной собственностью (курсив наш. *М. Т.*) в отношении минералов и связанным с этим распланированием копей, отчасти другими причинами. Многие из копей слишком малы по размерам, чтобы быть хорошими об'ектами эксплоатации. Многие страдают недостатками с точки зрения оборудования и управления. С другой стороны, имеется много и прекрасно распланированных, оборудованных, и управляемых копей».

«Методы утилизации угля ненаучны; $^4/_5$ угля, потребляемого страной, сжигается в сыром состоянии; жидкое топливо и ценные производные продукты растрачиваются, а воздух от дыма портится. Изыскания в области методов добывания и потребления угля неудовлетворительны».

«Угольная промышленность во многих местах должна быть тесно связана с некоторыми другими отраслями: газом, электричеством, бездымным топливом, нефтью, химическими продуктами, доменными и коксовыми печами. В отношении этой комбинации начало было сделано, но это не больше, как начало».

«Методы продажи и методы транспорта слишком дороги и не дают удовлетворительных финансовых результатов для шахт и, следовательно, для занятых в них углекопов».

А разве мыслимы лучшие результаты, когда вместо одного центрального органа, который контролировал бы производство и распределение в этой сложнейшей жизненной индустрии, мы имеем целых 1.500 отдельных производственных центров с оравой отдельных правлений и директоров, получающих бешеные оклады и целых 17 тысяч органов распределения?! Разве мыслимо радикальное разрешение кризиса при таком хаосе и вавилонском столпотворении?

Отметим еще отягчающие индустрию устарелые средневековые royalties, т.-е. ежегодные взносы промышленности в пользу сиятельных лордов, других титулованных особ и старинных церковных организаций, за которыми суд в XVI веке признал вечные права на недра земли (не на шахты, а абстрактно на недра). Соблюдение этой «славной традиции» обходится промышленности в 6 миллионов фунтов стерл., около 60 миллионов рублей.

6) Вытеснение угля электрической и гидро-электрической энергией. Очень интересные данные по этому вопросу, имеющему колоссальное значение для всей мировой экономики (и, следовательно,—политики) мы находим в статье видного эксперта Д. Броунли в «Фортнайтли Ревью» (март с.г.). Броунли считает, что только радикальная реорганизация всего теплотехнического хозяйства Англии может спасти ее от экономического упадка. Но, несмотря на указание возможности выхода, он так же, как и цитированный выше Лоутон, на будущее смотрит весьма мрачно.

«Больше столетия,—пишет он,—Англия исходила из того основного принципа, что единственным серьезным источником

энергии является сжигание сырого угля и что мы можем снабдить большую часть мира фабрикатами, а также углем, с приличной прибылью уплачивая из доходов за (привозные) пищевые продукты и фактически пренебрегая земледелием».

Но положение,—продолжает эксперт,—в корне изменилось: «Большинство крупных стран теперь выпускает товары своего собственного производства в значительно большей пропорции, и мысль о том, что Великобритания может быть «мировой фабрикой» в настоящее время просто абсурдна (курсив наш. *М. Т.*). Что касается угольной промышленности, следует полагать, что экспорт угля не может продолжаться в нынешних размерах и для осторожности мы должны строить наши планы, исходя из того расчета, что он вовсе прекратится».

Важнейшей причиной такого перелома является начавшаяся революция в мировой технике в результате все растущего применения гидро-электрической энергии, нефти и жидкого топлива из угля. Мировая добыча нефти за период с довоенного 1913 г. до 1925 г. почти утроилась (в 1913 г.—385 млн. баррелей [1]), в 1925 г.—1.055 млн. бар.). Но если запасы нефти постепенно истощаются, то все растущее применение пока еще мало использованной гидро-электрической энергии представляет собой еще более серьезную угрозу для угольной промышленности. В 1920 г. общая энергия, выработанная всеми гидро-электрическими станциями в мире, составляла около 23 миллионов лошадиных сил, в 1923 г.—29 мил. л. с., а к концу 1925 г. по приблизительной оценке—35 милл. л. с., итак—увеличение на $^1/_3$ в течение одного лишь пятилетия. За этот же период мировая добыча угля не двинулась вперед (1920 г.—1.319 млн. тонн; 1925 г.—1.320 млн. тонн).

Исходя из всего этого, эксперт приходит к выводу, что в близком будущем, в связи с переходом к более научным методам и сокращением экспорта, добыча угля в Англии упадет с 250 млн. тонн до 150 млн. т., что потребует сокращения числа углекопов почти на половину.

Мы видим, таким образом, что причины кризиса в угольной промышленности носят настолько глубокий и серьезный характер, что о быстром преодолении их не может быть и речи. И совершенно независимо от исхода нынешней борьбы кризис попрежнему останется важнейшим отрицательным фактором в английской экономике, исходной точкой обостренной социальной борьбы и революционизирования пролетариата.

Беспомощность в борьбе с кризисом.

Владельцы. Методы владельцев в борьбе с кризисом очень просты: нужно раньше всего разбить Федерацию углекопов путем переговоров непосредственно с районами. А там уже нетрудно будет сократить зарплату, удлинить рабочий день и выбросить на улицу, ставших излишними углекопов.

Что угольные короли твердо решили бросить углекопов в пропасть нищеты и голода, видно из следующих данных, заимствуемых нами из недавно вышедшей книжки «The Coal Crisis» («Угольный кризис»), изданной профсоюзным рабочим бюро экономических исследований в Лондоне:

[1]) Баррель нефти весить $8^1/_3$ пуд.

Средний дневной заработок углекопа в Южном Уэльсе составлял в августе 1925 г. 10 шиллингов 7,53 пенса (около 5 р. 25 к.). Если бы было проведено первоначальное требование шахтовладельцев, он был бы сокращен до 7 шилл. 8,05 пенса (около 3 р. 80 к.)—больше чем на четверть. По отношению же к довоенной зарплате сокращение получится еще более резкое, так как в августе 1925 г. реальная зарплата уже отставала от довоенной: в то время, как стоимость жизни в середине 1925 г. превышала довоенную на 76%, зарплата к этому времени поднялась лишь на 57%. Если еще при этом принять во внимание, что среднее количество дней в месяц, когда предприятие может дать углекопу работу уменьшилось за этот период времени, и что с зарплаты делаются различные вычеты (страховка, инструменты и т. д.), то нетрудно будет себе представить, на какую участь угольные магнаты обрекли своих рабочих. Во многих случаях номинальная зарплата, несмотря на быстрый рост дороговизны оказалась бы ниже довоенной. Это видно из следующего примера: в округе Дерхем крепильщик в октябре 1925 г. получал 9 шилл. 11,7 пенсов. Если бы было проведено снижение зарплаты согласно первоначальному плану шахтовладельцев, он стал бы получать всего лишь 6 шилл. 5,31 пенса против 6 шилл. 8,33 пенса в июле 1914 г., или же 11 шилл. 9,38 пенса при прибавке к этой довоенной зарплате 76% на дороговизну. Вот как зарвались вначале шахтовладельцы. И лишь 30 апреля накануне забастовки они «смилостивились», выставив требование: снижение зарплаты «лишь» на 10% в среднем, но увеличение рабочего дня с 7 часов до 8 ч. Это означало бы, что средняя номинальная зарплата — независимо от удлинения рабочего дня—была бы лишь на 20% больше довоенной при росте дороговизны приблизительно на 70%.

Неудивительно, что углекопы на это ответили решительным «нет!». Но шахтовладельцы твердо решили итти в бой, если углекопы не подчинятся. Это видно было из статьи о кризисе в органе «деловых кругов» «Экономист» (17 апр.), написанной еще накануне локаута. Указывая на возможность генеральной забастовки в случае выступления углекопов и, ссылаясь на «холодный прием», оказанный рабочими других стран требованию о помощи со стороны английских углекопов, и на неудавшуюся попытку генеральной забастовки в 1921 г., «Экономист», орган английских капиталистов пишет:

«Генеральная забастовка, без сомнения, имела бы серьезные последствия, хотя в свете опыта 1921 г. она весьма проблематична. Одна только угольная забастовка была бы событием серьезным, но не катастрофичным. Но если альтернативой являются дальнейшие взятки из карманов налогоплательщиков (правительственная субсидия промышленности), то лучше встретиться лицом к лицу с осложнениями теперь» (курсив наш. *М. Т.*).

И действительно, несмотря на готовность соглашательских лидеров итти на уступки, предприниматели обрушились на углекопов со всей брутальностью. Однако, и в случае неудачи всеобщей забастовки «кровопускание» все равно не разрешит кризиса, ибо владельцы не имеют никакого выдержанного общего конструктивного плана для внутренней реорганизации индустрии даже с их обще-предпринимательской точки зрения. Нет такой

положительной программы и в отношении, так сказать, внешней политики угля—угольного экспорта. Известный угольный магнат и финансист сэр Альфред Монд выступает с планом создания английского синдиката для продажи угля, который вошел бы в соглашение с конкурирующим германским синдикатом для поддержания цен на «соответствующем» уровне и, вероятно, раздела рынков. Вполне возможно, что это выступление является не индивидуальным мнением Монда, а коевенным подтверждением конкретных шагов уже предпринимаемых в этой области. Подготовка такого рода комбинаций, имеющих колоссальное значение для всей мировой экономики, обычно составляет «коммерческую тайну» архи-крупных капиталистов и сведения о ней проникают в печать весьма скупо. Но в весьма компетентной статье в «Франфуртер Цейтунг» (17 фев. с. г.) мы читаем, что вся нынешняя тактика английских шахтовладельцев должна быть рассматриваема как «подготовка англо-германского, европейского или даже мирового угольного картеля на основе контенгирования (установление количественных норм вывоза угля для каждой страны) и раздела рынков. И нынешняя тактика Англии является не чем иным, как борьбой за квоту (количественную норму) в таком международном картеле».

Все это весьма вероятно. Английские угольные бароны, очевидно, стремятся накануне окончательных переговоров с их заграничными коллегами дать толчок экспорту путем ухудшения условий труда горнорабочих и уменьшения издержек производства. Такое увеличение экспорта дало бы им возможность исходить в переговорах из более выгодных для Англии увеличенных норм и требовать оставления их в силе при контенгировании.

Но если даже такой картель и будет создан, то он не разрешит кризиса английского угля. Даже сравнительно выгодная квота не устранит кризиса сбыта, устарелости шахт, анархии, отсутствия смычки со все прогрессирующим применением электрической и гидро-электрической силы и т. д. Мы уже не говорим о том, что квота выгодная для Англии будет невыгодной для Германии, ибо то ничтожное облегчение, которое получит английская промышленность, автоматически повлечет за собой ухудшение в германской. Наконец, искусственное вздувание цен на уголь может вызвать осложнения в тяжелой индустрии. Вообще, даже охватывающий важнейшие страны картель, как уже показал исторический опыт, вряд-ли оказался бы долговечным и способным устранить конкуренцию на мировом рынке. И в этом отношении весьма показателен следующий любопытный факт: обсуждая вопрос о возможности англо-германского угольного картеля, лондонский корреспондент немецкой «Индустри унд Гандельсцейтунг» (23 апр.) язвительно замечает, что апостол англо-германского экономического мира Монд за короткое время до опубликования своего плана картелирования выступил в парламенте с речью, полной нападок на Германию; он же, желая получить у германского фабриканта химических красок некоторые патенты, шантажировал его ссылками на определенные статьи кабального Версальского договора. Таков капиталистический промышленный мир.

Королевская комиссия. Политика правительства, накануне конфликта довольно ловко разыгрывавшего свою «трафаретную» роль «честного маклера» между капиталом и трудом, лучше всего отражается в докладе королевской угольной комиссии.

Несмотря на то, что комиссия сама признает необходимость внесения поправок в способ исчисления прибыли шахтовладельцев в связи с переуступкой ими угля подсобным предприятиям по нарочно сниженной цене, она заявляет, что за последнюю четверть 1925 г. 73% угля было добыто с убытком—цифра явно преувеличенная предпринимателями, разыгрывающими «казанских сирот» в виду переговоров с углекопами.

Исходя из этой цифры комиссия заявляет:

«Если нынешнее рабочее время остается без изменений, то необходим пересмотр «минимальной процентной надбавки к основным ставкам заработной платы, установленной в 1924 г. в период временного расцвета индустрии».

Перекладывая всю тяжесть кризиса, вызванного, по косвенному признанию самой комиссии, анархическим и неумелым хозяйничаньем угольных баронов, на плечи углекопов, комиссия далее возвещает:

«Индустрии угрожает катастрофа. И для того, чтобы спасти ее необходимо немедленное снижение издержек производства, что может быть выполнено таким путем и только таким путем» (т.-е. пересмотром надбавок).

Другими словами в наиболее важном вопросе—вопросе зарплаты «беспристрастные эксперты» решительно становятся на сторону угольных королей против рабочих.

И после того, как комиссия в одном месте высказывается как-будто против увеличения рабочего дня, она в конце заключений оставляет лазейку для противоположной постановки вопроса:

«Если бы углекопы добровольно (*!М. Т.*) предпочли некоторое удлинение рабочего времени с меньшим сокращением зарплаты (заметьте, не при оставлении старой зарплаты, а при дальнейшем ее сокращении наряду с удлинением рабочего времени *М. Т.*), то парламент, без сомнения, был бы готов разрешить это).

Еще бы, за этим дело не станет!

То же упорное стремление повредить углекопам, несмотря на жульническую двойственность и изворотливость, так и выпирает из формулировки заключения по другому основному вопросу—о масштабе соглашения. Как уже указывалось, предприниматели самым энергичным образом борются против соглашения с углекопами в общегосударственном масштабе, выдвигая формулу соглашений по районам. Цель этой тактики, обойти Федерацию углекопов и разбить рабочих по частям, по районам. И вот как комиссия подходит к этому кардинальному вопросу:

«Мы считаем необходимым, чтобы остались в силе значительные (! *М. Т.*) колебания между нормами зарплаты в различных районах. Но мы твердо держимся того мнения, что практика соглашений о зарплате в общегосударственном масштабе, должна остаться в силе. Мы рекомендуем, чтобы представители работодателей и рабочих встретились раньше в общегосударственном масштабе, а потом и по районам (курсив наш. *М. Т.*), чтобы притти к соглашению».

Итак, несмотря на всю кошачью гибкость почтенных «экспертов», ясно становится, что они гнут в сторону районных сделок, в сторону раздробления сил пролетариата угольной промышленности, этой тяжелой артиллерии всего английского рабочего движения.

Но что сказали советники его величества по существу, по вопросу о положении самой индустрии? Здесь мы во многих пунктах видим довольно правильный диагноз болезни, но полнейшую неспособность прописать требуемый рецепт. Как уже указывалось выше комиссия вскрывает всю бесплстемность и анархию, царящую в индустрии (1.500 производственных предприятий, 17.000 распределительных, устарелость оборудования, отсутствие научных методов и т. д.). Она даже идет несколько дальше и признает, что «*допущение перехода собственности на уголь в частные руки является ошибкой старого времени, которая должна быть исправлена*». Это—весьма ценное признание. Но наивно было бы, конечно, верить в искренность этой комиссии банкиров, и чиновников. Единственный способ исправить эту ошибку—*национализацию—комиссия решительно отвергает*.

«Федерация углекопов предлагает национализацию копей... Мы не рекомендуем принятия такой политики... Мы не могли убедиться в том, что предлагаемая нам схема практична или же дает определенный выигрыш в социальном отношении. Мы видим в ней серьезные экономические опасности и не находим таких преимуществ, которые не могли бы быть достигнуты столь же легко или еще легче другими методами. Мы рекомендуем поэтому продолжение работы индустрии по линии частного предприятия, но делаем ряд предложений в целях его реорганизации».

Итак, «священная» частная собственность остается нерушимой. Пусть гибнет раскромсанная, распыленная индустрия! Пусть понижается и без того низкий жалкий «жизненный стандарт» рабочих. Лишь бы процветала частная собственность!

Далее следует ряд жалких полумер:

«Недра должны быть приобретены государством (очевидно, речь идет лишь о выкупе royalties. *М. Т.*) покупкой там, где они имеют рыночную цену об'явлением государственной собственностью неразработанного угля или же угля на глубоком уровне, который теперь не имеет рыночной цены... Слияние многих нынешних малых предприятий желательно и осуществимо... Следует поощрять более тесную связь угольной промышленности с родственными отраслями промышленности... Потребности страны в топливе, силовой энергии и свете должны находиться под постоянным и широким контролем особого органа, создаваемого для этой цели».

Но о каких-либо производственных, действенно-организующих функциях этого органа—ни слова!

«Существующие ассигновки на изыскательные работы должны быть значительно расширены индустрией при поддержке государства. Значительные финансовые выгоды могут быть достигнуты путем создания кооперативных агентств для продажи».

Далее отчет комиссии высказывается за закрытие истощенных шахт, добавляя в филантропическом стиле, что правительство должно будет заботиться о новом контингенте безработных, который создастся в результате такого сокращения производства. Это благочестивое пожелание тем более любопытно, что одним из первых мероприятий консервативного правительства было сокращение вспомоществования безработным под различными предлогами.

Затем шаблонные пожелания в духе классового сотрудничества:

«Всюду должны быть созданы об'единенные комитеты шахт.

Условия оплаты рабочих занятых не на поверхности должны быть пересмотрены где это возможно с тем, чтобы заинтересовать их в добыче. Система участия в прибылях с распределением среди рабочих акций предприятия должна быть всюду принята в промышленности и получить законную обязательную силу».

Заканчивается отчет в «высоком штиле»:

«Мы сделаем все, что в наших силах для исполнения возложенного на нас тяжкого долга... Все вышеизложенное мы покорно предлагаем благовозрению Вашего Величества».

Не знаем, какие таланты кроются в черепе под короной Великобританской империи, но всякий здравомыслящий человек должен быть поражен полнейшим убожеством мысли и отсутствием всяких перспектив у этих достойных представителей правящего класса старой, дряхлой капиталистической Англии перед лицом кризиса, угрожающего самому ее бытию. Поистине, кризис экономики английской буржуазии повлек за собой кризис в ее мозгу, паралич способностей, некогда одареной верхушки.

Рабочие лидеры. Увы, и присяжные лидеры английского рабочего движения не далеко ушли от этих королевских советников. Это и неудивительно: многие из этих лидеров тоже являются тайными советниками его величества, состоя в придворном совете, в Privy Council. Только компартия в борьбе вокруг угольного кризиса высоко держит революционное знамя, на котором начертаны ясные, выдержанные принципиальные лозунги и радикальные конкретные требования. И малочисленному коммунистическому авангарду английского пролетариата (компартия насчитывает всего лишь около 5 тыс. человек), благодаря правильной ленинской тактике, благодаря умению в специфических английских условиях найти язык, понятный самым широким массам, благодаря упорной усердной «мелкой», «черной» работе в профсоюзах удалось сорганизовать и возглавить движение революционного меньшинства (minority movement) в профсоюзах, насчитывающее в своих рядах около *одного миллиона* рабочих.

Английские соглашатели правые и «левые» показали себя во всей красе. Их «положительные» меры, предложенные королевской комиссии половинчаты и нерешительны. У них даже не хватило смелости заявить в комиссии дружный протест против безобразных паразитических royalties. В предложениях, представленных экспертам его величества об'единенным комитетом центральных органов профсоюзов, рабочей партии и Федерации углекопов указывается, что по этому вопросу мнения различных организаций, входящих в комитет, расходятся, и только робко отмечается, что Федерация противится принципу компенсации за royalties.

Какая беспринципность, какой позорнейший раскол и идейный разброд перед лицом «экспертов» правящего класса, с одной стороны, перед лицом всего английского пролетариата, с другой!

Еще хуже—в вопросе о национализации шахт. Тут комитет без всяких оговорок признает принцип выкупа, выкупа того, что в течение долгих лет было награблено кучкой паразитов у углекопов. Правда, «национализация» и государственное управление промышленностью, как они мыслятся этими «рабочими вождями», является несколько высшей ступенью с точки зрения организации хозяйства, чем нынешняя анархия. Но не приходится долго доказывать, что переход промышленности в руки нынешнего английского правительства, правительства буржуазии, в интересах буржуазии, все же никак не может принести спасение углекопам. И правы были отчасти угольные магнаты, которые, возражая против «национализации», предлагавшейся соглашательскими лидерами рабочих, доказывали, что на немногих шах-

тах, принадлежащих правительству, положение рабочих отнюдь не лучше, чем на частных. И в самом деле, разница только в том, что, вместо короля угля, углекоп будет иметь своим хозяином его величество короля Соединенного Королевства, приказчика тех же угольных экс-королей, которые за полученные огромные суммы в счет компенсации купят себе трон и корону в железном, нефтяном, банковом или каком-нибудь другом царстве. Английские углекопы в промышленности, «национализированной» по рецепту Макдональдов, Гендерсонов и Сноуденов окажутся в таком же, примерно, положении, как железнодорожники на принадлежащих государству железных дорогах в гинденбурговской Германии или в фашистской Италии—без права забастовок, без свободы классовой борьбы. Вот каковы великие блага макдональдовского «конструктивного социализма».

Но что можно ждать от этих рабочих «вождей», которые как раз в разгар конфликта вместе с епископами и прочими церковниками выпускают обращение, в котором призывают рабочих уповать на милость божию и действовать в духе христианской кротости и миролюбия?.. А мистер Франк Ходжес, секретарь интернационала углекопов, произнес в церкви Христа в Вестминстере речь, в которой слезно умолял шахтовладельцев допустить углекопов к сотрудничеству с ними в деле управления промышленностью, доказывая одновременно рабочим, что добрым поведением следует «рассеять опасения предпринимателей насчет покушения на их исполнительные функции». Далее мистер Ходжес, очевидно, проникнутый к сэру Герберту Сэмюэлю таким же безграничным доверием, как сам король, доказывает, что нужно предоставить угольной комиссии спокойно работать без всякого давления извне. А позже, в самый момент переговоров углекопов с шахтовладельцами, когда требовалась мобилизация всех сил рабочего класса Англии для поддержки углекопов, он выступал с речами, в которых доказывал, что углекопы должны итти на «жертвы»—самое явное предательство. Когда же, несмотря на всю эту трусливость «вождей» и на их готовность продать углекопов, шахтовладельцы все же об'явили локаут, Макдональды и Гендерсоны сделали все возможное, чтобы затормозить небывалое движение солидарности рабочих других отраслей промышленности. А потом, когда правительство пустило в ход против рабочих всю машину репрессий, когда Черчилль вызывающе угрожал совету тред-юнионов, эти джентльмены не нашли ничего лучшего, как проскользнуть в переднюю Черчилля и умолять его приступить к переговорам. И даже, получив неджентльменский пинок от этого достойного представителя английской буржуазии, они попрежнему продолжали ходить на задних лапках перед правительством—и это в момент, когда невиданная в истории Англии боевая социальная сила—пять миллионов рабочих—в дружном революционном порыве выступила на улицу!

Не немногим лучше «левые» лидеры независимой рабочей партии (I. L. P.), этой политической верхушки массовой рабочей партии. Они шумят о «социализме в наше время», национализации копей,—все это «демократическими», «конституционными» мерами,—высказываются даже за «сотрудничество» с Коминтерном в международном масштабе и т. д. Когда же английская компартия обращается к независимым с предложением о едином фронте на почве защиты углекопов и рабочих других индустрий, которые находятся под угрозой наступления предпринимателей, «левые» независимые отклоняют это предложение; в отношении отчета угольной комиссии—та же беспринципность; в отношении международного охвата угольной проблемы—не призыв к об'единенному международному выступлению углекопов, а благословление плана Монда насчет международного картеля угольных баронов. А ведь это пишет один из видных вождей «левых»—Брейлсфорд, в редактируемом им органе независимой рабочей партии «Нью Лидер» (23/IV—26).

Картина неутешительная. Но пятимиллионная стачка, такие исторические факты как движение меньшинства, отпор многочисленных местных организаций рабочей партии попыткам Гендерсонов исключить коммунистов, широкая волна симпатии к заключенным коммунистам, тираж органа молодой компартии «Воркерс Викли», в два раза превышающий тираж «Нью Лидер»,—все эти исторические симптомы с неопровержимостью доказывают, что Ходжесы и вкупе с ними «левые» Брейлсфорды постепенно теряют влияние на массы под напором новых революционных веяний, носительницей которых является молодая английская секция Коммунистического Интернационала.

Выводы.

Какие же выводы вытекают из создавшегося в угольной промышленности положения?

Угольная промышленность, фундамент всего огромного векового здания английской экономики, пришел в ветхость, угрожающую ему крушением. Весь фундамент должен быть перестроен—угольная промышленность должна быть радикально реорганизована. А для этого вся английская экономика должна проделать новую техническую революцию, подобную той, какую проделало английское хозяйство столетие тому назад в связи с изобретением паровой машины. Теперь этими могучими революционизирующими рычагами должна стать электрическая и гидроэлектрическая энергия и новые химические тепловые процессы.

Совершенно прав спец английской рабочей партии по вопросам экономики экс-министр финансов «рабочего правительства», пресловутый Филипп Сноудэн, который говорил в своей речи в Бромли 16 апреля о назревшей «новой технической революции» в Англии.

И вот встает вопрос, окажется ли в состоянии нынешний правящий класс Англии быть носителем этого нового прогрессивного технического переворота.

Мистер Сноудэн, конечно, твердо убежден в этом: «Некоторые из моих друзей социалистов (намек на левое крыло независимой рабочей партии. *М. Т.*) говорят, что капитализм отжил свой век. Я с этим не согласен... Мы вступаем теперь в новую эру электричества и химии; дальновидные капиталисты это видят, и они предпринимают новые шаги, чтобы сделать своей собственностью и эксплоатировать эти новые силы, и если это им удастся, то капиталистический строй получит новый, еще более сильный приток жизненных сил».

Эта вера в вечную жизнь своих добрых хозяев не мешает, однако, королевскому «рабочему» министру для очистки совести, тут же признать, что «не может быть прочного соглашения в угольной промышленности, пока она остается в частных руках» и что раньше или позже шахты должны быть приспособлены к выработке электрической энергии, при чем это должно итти на пользу всему обществу. «Вот что мы называем социализмом», говорит Сноуден. Но социализм тут лишь для красного словца; будучи министром финансов его величества, Сноуден на деле показал, что питает самые благонамеренные чувства к капитализму—недаром от его бюджета буржуазная печать прямо-таки приходила в восторг.

И неудивительно, что в оценке перспектив дальнейшего развития английского капитализма точка зрения представителя II Интернационала Сноудена сходится с точкой зрения председателя центральной организации английских крупных капиталистов, Федерации Британской Индустрии, В. Виллей. Последний на годичной конференции Федерации в Лондоне 19 марта произнес речь, в которой так же, как Сноуден, доказывал, что английский капитализм сможет справиться с задачей перевода промышленности на рельсы новой улучшенной техники и рационализации производства и распределения.

Однако, Сноуден в своей горячей вере в творческие силы капитализма упустил из виду одну «мелочь», о которой не забыл тертый делец Виллей; он упустил из виду следующую «деталь»: если даже английскому капитализму удастся кое-как приступить к реорганизации промышленности, то переходный период будет сопряжен с дальнейшим обострением и углублением нынешнего кризиса, что, в свою очередь, в небывалом масштабе обострит уже зашедшую довольно далеко классовую борьбу и введет буржуазную Англию в полосу революционных потрясений.

«Переходный период,—вынужден признать упомянутый представитель английской буржуазии,—будет весьма критическим для страны, тем более критическим, что британская индустрия имеет ненормально жесткую и негибкую структуру и что традиционный индивидуализм британского характера (читай: британской буржуазии. *М. Т.*) идет вразрез с тенденцией коллективного решения».

Все это в общем верно. Но Виллей говорит только намеками и умалчивает о политических последствиях этого «весьма критического периода». Ведь это не просто вдобавок к нынешнему миллиону безработных выбросить на улицу еще миллион-другой. Ведь английской буржуазии, теряющей свои позиции в колониях, доминионах и на мировом рынке, все труднее и труднее становится расходовать из сокращающейся колониальной сверхприбыли десятки и сотни миллионов фунтов стерлингов на субсидии безработным: это—дорого стоящее средство против революции. Ведь правительство консерваторов уже оказалось вынужденным сократить эти субсидии—эту страховку против революции. А что же будет при дальнейшем ускоренном росте безработицы вследствие попытки рационализации индустрии?..

Грядущий кризис будет тем более глубоким и затяжным, что буржуазия не способна планомерно проводить рационализацию. Лучшим тому доказательством служит беспринципный и бесцветный доклад угольной комиссии, который упомянутый Лоутон называет «трафаретным документом, не дающим никакого решения наиболее серьезной проблемы в истории Англии». И любопытно—даже в речи Виллей мы наталкиваемся на такие заявления, которые свидетельствуют о «борьбе двух душ» в его груди: с одной стороны, он, как всякий капиталист,—узкий индивидуалист, враг коллективизма; с другой стороны, он в качестве председателя «генерального штаба» английских промышленников, не имеющего никакого отношения к управлению промышленностью, инстинктивно чувствует, что нельзя в нынешние времена управлять промышленностью без единого руководящего центра, что разнобою и хаосу должен быть положен конец. Вот почему он жалуется на то, что «не существует центрального общегосударственного органа, который мог бы исполнять функции экономического генерального штаба», и даже говорит о все растущей необходимости «коллективной организации индустрии». Но английский революционный пролетариат, умудренный опытом кризиса английского капитализма и великих успехов социалистического строительства в СССР, ответит почтенному председателю союза английских капиталистов:

— Да, разумная, стройная коллективизация и централизация необходима, экономический генеральный штаб необходим. Но вы, господа, показали себя никудышными «капитанами индустрии». Если нужен генеральный план, коллективизация, то при чем тут вы, вы с вашей конкуренцией, бессистемностью и полнейшей анархией? Прочь с дороги! Дорогу организатору нового, планового, гармоничного экономического и общественного строя! Дорогу коммунизму[1])!

[1]) Статья написана до распоряжения Генерального Совета о прекращении забастовки.

И. Боговой.

Перевыборы советов в деревне и расширение демократии.

Предстоящие перевыборы советов должны закрепить достижения в деле оживления советов и послужить средством сплочения широких масс рабочих и крестьян вокруг партии— такова была основная директива ЦК нашей партии перед началом заканчивающейся ныне перевыборной кампании. Кампания перевыборов советов—кампания первостепенного политического значения—является в нашей советской стране ежегодной генеральной проверкой работы наших местных организаций, проверкой настроения широких масс трудящихся, отношения их к партии и советской власти. Перевыборы советов в деревне в основном подходят к концу, и хотя у нас нет еще полных (изученных и обобщенных) материалов кампании, но уже и теперь возможно и необходимо отметить некоторые, отчетливо выявившиеся моменты и обратить на них внимание партии.

Перевыборная кампания в деревне в этом году проходила в несколько иной обстановке, чем в прошлые годы. Бурный рост всего народного хозяйства за последний год, сильное движение вперед сельского хозяйства и мероприятия партии в области создания благоприятных условий для хозяйственной инициативы крестьянства—усилили темп роста хозяйственной и политической активности всех слоев деревни. Благодаря тому, что «решения партии (XIV партконференция и XIV партс'езд) о кооперативном строительстве в деревне не вполне еще восприняты и недостаточно проводятся в жизнь кооперативными и партийными организациями» [1])—кооперация все еще слаба и не занимает того места в деревне, которое она должна занимать. Это, естественно, отражается на темпе расслоения, на роли капиталистических элементов в крестьянском хозяйстве. Значительно оживившие свою работу местные советы начинают уже играть роль настоящего хозяина в деревне и отсюда стремление кулацкой части деревни, если не забраться в совет, то подчинить его своему влиянию с тем, чтобы «законным» способом обходить советские законы, мешающие развитию и укреплению капиталистических элементов в деревне. Повышенный платежеспособный спрос, явившийся результатом хорошего урожая прошлого года и высоких цен на продукты сельского хозяйства, с одной стороны, и острый недостаток промышленных товаров и высокие розничные цены на них—с другой, являются также новым моментом в деревне.

---

[1]) Резолюция пленума ЦК ВПК (б) «О хозяйственном положении и хозяйственной политике» (апрель 1926 года).

Вот в основном тот фон, на котором проходила перевыборная кампания.

К перевыборам советов в деревне в этом году мы подошли с большей организованностью, чем это было в прошлые годы. Предварительная широкая отчетная кампания, в которой наряду с отчетом о проделанной тем или иным советом или исполкомом работе освещались и предстоящие задачи в области советского строительства вообще и особенно предстоящие задачи в своем районе, в своей волости, несмотря на ряд недочетов, несомненно, оправдала себя. Предвыборная отчетная кампания, разбивка на мелкие избирательные участки, вызов на собрания именными персональными повестками,—все это способствовало привлечению большего количества избирателей. Правда, и в этом году процент избирателей, уклонившихся от участия в выборах, все еще очень большой, но если принять во внимание бытовые и иные условия, то следует признать, что значительный шаг вперед в этом отношении мы сделали. Перевыборы показали также несомненное укрепление деревенских партийных организаций. Той растерянности, которая наблюдалась в очень многих районах на весенних повторных выборах прошлого года, уже нет. Конечно, в отдельных случаях указание о необходимости отказа от командования, от нажима, от работы одним администрированием истолковывалось как отказ от партийного руководства кампанией, но эти случаи не типичны.

«Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах»,—писал в 1919 году В. И. Ленин (том XVII, стр. 240). Какие же формы имеет классовая борьба в деревне в настоящее время? Ответ на этот вопрос дает резолюция XIV партийного с'езда по отчету Центрального Комитета: «Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение, главным образом, в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями и подчинить таким образом советы своему влиянию». В кампании перевыборов советов эта основная форма классовой борьбы нашла свое наиболее яркое выражение. Борьба за середняка, борьба за центральную фигуру нашего земледелия, борьба за советы была ожесточенная. Именно борьба. Некоторые товарищи испугались этого слова. Когда в «Правде» начали появляться корреспонденции под заголовками «Борьба за советы», «Борьба за середняка»—один коммунист, работающий в очень высоком советском учреждении, прислал статью, в которой удивленно разводил руками—как это, дескать, у нас на девятом году революции и советской власти можно еще говорить о борьбе за советы; лозунг, мол, сей как-будто пахнет стариной. Да, была борьба и борьба упорная. На большинстве участков этого фронта победителем вышла партия. Но не везде. Имеются и такие участки, где победа досталась капиталистической кулацкой прослойке деревни. Интересно проследить формы этой борьбы и роль в ней отдельных прослоек деревни.

По общему единодушному признанию—центральной фигурой на выборах был середняк. За счет активности середняка необходимо отнести увеличение числа избирателей, явившихся на пере-

выборные и выборные собрания, деловое обсуждение работы советов и исполкомов, дельные наказы новым советам и т. д. Партия совершенно правильно все время подчеркивает необходимость тесного союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком. Именно благодаря работе партии эта основная сила в деревне в настоящее время в большинстве своем пошла на перевыборах за партией. А если бы партия не вела этой работы, если бы середняк был предоставлен сам себе, то ясное дело, что участков, на которых мы потерпели поражение, было бы значительно больше. Активность деревенской бедноты также значительно повысилась, но беднота все еще слаба и самостоятельной активной силы на перевыборах не представляла; среди бедноты до сих пор еще имеется значительная прослойка, живущая иждивенческими настроениями, не верящая в свои собственные силы, в возможность хозяйственно подняться на ноги. Об'ясняется это отчасти тем, что к практическому осуществлению решений октябрьского (1925 года) пленума Центрального Комитета и XIV партконференции по вопросу о работе среди бедноты мы более или менее вплотную подошли только теперь, во время перевыборной кампании. И, несмотря на ряд ошибок, мы имеем значительные достижения в этой области (по преимуществу пока по линии проведения в совет дельных работников из бедняцко-середняцкой среды). Обращает на себя внимание слабое участие в кампании батрачества. Несомненно, это говорит и о слабости нашей работы среди батраков. Эксплоататорские тенденции кулака, несомненно, усилились, а мы на организацию батраков, на защиту их прав обращаем недостаточное внимание. Вполне своевременным является постановление последнего пленума Центрального Комитета, говорящее, что «перед партией, в частности, стоит задача тщательного изучения опыта применения найма рабочей силы в деревне, развития арендных отношений и выработки мер по урегулированию практики труда и наемных отношений, в целях ограничения эксплоататорских стремлений кулачества и защиты интересов бедноты».

Кулак был активен, но борьба методами «прямого действия» происходила в небольшом количестве районов. Большей частью имели место случаи использования отдельных середняков и бедняков, подпаивание, угрозы и т. д.

Нельзя сказать, что во время этой борьбы за советы, даже руководящие органы занимали всегда правильные позиции. Дело в том, что избирательные права, а, следовательно, и вполне законная возможность активного участия на выборных собраниях была дана тем, кто этих прав, согласно нашей конституции, иметь не должен. Инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве с'ездов советов, утвержденная Президиумом ВЦИК 13 октября 1925 года, открывала возможность этого. В статье 69 нашей конституции (конституции РСФСР) говорится, что у нас *не избирают и не могут быть избраны*: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых это занятие является профессией; д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены

царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок». А в инструкции о перевыборах в статье 18 мы читаем, что нижеследующие категории лиц *не лишаются избирательных прав*: «а) лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в том случае, если применение наемного труда происходит в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах; б) владельцы и арендаторы мельниц, просорушек, маслобоен, кузниц и т. п. предприятий и вообще все кустари и ремесленники, имеющие не более одного постоянного взрослого рабочего или двух учеников, если они лично участвуют в работах; в) лица, получающие проценты с вкладов и облигаций государственных, коммунальных и кооперативных займов, если они не подпадают под действие других оснований, предусмотренных ст. 69 конституции РСФСР; г) лица, выбирающие патент 1-го разряда (торгующие в разнос), если они не подходят под действие других оснований, предусмотренных ст. 69 конституции РСФСР; д) члены семей лиц, лишенных избирательного права по пунктам а, б, в, г статьи 69 конституции РСФСР, если они материально не зависят от лиц, лишенных избирательных прав по своей профессии». И дальше, в ст. 19: «лица, принявшие по договору церковь или церковное имущество, состоящие членами церковно-приходских советов или общин и выполняющие другие по культу обязанности, как, например, председателя церковно-приходского совета или общины, регента, пономаря, органиста и т. д., не лишаются избирательного права. Псаломщики, канторы, муэдзины и т. п. вспомогательный персонал лишаются избирательных прав лишь в том случае, если основным источником их существования является доход от исполнения религиозных обрядов».

Получилось так, что инструкция пошла дальше конституции, расширила ее в части предоставления избирательных прав. Ленин не раз говорил о том, что мы будем в будущем распространять советскую конституцию на все население. Но вопрос заключается в том, в какое время, когда это надо делать. 9 июня 1925 года тов. И. Сталин в своей речи в Свердловском университете, говоря о том, что политика партии по отношению к крестьянству «некоторыми товарищами истолковывается, как расширение демократии для крестьянства и изменение характера власти в стране», заявлял, что, конечно, мы фактически демократию в деревне расширяем и это является уступкой крестьянству, но эта уступка ни в коей мере не меняет характера власти в стране, и «она ни на йоту не меняет нашу конституцию», что эти уступки не вносят изменения в систему диктатуры пролетариата в смысле ее ослабления. Указав на то, что уступки укладываются в рамки решений XIV партконференции и III с'езда советов Союза ССР, тов. Сталин говорит: «Но это еще не значит, что они (рамки. *И. Б.*) останутся неизменными навеки. Наоборот, они, несомненно, будут расширяться по мере роста нашего народного хозяйства, по мере укрепления хозяйственной и политической мощи пролетариата, по мере развития революционного движения на Западе и Востоке,

по мере усиления международных позиций советского государства. Ленин говорил в 1918 г. о необходимости «распространения советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплоататоров, на все население». Речь идет здесь, как видите, о распространении конституции на в с е население, в том числе и на буржуазию. Это было сказано в марте 1918 года. С того времени до смерти Ленина прошло больше пяти лет. Однако, Ленин ни разу не упомянул за этот период о своевременности проведения в жизнь этого положения. Почему? Потому, что не пришло еще время для такого расширения. Но что оно придет когда-либо, когда внутренние и международные позиции советского государства укрепятся окончательно, в этом не может быть никакого сомнения. Вот почему мы, предвидя дальнейшее расширение демократии в будущем, считаем, однако, необходимым ограничить в данный момент уступки по линии демократии рамками, очерченными XIV конференцией ВКП и III с'ездом советов СССР».

Это было сказано, повторяем, 9 июня 1925 года. Тов. Сталин говорил от имени партии. Никто не сказал о том, что у партии, у ее Центрального Комитета иная точка зрения на этот вопрос. Наоборот, постановления XIV партийного с'езда и ряда последних пленумов ЦК подтверждают правильность именно такой точки зрения. Инструкция же о выборах советов утверждена 13 октября 1925 года, т.-е. через четыре месяца и четыре дня— и эта инструкция несколько перешла грани партийных решений.

Что же произошло на местах? А вот что. В Вотской автономной области некоторые у е з д н ы е избирательные комиссии сами предоставляли избирательные права лицам, раньше этих прав не имевшим. Один из районных исполкомов Тульской губернии возбуждает перед губернской избирательной комиссией ходатайство о предоставлении избирательных прав 51 гражданину (всего по волости лишенных избирательного права 112 человек), при чем в число этих 51 входят: 29 быв. служащих полиции и 1 священник. По всему Тюменскому району лишено права голоса 0,4% общего числа населения избирательного возраста. Центральный Комитет по докладу Кубанской организации устанавливает, что «было допущено явно неправильное расширение избирательных прав (лишенных избирательных прав только 1,4%) на категории избирателей, не имеющих этого права по советской конституции (некоторая часть кулачества, торговцы, бывш. белогвардейские элементы не восстановленные в избирательных правах)». Интересную иллюстрацию к тому, что получилось в некоторых районах с проведением на практике «расширения демократии», приводит корреспондент «Правды» Тих. Холодный.

...В станице Черниговской получили право голоса крупные табачные плантаторы—Аведесьян, Чахорьян, Понандопуло и др. В станице Пшехской—тоже. В Ханской—тоже. Кто они эти «кустари», восстановленные в правах? Каждый из них, засевая от 10 до 18 десятин табаком и не работая на своих полях лично, имел от 30—40 до 80—120 длительно-сезонных рабочих.

— Но как же их лишать голоса, когда все они состоят в союзе?—оправдываются местные товарищи.

Какой же эффект произвела подобная «политика» на трудовое население и в первую очередь на бедноту? Эффект печальный. Беднота с'ежилась, беднота не рискнула даже пойти на

выборы в тех участках, где живут табаководы, шедшие в списках. И оно понятно: если где беднота особенно зависит от кулака, так это в Майкопском округе, разводящем табаки. Тысячи паучьих нитей опутывают тут бедняка: кредит, авансы, займы и т. д. заставляют его «смотреть из рук» крупных плантаторов. Вот почему было политической ошибкой майкопских товарищей предоставить избирательные права явным эксплоататорам, и эту ошибку необходимо исправить.

Устанавливая право аренды, узаконивая наемный труд в крестьянском хозяйстве и проводя ряд других мероприятий, направленных к созданию условий для более быстрого поднятия производительных сил деревни, партия не намерена делать никаких уступок по линии политической, т. к. наша советская конституция полностью обслуживает и защищает права всех трудящихся. «Руководствуясь интересами трудящихся, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции»—записано у нас в статье 14 конституции. И записано не для того, чтобы только быть на бумаге, а для того, чтобы твердо и неуклонно проводить в жизнь. Могут на все это возразить, что, дескать, это места неверно поняли инструкцию, а она делает упор на предоставление избирательных прав категории лиц, которая пользуется наемным трудом в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах. А о чем говорят эти правила? В постановлении Совнаркома от 18 апреля 1925 года говорится: «Настоящие временные правила распространяются на крестьянские хозяйства, в которых наемный труд является подсобным». В инструкции к временным правилам, утвержденной 24 июля 1925 года, этот термин немного расшифровывается: «Действие «временных правил» распространяется на крестьянские хозяйства как на землях трудового пользования, так и на арендованных, ведение хозяйства которых основано на личном труде домохозяина и членов его семьи, а применение наемного труда носит лишь подсобный характер». Имея в виду, что в нашей практике почти никогда не лишался избирательных прав середняк, прибегающий к наемному труду в сезоны сельско-хозяйственных работ, очевидно, что инструкция о перевыборах советов идет по линии предоставления избирательных прав той группе, которая хотя и может с натяжкой быть подведена под рубрику пользующихся наемным трудом в качестве труда подсобного, но уже имеет немало и элементов эксплоатации.

В заключение несколько слов о деревенской интеллигенции. Вместе с общим ростом политической активности, несомненно, возросла политическая активность и деревенской интеллигенции, особенно учительства. Учительство и отчасти агрономические работники принимали активное участие как в предвыборной кампании, так и на самих выборах. Процент деревенской интеллигенции, избранной в советы, сильно возрос. Хорошо ли это? Конечно, хорошо. Хорошо то, что новые пласты культурных работников села приобщаются к активной советской работе. Но здесь необходимо видеть и обратную сторону. А обратная сторона заключается в следующем. Несомненно, что абсолютное большинство учительства в настоящее время идет за партией, за советской властью. Это факт, который никто, пожалуй, оспаривать не будет. Но, привлекая учительство, агрономических

работников и других деревенских интеллигентов на свою сторону, мы чрезвычайно мало делаем в деле политического воспитания этих групп. И поэтому сплошь и рядом они воспринимают наши лозунги, наши директивы внешне, не могут до конца осмыслить и переварить их, и так как окружающая среда этому мало способствует, то проведение в жизнь наших лозунгов и наших директив иногда идет совсем не по тому руслу, которое нам надо. Вот на эту-то сторону вопроса должно быть обращено соответствующее внимание наших партийных организаций. Необходимость усиления политического воспитания идущих за нами групп деревенской интеллигенции становится очевидной для всех.

А. Стецкий.

Выход из затруднений или обострение затруднений?

Переживаемые нами теперь хозяйственные затруднения носят особый характер: в основе их отчасти лежат причины общего и длительного порядка; они совпадают с окончанием восстановительного процесса и переходом к новому строительству; они встали перед нами в момент, когда партия поставила перед собой задачу осуществления индустриализации страны. Самое обсуждение вопросов преодоления хозяйственных затруднений связывается с обсуждением больших генеральных линий экономической политики.

Все это придает обсуждению этих вопросов особый, отнюдь не только злободневный, интерес. Мы находимся в сложной ситуации; мы переступаем некоторую межу в нашем движении к социализму; перед нами встают большие проблемы хозяйственной политики.

Необходимо дать себе ясный отчет в теперешней обстановке, в задачах, выдвигаемых обстановкой, в том, как методы преодоления хозяйственных затруднений сочетать с основными линиями нашей политики.

Это тем более необходимо сделать, что за последнее время имеется ряд выступлений, которые нельзя иначе рассматривать, как попытку в связи с хозяйственными затруднениями пересмотреть основные принципы нашей экономической политики и, под флагом ее выпрямления и исправления, фактически сломать основные линии этой политики.

К числу этих выступлений относятся и статьи т.т. Преображенского и Оссовского, помещенные в №№ 6 и 7—8 «Большевика». В них много общего. И т. Преображенский и т. Оссовский исходят из одних и тех же предпосылок, оба они отрицательно относятся к тому хозяйственному курсу партии, который был взят против оппозиционеров 1923 г.; оба они считают, что этот курс привел нас к теперешним хозяйственным затруднениям.

По существу много общего содержится и в их предложениях относительно дальнейшей политики.

Разница лишь та, что т. Оссовский идет до конца там, где т. Преображенский останавливается на полдороге, что он договаривает то, что у т. Преображенского скрыто за «фигурой умолчания».

В общем же оба автора рассматривают вопрос о преодолении хозяйственных затруднений и осуществлении индустриализации, исходя из теории так называемого «первоначального социалистического накопления», изобретенной т. Преображенским и вызвавшей дружный отпор со стороны большинства партии.

* * *

Прежде всего относительно причин хозяйственных затруднений. В этом отношении у обоих авторов наблюдается стремление свести все дело целиком к диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

В том, что у нас имеется эта диспропорция, не может быть спору.

Несмотря на то, что и продукция сельского хозяйства и промышленности находятся на одинаковом уровне, что в настоящее время нам удалось достигнуть того же соотношения между продукцией сельского хозяйства и промышленности, что было до войны, спрос на промтовары значительно превышает их предложение. Причины этого нарушения равновесия лежат, как это правильно формулирует тов. Преображенский, в перераспределении доходов внутри страны в результате Октябрьской революции.

Налоговое бремя для крестьянства облегчено. Платежи помещикам ликвидированы вместе с ликвидацией помещечьего землевладения. Вследствие этого в Советском Союзе значительно меньшая, чем в дореволюционной России, часть товарной продукции в деревне идет на принудительные продажи без эквивалента. Эта часть товарной продукции деревни, служившая раньше источником доходов помещиков и бюрократии, доходов, тратившихся отчасти за границей, а отчасти уходивших на оплату импорта предметов личного потребления, шедшая на покрытие иностранных займов и процентов по ним, теперь является источником увеличения дохода крестьянства, источником дополнительного спроса со стороны крестьянства на промтовары.

«Меньше берет государство на непроизводительные цели, меньше идет непроизводительным классам, в той части, которая растрачивалась за границей или путем потребительского импорта из-за границы, ничего не идет на уплату по иностранной задолженности и ничего—в качестве прибыли на иностранный капитал, вложенный в нашу промышленность. Если сложить все перечисленные нами суммы, то они—минус возросшее потребление в натуральной форме, составят фонд увеличившегося в результате Октября дополнительного платежеспособного спроса»...

...«Этот добавочный спрос действует и будет действовать так же, как если бы, допустим, перед войной к царской России была присоединена новая обширная аграрная территория, пред'явившая дополнительный спрос на продукты тогдашней промышленности» [1]).

В общем эта формулировка нарушения равновесия между сельским хозяйством и промышленностью правильна и не подлежит сомнению. Следует лишь заметить, что в этой формулировке т. Преображенский не выдерживает строго выставленного им самим положения о необходимости отличать перераспределение спроса внутри страны от повышения этого спроса.

В результате революции мы имеем перераспределение спроса внутри страны: тот спрос, который пред'являлся раньше помещиками, и часть спроса, пред'являвшаяся со стороны госаппарата, он теперь исходит со стороны крестьянства, становится

[1]) Преображенский. «Экономические заметки». «Правда» 15 декабря 1925 года.

крестьянским спросом. Но спрос внутри страны увеличился, лишь, как устанавливает сам т. Преображенский, в мере «ликвидации той части этих доходов, которая затрачивалась за пределами страны, либо внутри страны, но за счет импорта предметов потребления из-за границы».

Поэтому неправильно выставлять в качестве условия увеличения спроса, как то, что «меньше берет государство на непроизводительные цели», так как на соответствующую сумму госаппарат пред'являл спрос как за границей, так и внутри страны,—так и то, что «ничего не идет на оплату иностранной задолженности», ибо этой оплате предшествовал импорт капиталов, создававший спрос внутри страны. Следовательно, эти два момента не влияют на увеличение внутреннего спроса, обращенного к нашей промышленности.

Но в общем повторяю, этот анализ причин нарушения равновесия между спросом на промтовары и их предложением не может вызывать возражений.

Никак нельзя однако согласиться с попытками «вывести» все наши хозяйственные затруднения из этой диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

В чем выражаются эти затруднения? Они выражаются в наблюдавшемся до последнего времени общем росте цен как сельско-хозяйственных, так и промышленных (особенно розничных), в колебаниях нашей валюты, в несоответствии импорта экспорту, в несоответствии развертывания промышленности, имевшимся в ее распоряжении рессурсам, в несоответствии между ростом зарплаты и ростом производительности труда, не говоря уже о несоответствии между продукцией топливной промышленности и потребностями других отраслей и недостаточном, по сравнению с потребностями народного хозяйства, развитии транспорта.

Беглый перечень этих хозяйственных затруднений показывает, каким недопустимым, грубым упрощенством, искажающим действительную картину нашей хозяйственной обстановки, является подобное «сведение» всех затруднений к диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Разве диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью можно об'яснить, почему колеблется червонец, почему понизилась несколько его покупательная сила?

Если бы все дело было в диспропорции, то на ряду с повышением цен промтоваров должно было бы наблюдаться понижение цен сельхозпродуктов. Но покупательная сила денег по отношению ко всем товарам оставалась бы той же самой. А у нас наблюдался общий рост цен и колебания червонца.

Диспропорцией нельзя об'яснить и затруднений в области внешней торговли, вытекающих из того, что мы начали осуществлять раздутый импортный план в надежде на проблематичный, оказавшийся несоответствующим нашим рессурсам, экспортный план. Наконец, исходя из диспропорции, нельзя об'яснить и затруднений в области промышленности.

При анализе этих затруднений необходимо иметь в виду наш осенний «просчет». Без этого нельзя понять сложившейся обстановки и нельзя нащупать правильные методы преодоления хозяйственных затруднений.

На это обстоятельство я указывал в своей статье «Хозяйственные затруднения» («Правда» от 6/II—26 г.), которая подверглась

критике т. Оссовского и т. Преображенского. Это обстоятельство подчеркивается и в принятой апрельским пленумом ЦК резолюции о хозяйственном положении.

В чем сказался этот просчет? В том, что мы составили такие хозяйственные планы, дали такой размах хозяйственному строительству, которые не отвечали имевшимся в стране ресурсам.

Был составлен на основе преувеличенной оценки хлебных излишков план хлебозаготовок на 800 милл. пудов. В соответствии с этим планом хлебозаготовок и преувеличенной оценкой развертывания товарооборота были определены эмиссионные возможности и составлен кредитный план; им соответствовал экспортный план свыше чем на миллиард рублей и импортный план, выражавшийся почти такой же цифрой; наконец, в тесной связи с этими планами, преувеличенной оценкой хлебозаготовок, возможной эмиссией и импортом составлялись промышленные планы и определены капитальные затраты.

Следует далее заметить, что большой план хлебозаготовок и хлебоэкспорта предполагалось на 60% выполнить к 1 января.

Но товарные излишки хлеба оказались значительно меньше того, что мы предполагали. Фактические хлебозаготовки также оказались ниже предположений. Форсирование их, притом исходившее из преувеличенных планов и базировавшееся на неограниченном кредитовании, привело к росту хлебных цен: осенью этого урожайного года цены оказались *значительно выше, чем осенью прошлого неурожайного года*[1]).

Совершенно очевидно, что это обстоятельство само по себе должно было обострить товарный голод, обострить диспропорцию, чего *никак* не хотят заметить ни тов. Преображенский, ни тов. Оссовский. Повышение хлебных цен и быстрый темп реализации хлеба дали возможность крестьянству в свою очередь пред'явить повышенный спрос на промтовары, повлекший за собой и скачок промышленных цен.

Таковы обстоятельства, которые вызвали общее повышение цен или, другими словами, повлекли за собой некоторое понижение внутреннего курса червонца. Вместо того, чтобы анализировать эти обстоятельства, поставить их в связь с нашим просчетом, со всей нашей установкой осенью, т. Преображенский ограничивается замечаниями насчет того, что «в частном хозяйстве начался рост цен» и насчет ошибки НКФ в размерах эмиссии.

О причинах этой «сдержанности» в суждении о нашем осеннем маневрировании поговорим дальше; уроков этого маневрирования т. Преображенский не хочет касаться потому, что они бьют прежде всего по его системе.

Итак, хлебозаготовки оказались ниже того, что предполагалось по плану. В соответствии с этим размеры товарооборота и экспорта точно так же оказались ниже предположенных.

Но эмиссия была произведена в расчете на большее развитие товарооборота: нами осуществлялся большой импортный план в расчете на большой экспортный план. Развертывание промыш-

[1]) Средневзвешенные заготовительные цены «Хлебопродукта» за период август—ноябрь дают следующую картину:

	1924 г.	1925 г.
Рожь	66	83
Пшеница	94	124
Овес	58	74
Ячмень	64	67

ленности было начато в расчете на большие возможности импорта оборудования и сырья, расширения кредитования и пр. В результате осуществления преувеличенных планов и получился ряд своеобразных «диспропорций», которые на ряду с основной диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью характеризовали и характеризуют в значительной мере теперь наше положение; это—несоответствие между денежной массой и потребностями товарооборота, между импортом и экспортом, между развертыванием некоторых отраслей промышленности и сырьевыми и др. возможностями и т. д.

* * *

Таким образом, причины хозяйственных затруднений могут быть формулированы следующим образом: *на ряду с основной диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью, которая создалась вследствие увеличения внутреннего платежеспособного спроса в результате революции, здесь значительную роль сыграл осенний просчет—ошибка в темпе развертывания, которая нами была совершена при общем правильном курсе нашей политики.*

У т.т. Преображенского и Оссовского, однако, дело выглядит иначе. Они сосредоточивают все внимание на анализе диспропорции, чтобы затем об'явить, что хозяйственные затруднения являются результатом именно *основного экономического курса партии*, курса на смычку промышленности с крестьянским хозяйством, на понижение промышленных цен, на ликвидацию ножниц, курса исходящего из того, что в интересах прежде всего самой промышленности необходимо обеспечение под'ема сельского хозяйства.

Делается это при помощи несложного фокуса. Сначала, как мы видим, тов. Преображенский устанавливает, что товарный голод, обусловливающий, по его мнению, и другие затруднения, является следствием повышения внутреннего платежеспособного и, прежде всего, крестьянского, спроса в результате революции. А затем предлагается ряд следующих «умозаключений»: если спрос превышает предложение, то это, с другой стороны, значит, что промышленность производит недостаточно для удовлетворения этого спроса. Следовательно, другим выражением превышения платежеспособного спроса над предложением является *недопроизводство промышленности, недостаточно быстрый темп накопления в ней.*

«Нашей промышленностью,—заключает далее тов. Преображенский,—руководим мы сами, и если мы не обеспечиваем в плановом порядке необходимых размеров накопления в ней, мы сами поддерживаем товарный голод».

Следовательно, партия виновата в том, что существует диспропорция и товарный голод, ибо она ведет политику «недостаточного производства» и «недостаточного накопления». *Начав, таким образом, с анализа диспропорции, дав ей в общем правильную формулировку и обоснование, об'яснив ее, исходя из такого факта огромнейшего исторического значения, как Октябрьская революция, т. Преображенский, снова искушаемый, повидимому, «духом оппозиции» 1923 г.,*

перескакивает с этой правильной плоскости анализа на обвинение партии в том, что она, якобы, своей политикой «недопроизводства», «недостаточного накопления» создает товарный голод и проч. затруднения.

Эта своеобразная «оппозиционная» логика, имеющая своей задачей оправдать прежнюю позицию т. Преображенского и доказать неправильность партийной линии, не связывает, таким образом, концы с концами и находится в резком противоречии с действительностью.

В самом деле. Как обосновывает это свое заявление тов. Преображенский?

«Товарный голод у нас был налицо еще до осеннего просчета, а, значит, перенести центр внимания на этот последний конкретный просчет, значит «укрыться от признания» какого-то другого просчета, который по времени предшествовал осеннему. А это приводит нас к необходимости вообще строго различать между кон'юнктурными просчетами и просчетом более основным, с более длительными и глубокими последствиями. Таким просчетом является недооценка роста платежеспособного спроса крестьянства и города. Эта недооценка была сделана уже в 1923—24 г.г. Она привела в области экономической политики к лозунгу: «промышленность, не забегай вперед», она повлекла за собой в области практической систематически-недостаточное накопление в промышленности. Следовательно, основной просчет, с которым, главным образом, связаны наши хозяйственные затруднения, был сделан не осенью 1925 г., а на протяжении еще 1924 г. В 1925 году мы лишь пожинаем плоды этого основного просчета, который остается в силе и теперь и за который, повидимому, нет охотников нести ответственность. А это значит, что в спорах 1923—24 г.г. и в дальнейших спорах на те же темы, которые велись внутри планирующих органов, правыми полностью и целиком оказались «индустриалисты», а не те, кто думал осуществлять смычку с крестьянством посредством промышленного недопроизводства» [1]).

Ему вторит т. Оссовский: «И тут-то, т.-е. в 1923—24 г.— наша экономическая политика совершила свое грехопадение»...

Смысл этих заявлений не оставляет никакого сомнения. Здесь мы наблюдаем попытку со стороны т. Преображенского, в связи с хозяйственными затруднениями, взять у партии «реванш» за свои «неудачи» в дискуссии 1923 г., представив дело так, что виною всему является «стратегический просчет», тот курс политики, который был взят партией против т. Преображенского и других.

Однако, кого же можно теперь убедить, что партия вела политику промышленного «недопроизводства» и «недостаточного накопления»?

Факты, цифры роста промышленной продукции, увеличения количества рабочих, капитальных затрат и проч. налицо! И они целиком говорят против «оппозиционных праведников», сокрушающихся о «грехопадении» партии.

Именно экономический курс партии, взятый против оппозиционеров 1923 г., курс на понижение

[1]) Преображенский, «Эконом. заметки», «Большевик» № 6 с. г. стр. 66—67.

промышленных цен, на ликвидацию ножниц, на смычку промышленности с крестьянским хозяйством, на облегчение развития сельского хозяйства, обусловил бурный под'ем промышленности. Нам удалось на основе этой политики преодолеть кризис сбыта 1923 г., который застопорил развитие промышленности. Результатом проведения этого курса было увеличение платежеспособного спроса крестьянства, ускорение оборота капиталов, рост накопления в промышленности и увеличение ее продукции. Стоит напомнить лишь, что за один прошлый год крупная промышленность дала прирост продукции свыше чем на 60 проц., что мы достигли теперь и в промышленности, и в транспорте, и в сельском хозяйстве уровня, который мы должны были, по прежним нашим расчетам, иметь несколькими годами позднее.

И после этого нам говорят о политике промышленного «недопроизводства», «недостаточного накопления». Действительно... «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

Попытался ли т. Преображенский, возводящий на партию тяжелые обвинения в том, что она вела политику «недостаточного накопления», т.-е. сознательно задерживала движение к социализму, попытался ли он фактами и цифрами доказать, что партия действительно не использовала всех возможностей для развития промышленности?

Нет, этого т. Преображенский не сделал.

Вся его экономическая «премудрость», все его рассуждения в этом отношении, сводятся к формуле: «если бы, да кабы». Но на этом «древле-русском» принципе далеко не уедешь...

«Разве не ясно,— говорит т. Преображенский,—что если бы мы в 1924 г. подготовили элементы расширения производства товаров крестьянского спроса для 1925 г., хотя бы на 70 или 80 миллионов рублей больше теперешнего, мы могли бы в 1925 году купить у крестьян на 70 миллионов пудов больше хлеба и на 100 миллионов пудов могли бы больше этого хлеба вывезти за границу? Разве не ясно, что мы, быть может, не были бы вынуждены сокращать производство и рассчитывать рабочих в отраслях, связанных с закупками иностранного сырья?»

Конечно, «если бы, да кабы», то, как известно, много хорошего было бы на свете, и у нас не было бы товарного голода, не было бы затруднений, не было бы нищеты, отсталости и проч... и было бы все то, что может дать самый высокий взлет фантазии т. Ларина.

Но нам приходится, как известно т. Преображенскому, строить свою политику не на «если бы, да кабы», а на реальных ресурсах и в соответствии с реальными возможностями.

Возьмем небольшой пример в этом отношении.

Тов. Преображенский утверждает: если бы мы подготовили расширение производства предметов крестьянского спроса, то и т. д.

Как дело обстояло в действительности?

Ряд отраслей промышленности, работающих на удовлетворение крестьянского спроса, и прежде всего текстильная промышленность, пользуется импортным сырьем. Увеличение их производства возможно, далее, при замене изношенного оборудования новым, которое также в значительной мере мы можем получить лишь из-за границы.

Но размеры нашего импорта определяются размерами экспорта, а последний—уровнем продукции сельского хозяйства.

Прошлый год был неурожайным годом. Наш экспорт был ограничен. Естественно, что были ограничены и возможности импорта сырья и оборудования. Для того, чтобы все же не снижать темпа развертывания промышленности, и удовлетворить крестьянский спрос мы пошли на крайнюю меру: превысили в импорте уровень экспорта, пошли на пассивное сальдо по нашему торговому и расчетному балансу с заграницей, решились на шаг, результаты которого нам приходится теперь чувствовать.

Позволительно ли для экономиста, для политика «отвлекаться» от подобных обстоятельств, от реальных рессурсов и реальных возможностей при обсуждении вопросов развертывания промышленности?

Позволительно ли при таких условиях марксисту подходить к оценке нашей хозяйственной политики с принципом «если бы, да кабы»?

Пусть ответит на это сам т. Преображенский.

Нам остается лишь ограничиться замечанием, что при такого рода «предпосылках» т. Преображенский навряд ли добьется больших успехов в своей попытке «реванша», чем те, которые он имел в дискуссии 1923—24 г.г.

* * *

Что же предлагает т. Преображенский для выхода из теперешних затруднений?

Основной задачей он считает задачу восстановления равновесия между сельским хозяйством и промышленностью посредством соответствующего «перераспределения» рессурсов между ними.

«Нашей промышленностью руководим мы сами, и если мы не обеспечиваем в плановом порядке необходимых размеров накопления в ней, мы сами поддерживаем товарный голод. С одной стороны, путем национализации промышленности мы ограничиваем действие закона ценности в советском хозяйстве, а с другой стороны, не замещаем действия этого закона необходимым темпом планового социалистического накопления, т.-е. не обеспечиваем на основе сознательной политики такого распределения рабочих сил и материальных рессурсов в нашей стране, которое обеспечивает хозяйственное равновесие».

«С социализацией промышленности и транспорта шутить нельзя,—так поучает т. Преображенский.—Если мы ограничиваем или ликвидируем действие закона ценности, этого стихийного регулятора капиталистических отношений, то мы должны заменить его плановым социалистическим накоплением в тех пропорциях, которые диктуются нам всей экономикой страны».

Итак, нарушенное равновесие должно быть восстановлено путем усиления «планового социалистического накопления». Против такой общей постановки задачи возразить ничего нельзя. Действительно, мы должны усиливать «плановое социалистическое накопление».

Однако, в эту общую правильную формулу т. Преображенский вкладывает свое особое специфическое содержание от теории так называемого «первоначального социалистического накопления».

И в самом деле, у т. Преображенского не найдешь ни намека, ни звука насчет размеров, возможностей увеличения и методов использования «нормального накопления» в государственном секторе нашего хозяйства.

Для него этого накопления в государственном секторе хозяйства не существует, хотя, как это видно из предварительных расчетов Госплана, необходимые новые инвестиции капиталов в государственном секторе хозяйства в размере 16 миллиардов на 10,5 миллиардов будут обеспечены за счет нормального накопления, и лишь на 6—потребуют пополнения за счет госбюджета, доходная часть которого также в значительной мере включает поступление из этого сектора.

Но т. Преображенский загипнотизирован своей теорией «первоначального социалистического накопления», краеугольным камнем которой является положение, что на данной стадии переходного периода социалистическое накопление неизбежно происходит, главным образом, путем «эксплоатации» несоциалистической среды, т.-е. прежде всего крестьянского хозяйства, путем «перекачки рессурсов» из крестьянского хозяйства в социалистический сектор нашей экономики.

И в данном случае, когда т. Преображенский говорит об усилении социалистического накопления, то это «усиление» означает у него «усиление» перекачки рессурсов из крестьянского хозяйства в промышленность.

В какой мере крестьянское хозяйство может выдержать такое «усиление» перекачки, не приостановит ли последнее роста крестьянского хозяйства—эти вопросы т. Преображенского не интересуют. Ведь тут дело идет о «частном хозяйстве», а последовательного т. Преображенского занимают лишь интересы «социалистического сектора»: то обстоятельство, что развертывание промышленности и ход социалистического накопления в наших условиях сами определяются ростом крестьянского хозяйства,—это «маленькое» обстоятельство упорно обходится т. Преображенским.

Ход его рассуждений по своему прост и схематичен.

У нас наблюдается превышение платежеспособного спроса со стороны крестьянства над предложением промтоваров; промышленность не в состоянии полностью удовлетворить этот спрос.

Следовательно, надо произвести такое «перераспределение рессурсов» между промышленностью и сельским хозяйством, которое обеспечило бы установление необходимого равновесия.

«Частное хозяйство» (под этим «целомудренным» термином т. Преображенский сваливает в одну кучу и капиталистические хозяйства в городе, и кулацкие в деревне, и середняцкие, прокламируя по отношению ко всем им по существу одну и ту же политику! Это называется по-ленински!) частное хозяйство «заработало» на повышении цен, следовательно,—заключает тов. Преображенский,—мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему его потери и гарантировать от потерь в будущем».

В качестве основных методов для выполнения этой задачи Преображенским предлагается: повышение отпускных цен трестов и увеличение налогов.

Такова суть программы т. Преображенского: при помощи повышения налогов и отпускных цен вернуть, во-первых, то, что «частное хозяйство», т.-е. прежде всего крестьянское, заработало на повышении цен; во-вторых, произвести такое перераспределение ресурсов между крестьянским хозяйством и промышленностью, которое обеспечило бы установление необходимого равновесия в нашей экономике.

Эта программа означает неслыханное увеличение налоговых и проч. тягот для крестьянства.

Она означает неслыханное усиление нажима на крестьянство.

И в самом деле. Что может означать выдвигаемая т. Преображенским формула обеспечения «социалистического накопления в тех пропорциях, которые диктуются нам всей экономикой страны», «накопления», которое по т. Преображенскому должно происходить, главным образом, за счет перекачки ресурсов из крестьянского хозяйства в промышленность?

Как мы видели, нарушение равновесия в нашем хозяйстве обусловлено в основном увеличением платежеспособного спроса крестьянства в результате ликвидации буржуазно-помещичьего строя, вследствие облегчения налогов, падающих на крестьянство, ликвидации арендных и других платежей.

При такой постановке предлагаемое т. Преображенским для восстановления равновесия «перераспределение ресурсов» между сельским хозяйством и промышленностью может означать следующее: мы должны брать теперь с крестьянства в целях установления равновесия не меньше, чем брало царское правительство и помещики.

И действительно, у «последовательного» т. Оссовского, который исходит по существу из тех же положений, что и т. Преображенский, мы находим законченную формулировку этого положения точно так же, как и развернутую аргументацию о необходимости осуществления индустриализации *не в союзе с крестьянством, а против него и в борьбе с ним.*

Послушаем, как напр., т. Оссовский характеризует наше положение: «Продолжающийся долгое время у нас хозяйственно-финансовый *кризис* (кризис, а не затруднения! *А. С.*) имеет свои корни *в упорном сопротивлении со стороны частно-собственнического хозяйства (сельского хозяйства главным образом) нести пропорционально своему удельному весу в экономике страны издержки по созданию крупной государственной промышленности, хотя бы в размерах близких к тем, как это было сделано (!?) сельским хозяйством в дореволюционное время*».

Далее. «И так как наша финансово-экономическая политика не способствовала до сих пор (главным образом за последние два года, когда произошло накопление в крестьянском хозяйстве) соответствующему переливанию крестьянских накоплений в нашу советскую промышленность, то эти накопления теперь напирают на нас, расшатывая наше плановое хозяйство, стремясь (!?) выбраться за пределы страны, где они могли бы реализовать свою покупательную силу, не неся расходов на построение собственной промышленности, отвоевать себе наиболее выгодные условия хозяйственного приложения внутри страны, сохраняя за собой свои собственнические интересы».

Итак! *Все наши затруднения происходят от того, что крестьянское хозяйство «сопротивляется», что оно не хочет «нести издержки по созданию крупной государственной промышленности», что оно «напирает» на нас и «расшатывает» плановое хозяйство.*

Чем является эта, с позволения сказать, аргументация, как не обоснованием необходимости борьбы с крестьянством, строительства социализма путем *подавления* крестьянства?

Нет, такой «индустриализм» ничего общего с ленинской политикой партии, с *ее* курсом на индустриализацию не имеет. И приходится лишь удивляться тому, как в нашей партии могут зарождаться подобные теории; но, видно, правда: «в семье не без урода».

Каковы же практические предложения т. Оссовского?

Исходя из своей «посылки», что причины кризиса заключаются в «недостаточном переливании» средств из сельского хозяйства в промышленность, из того, что «громадные суммы остаются в сельском хозяйстве и образуют в нем болезненное полнокровие» (таково феноменальное открытие т. Оссовского—наше нищее крестьянское хозяйство оказывается совсем не нищим, а страдающим, наоборот, «болезненным полнокровием»)—исходя из этих «посылок» т. Оссовский предлагает нам итти «*по пути установления целой системы финансово-экономических мероприятий, увеличивающих изъятие неэквивалентной товарной части сельского хозяйства в размерах, не отстающих от размеров соответствующих изъятий до войны*».

Другими словами, для благой цели осуществления индустриализации и восстановления равновесия в нашем хозяйстве т. Оссовский предлагает нам брать с мужика столько, сколько *сдирали с него царь и помещики.*

А по подсчетам т. Преображенского выходит, это значит добавить к тому, что мы *берем теперь, еще около двух миллиардов рублей.*

И это предлагается сделать теперь, когда сельское хозяйство лишь подходит к довоенному уровню.

Стоит ли разбирать всерьез такие предложения? Нам, кажется, не стоит! Для каждого ясно, что с такими предложениями можно выступать лишь в состоянии «нетвердой памяти» и «нетрезвого ума».

Но, выступление т. Оссовского является тревожным симптомом. Его «выводы и предложения» представляют собою результат последовательного применения теории «первоначального социалистического накопления» т. Преображенского, теории, считающей основным методом социалистического накопления в теперешний период перекачку ресурсов из крестьянского хозяйства в промышленность посредством тяжелых налогов и высоких цен,—теории, рассматривающей отношения между государственным и крестьянским хозяйством, как отношения эксплоатации крестьянского хозяйства, «пожирания» (до такого термина додумался последовательный т. Преображенский) одной системы другой.

Т. Преображенский может быть доволен.

В лице т. Оссовского он получил «зрелый плод» своей антиленинской теории социалистического накопления!

* * *

Следующим характерным моментом в «программе» сверхиндустриалистов является то, что они становятся на позицию инфляции.

Послушаем т. Преображенского.

Он правильно указывает на связанные с нашим осенним просчетом ошибки в эмиссии червонцев, повлекшие за собой некоторое переполнение рынка деньгами и вызвавшие понижение покупательной силы нашей валюты.

Надо иметь в виду, что это понижение покупательной силы отнюдь не имеет «катастрофического» характера и не означает еще инфляции; на 1 марта текущего года по сравнению с 1 марта прошлого года покупательная сила червонца понизилась по оптовому индексу Госплана на 6% и по розничному индексу К. И. на 10%. Вместо с тем червонец продолжает сохранять свои функции мерила ценности и средства сбережения; таких, свойственных инфляционным периодам, явлений, как ускорение обращения денег у нас пока не наблюдается.

Таким образом, в результате наших ошибок, мы имеем колебание нашей валюты, некоторое понижение покупательной силы ее, но далеко еще не инфляцию. Дело идет, следовательно, о такого рода явлении, которое мы можем еще поправить, приняв меры, препятствующие дальнейшему падению червонца и укрепляющие его курс.

Мы можем сохранить червонец, как твердую валюту, приводя количество обращающихся на рынке денег в соответствие с потребностями товарооборота.

Что же предлагает т. Преображенский? Приходится констатировать, что он предлагает такого рода меры, которые не только не ведут к укреплению нашей валюты, но, наоборот, прямехонько подводят нас к инфляции.

«Допустим,—говорит т. Преображенский,—в результате всех вышеприведенных причин мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров, на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15%, как раз и приводит к достижению валютного равновесия... Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государственного хозяйства. Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем... только частному хозяйству мы предоставляем монополию на это повышение».

Исходя из этого тов. Преображенский считает необходимым прежде всего «позаботиться о возмещении государственному хозяйству всех его потерь на падающей валюте» (подчеркнуто нами. *А. С.*) путем повышения отпускных цен трестов.

Мы оставляем в стороне то обстоятельство, что приведение денежного обращения в нормальное состояние т. Преображенский предлагает произвести путем повышения цен; других путей он не ищет. Будем говорить лишь о результатах подобной политики.

А что касается результатов, то нет сомнения, что подобной политикой, мы не поправим, а доканаем нашу валюту. В самом деле, «теоретически», на бумаге у т. Преображенского речь идет как-будто о весьма простой и несложной операции приведения товарных цен в соответствие с количеством обращающихся денег. Количество обращающихся червонцев превышает потребности товарооборота; чтобы устранить это несоответствие необходимо повышение отпускных цен. Если количество денег превышает на 15% необходимый минимум, значит на 15% необходимо повысить цены.

Но... «гладко» выходит у т. Преображенского на бумаге, «да забыл он про овраги, а через них итти»...

Обстановка на нашем внутреннем рынке—напряженная. В стране—товарный голод. В результате ошибок с эмиссией наша валюта колеблется, покупательная сила ее понизилась. Если до сих пор мы не наблюдаем развития инфляционных явлений, то это в значительной степени об'ясняется тем, что торговая политика трестов—сохранение прежнего уровня отпускных цен—и политика кооперации (последняя находится совершенно вне поля зрения т. Преображенского, и о ней он не обмолвился ни одним словом) оказывают сдерживающее влияние.

Если теперь, при этом напряженном состоянии рынка и денежного обращения, произвести повышение отпускных цен трестов можно ли гарантировать, что инфляционные явления не развернутся? Нет, гарантировать этого нельзя!

Пока население еще доверяет червонцу. Пока мы еще не наблюдаем ускорения обращения денег; пока еще червонец служит орудием сбережения.

Но повышение оптовых цен государственными трестами, признание самим государством, как это предлагает т. Преображенский, нашей валюты «падающей валютой», может в корне подорвать доверие к червонцу и изменить положение.

На рынок тогда хлынет поток тех червонцев, которые теперь отлагаются за пределами рынка, играя роль орудия сбережения и сохранения ценности.

Каждый, как это всегда бывает в период инфляции, будет стараться сбыть поскорее червонец с рук, превращая его в товары. Скорость обращения денег увеличится. И мы даже без новой эмиссии будем иметь инфляцию.

Пойдем дальше. Тов. Преображенский считает, что при теперешней кон'юнктуре повышение оптовых цен не отразится на повышении розничных. Допустим, что это положение правильно в отношении частной торговли, где цены взвинчены до крайнего предела, поставленного платежеспособным спросом, хотя и здесь оно маловероятно. Что касается кооперации, то по отношению к ней это положение явно не выдерживает критики. Розничные цены кооперации значительно ниже розничных цен

у частника: так по данным Кон'юнктурного Института НКФ индекс розничных цен промтоваров на 1/III—26 г. по Москве в кооперативной торговле составлял 1,95 и в частной 2,44. Основным элементом в кооперативную накидку входит не торговая сверхприбыль, а накладные расходы. При таких условиях повышение отпускных цен неизбежно повлечет за собой *повышение розничных цен* в кооперации.

А так как рабочий в настоящее время покупает не у частника, а главным образом в кооперации, то это повышение розничных цен поставит перед нами вопрос о необходимости *повышения зарплаты*. С другой стороны, мы будем иметь, несомненно, в этом случае *увеличение* государственных расходов.

Налоги быстрого эффекта не дают. Покрыть эти расходы при помощи налогов мы не сможем. Что же сможет предложить тогда т. Преображенский кроме новой *эмиссии*, ведущей к инфляции?

Наконец, надо дать себе отчет еще в одном чрезвычайно важном вопросе—курсе червонца по отношению к иностранной валюте. Об этом внешнем курсе т. Преображенский счел нужным умолчать, тогда как, разумеется, при разрешении проблемы денежного обращения, никак нельзя обойти этого важного вопроса.

В настоящее время, в результате понижения покупательной силы червонца внутри страны, уже обнаружилось расхождение между внутренним и внешним курсом червонца, расхождение, чрезвычайно болезненно отражающееся на нашем экспорте. Мы надеемся устранить это расхождение путем укрепления червонца и повышения его покупательной силы внутри страны.

С точки зрения т. Преображенского, который исходит из предпосылки, что наша валюта является «падающею» и руководствуется, повидимому, «мудрым» ницшеанским правилом «падающего—толкни», не может быть другого выхода из положения, как *понижение* внешнего курса червонца, его покупательной силы по отношению к доллару, фунту стерлингов и проч., чтобы таким путем устранить эту своеобразную «диспропорцию» в области денежного обращения.

Но если т. Преображенский этот вопрос обошел, то тов. В. Смирнов [1]), развертывающий в общем ту же программу, что и т. Преображенский, договаривает до конца и ставит открыто вопрос «о приведении в соответствие золотого паритета нашего рубля с его покупательной силой внутри страны», т.-е. о *понижении* внешнего курса червонца.

Но понижение внешнего курса в какой бы мере это понижение ни было произведено, несомненно, будет иметь «резонанс» внутри страны. При теперешнем напряженном состоянии товарооборота и колебании червонца, рынок наверняка ответит на это понижение повышением товарных цен.

Таким образом, и с этой стороны т. Преображенский и его сторонники толкают наше хозяйство в инфляционный поток.

Поправить дело в области денежного обращения и достигнуть «валютного равновесия» они предлагают, следовательно, при

[1]) См. его статью «К вопросу о наших хозяйственных затруднениях» в № 5 «Красной Нови» с. г.

помощи таких методов, как повышение оптовых цен и понижение внешнего курса, которых сверхдостаточно для того, чтобы сломать позвоночник нашей валюте и привести к ее крушению.

Итак, что же получается у т. Преображенского?

Когда говорится о том, что необходимо взять курс на снижение цен и укрепление червонца, то т. Преображенский заявляет, что он согласен с этим. «Я совершенно согласен,—говорит он,—с такой линией экономической политики, поскольку дело идет о формулировке наших программных задач в области хозяйственной». Когда говорится о том, что необходимо усилить использование крестьянских накоплений путем развития кредитных операций, т. Преображенский точно так же заявляет: такая «линия использования крестьянского накопления совершенно бесспорна».

Таким образом, т. Преображенский «в принципе» согласен с тем, что необходимо укреплять червонец, понижать цены, развивать кредитные операции и проч. Однако, только «в принципе»!

Что же касается «практики», то тут т. Преображенский находит, что «*в общем* верная формулировка т. Стецкого, *совершенно не отвечает на конкретный вопрос сегодняшнего дня*».

Итак, одно дело «принцип», другое дело его «практическое применение». Одно дело «программные задачи», другое дело их осуществление на практике.

В принципе т. Преображенский «отстаивает» и необходимость твердой валюты и курс на понижение цен, и использование крестьянских накоплений не только путем завертывания налоговой гайки, но и методами кредита.

На «практике» он предлагает повышение цен, такие методы установления валютного равновесия, которые ведут к инфляции; практически он отрицает и возможность использования крестьянских накоплений путем кредита и не оставляет другого выхода, как использование этих накоплений при помощи «эмиссионного» налога.

Таков своеобразный «оппортунизм» т. Преображенского.

Исходя из правильной оценки задач *текущего* момента, тов. Преображенский выбрасывает за борт все те элементы, которые необходимы нам с точки зрения больших и длительных перспектив хозяйственного строительства и движения к социализму.

Могут ли, однако, эти «отчаянные» меры вывести нас из теперешних затруднений?

Ни в коей мере! Они могут привести лишь к обострению затруднений, способствовать развертыванию этих затруднений в общий хозяйственный кризис.

Предлагаемое т. Преображенским усиление нажима на крестьянство влечет за собой *обострение отношений* между рабочим классом и крестьянством. Методы установления «валютного равновесия» ведут нас к повторению инфляции, со всеми ее последствиями прежде всего в виде нарушения товарооборота между городом и деревней. Развертывание промышленности

на инфляционных дрожжах и на основе усиленной «эксплоатации» крестьянского хозяйства может привести лишь к кризису самой промышленности.

Все это подтверждает накопившийся уже у нас опыт в области хозяйственного строительства.

Отчасти подтверждает это и опыт **текущего** года: мы просчитались в наших реальных рессурсах, дали нашему хозяйственному строительству размах, не соответствовавший нашим реальным возможностям, и в результате имеем теперь хозяйственные затруднения.

Политика тов. Преображенского, возводящего в систему, в принцип это «зарывание вперед» и форсирование во что бы то ни стало развертывания промышленности, будет неизбежно иметь своим результатом не отдельные затруднения, а общий хозяйственный кризис.

Есть ли у нас основания прибегать к тем «рискованным» мерам, которые предлагает т. Преображенский?

Нет! Наше положение тяжело, но ничего катастрофического в этом положении нет: рост хозяйства продолжается.

Незачем поэтому терять голову, хвататься за «катастрофические» меры.

В нашем распоряжении имеется теперь в области экономической политики достаточное количество рычагов, умело используя которые мы можем преодолеть стоящие перед нами хозяйственные затруднения. На эти рычаги партия теперь нажала. Нам удалось привести импорт в соответствие с экспортом, развертывание промышленности и капитальные затраты—в соответствие с реальными возможностями этого года, путем регулирования торговли—добиться стабилизации хлебных цен. Мы сокращаем непроизводительные расходы; боремся за режим экономии. Развертывание товарооборота и соответствующее ограничение эмиссии, несомненно, приведут к оздоровлению денежного обращения.

Конечно, быстро хозяйственные затруднения преодолеть нельзя. Товарный голод у нас будет еще продолжаться. «Ликвидировать» диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью в один—два года не удастся.

Но вся эта политика, осью которой является индустриализация, обеспечивает, может быть не такой быстрый, как нам бы хотелось, но **верный** выход из затруднений.

Политика же т. Преображенского «быстро и верно» может привести нас к глубокому хозяйственному кризису [1]).

[1]) Свою роль, как «общественно-полезную», т. Преображенский обосновывает довольно-таки оригинальным способом: оказывается, именно наличность его собственного уклона, точно так же, как уклона т. Шанина, позволяет большинству партии намечать свою линию, которая, якобы, только и может быть определена посредством «отграничения» от этих уклонов, как некая «средняя» между ними.

В этом оригинальном доказательстве т. Преображенский допустил весьма существенную «погрешность»: он упустил из виду то элементарное обстоятельство, что «отклонение», «уклон» от какой-либо линии может появиться лишь в том случае, если эта линия **уже** имеется налицо, а не наоборот.

Что касается уклона т. Преображенского, то он проявляется в виде отклонения от ленинской линии в одном из основных вопросов революции — в вопросе об отношении между пролетариатом и крестьянством.

Партия ничего бы не потеряла, если бы этот уклон перестал существовать.

М. Шефлер.

Задачи системы с.-х. кредита в связи с хозяйственными затруднениями.

Система с.-х. кредита для рабоче-крестьянского государства должна являться могучим средством влияния государства на развитие сельско-хозяйственного производства, на его улучшение и на кооперирование крестьянских масс.

Системе с.-х. кредита пока еще не уделяется достаточного внимания и не оказывается той поддержки, которая ей так необходима со стороны многих наших организаций.

Между тем без такой поддержки, без помощи ей всеми организациями система с.-хоз. кредита не в состоянии выполнять те задачи, которые на нее возложены.

Текущий год характеризуется некоторыми новыми устремлениями в дальнейшем строительстве народного хозяйства.

Отчасти эти устремления вызваны теми затруднениями в финансовом и товарном хозяйстве, которые мы переживаем, отчасти же они зависят от желания быстрее наметить перспективы дальнейшего строительства нашего Союза.

Хозяйственные затруднения, переживаемые нами в текущем году, можно смело отнести к разряду «болезней роста» и считать их во всяком случае явлениями временного характера.

Эти затруднения выразились в падении покупательной силы червонца, в дефицитности нашего экспортно-импортного баланса, в необходимости сокращения годового бюджета, в недостаточности на некоторых фабриках сырья и в медленной сравнительно с предположением реализации урожая.

Причины этих затруднений могут быть оценены, как причины прежде всего вытекающие из переоценки рессурсов нашего народного хозяйства.

ЦСУ переоценило урожай прошлого года и размеры товарных излишков хлеба в нашем сельском хозяйстве. Этот всем известный факт переоценки, преувеличения расчетов, примерно, на 300 миллионов пуд. хлеба, сыграл решающую роль: он вызвал понятное стремление ускорить процесс восстановления и развития нашего народного хозяйства в начале и середине осени текущего года.

Именно это обстоятельство явилось причиною дальнейших затруднений.

на инфляционных дрожжах и на основе усиленной «эксплоатации» крестьянского хозяйства может привести лишь к кризису самой промышленности.

Все это подтверждает накопившийся уже у нас опыт в области хозяйственного строительства.

Отчасти подтверждает это и опыт т е к у щ е г о года: мы просчитались в наших реальных рессурсах, дали нашему хозяйственному строительству размах, не соответствовавший нашим реальным возможностям, и в результате имеем теперь хозяйственные затруднения.

Политика тов. Преображенского, возводящего в систему, в принцип это «зарывание вперед» и форсирование во что бы то ни стало развертывания промышленности, будет неизбежно иметь своим результатом не отдельные затруднения, а общий хозяйственный кризис.

Есть ли у нас основания прибегать к тем «рискованным» мерам, которые предлагает т. Преображенский?

Нет! Наше положение тяжело, но ничего катастрофического в этом положении нет: рост хозяйства продолжается.

Незачем поэтому терять голову, хвататься за «катастрофические» меры.

В нашем распоряжении имеется теперь в области экономической политики достаточное количество рычагов, умело используя которые мы можем преодолеть стоящие перед нами хозяйственные затруднения. На эти рычаги партия теперь нажала. Нам удалось привести импорт в соответствие с экспортом, развертывание промышленности и капитальные затраты—в соответствие с реальными возможностями этого года, путем регулирования торговли—добиться стабилизации хлебных цен. Мы сокращаем непроизводительные расходы; боремся за режим экономии. Развертывание товарооборота и соответствующее ограничение эмиссии, несомненно, приведут к оздоровлению денежного обращения.

Конечно, быстро хозяйственные затруднения преодолеть нельзя. Товарный голод у нас будет еще продолжаться. «Ликвидировать» диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью в один—два года не удастся.

Но вся эта политика, осью которой является индустриализация, обеспечивает, может быть не такой быстрый, как нам бы хотелось, но в е р н ы й выход из затруднений.

Политика же т. Преображенского «быстро и верно» может привести нас к глубокому хозяйственному кризису [1]).

---

[1]) Свою роль, как «общественно-полезную», т. Преображенский обосновывает довольно-таки оригинальным способом: оказывается, именно наличность его собственного уклона, точно так же, как уклона т. Шанина, позволяет большинству партии намечать свою линию, которая, якобы, только и может быть определена посредством «отграничения» от этих уклонов, как некая «средняя» между ними.

В этом оригинальном доказательстве т. Преображенский допустил весьма существенную «погрешность»: он упустил из виду то элементарное обстоятельство, что «отклонение», «уклон» от какой-либо линии может появиться лишь в том случае, если эта линия у ж е имеется налицо, а не наоборот.

Что касается уклона т. Преображенского, то он проявляется в виде отклонения от ленинской линии в одном из основных вопросов революции — в вопросе об отношении между пролетариатом и крестьянством.

Партия ничего бы не потеряла, если бы этот уклон перестал существовать.

М. Шефлер.

Задачи системы с.-х. кредита в связи с хозяйственными затруднениями.

Система с.-х. кредита для рабоче-крестьянского государства должна являться могучим средством влияния государства на развитие сельско-хозяйственного производства, на его улучшение и на кооперирование крестьянских масс.

Системе с.-х. кредита пока еще не уделяется достаточного внимания и не оказывается той поддержки, которая ей так необходима со стороны многих наших организаций.

Между тем без такой поддержки, без помощи ей всеми организациями система с.-хоз. кредита не в состоянии выполнять те задачи, которые на нее возложены.

Текущий год характеризуется некоторыми новыми устремлениями в дальнейшем строительстве народного хозяйства.

Отчасти эти устремления вызваны теми затруднениями в финансовом и товарном хозяйстве, которые мы переживаем, отчасти же они зависят от желания быстрее наметить перспективы дальнейшего строительства нашего Союза.

Хозяйственные затруднения, переживаемые нами в текущем году, можно смело отнести к разряду «болезней роста» и считать их во всяком случае явлениями временного характера.

Эти затруднения выразились в падении покупательной силы червонца, в дефицитности нашего экспортно-импортного баланса, в необходимости сокращения годового бюджета, в недостаточности на некоторых фабриках сырья и в медленной сравнительно с предположением реализации урожая.

Причины этих затруднений могут быть оценены, как причины прежде всего вытекающие из переоценки рессурсов нашего народного хозяйства.

ЦСУ переоценило урожай прошлого года и размеры товарных излишков хлеба в нашем сельском хозяйстве. Этот всем известный факт переоценки, преувеличения расчетов, примерно, на 300 миллионов пуд. хлеба, сыграл решающую роль: он вызвал понятное стремление ускорить процесс восстановления и развития нашего народного хозяйства в начале и середине осени текущего года.

Именно это обстоятельство явилось причиной дальнейших затруднений.

С одной стороны, были составлены и частично стали проводиться в жизнь чрезвычайно радужные планы восстановления нашей промышленности и других секторов нашего народного хозяйства.

С другой стороны, была расширена эмиссия до пределов значительно больших, чем это можно было допустить в конце прошлого и в начале текущего бюджетного года.

В расчетах на общее оживление оборота была допущена переоценка перспектив роста текущих счетов в Государственном Банке; ошибка выразилась на 1 квартал текущего года почти в 200 милл. рублей. В связи с этим и кредитный план Госбанка был построен на сумму почти на 200 милл. рублей выше реальных ресурсов.

В том же порядке было намечено слишком быстрое развертывание нашего импорта, которое, вследствие все той же переоценки товарных излишков крестьянского хлеба, оказалось не соответствующим нашим экспортным возможностям и поэтому чрезмерно отяготило наш расчетный баланс.

Сумма этих ошибок и вызвала те хозяйственные затруднения, которые в настоящее время имеют место.

Некоторые экономисты выдвигают еще один фактор, который они считают основной причиной, создавшей нынешнюю хозяйственную обстановку с ее затруднениями—именно факт диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Этот ф а к т ни в коем случае не может считаться непосредственной п р и ч и н о й наших хозяйственных затруднений. Несомненно, этот факт должен стать побудительной причиной к дальнейшему направлению нашего хозяйства в сторону его индустриализации, в сторону дальнейшего развития промышленного его сектора, но совокупность расчетов и комплекс ошибок, которые были сделаны, несомненно, сыграли гораздо большую роль в возникновении хозяйственных затруднений текущего периода, чем указанная диспропорция.

Каковы же результаты создавшейся кон'юнктуры, и что она с собой принесла? Прежде всего она вызвала чрезвычайные колебания в нашем денежном хозяйстве. Эти колебания видны из следующих показателей. Если взять покупательную силу червонца—все равно по индексу ли кон'юнктурного института, или по индексу розничных цен, по бюджетному индексу, по набору ВЦСПС или по оптовому общесоюзному госплановскому индексу,—факт понижения покупательной силы червонца обнаруживается чрезвычайно наглядно.

За весь прошлый год, с 1/X—24 г. по 1/X—25 года, по розничному всесоюзному индексу Кон'юнктурного Института НКФина, падение составило от 4 руб. 85 коп. до 4 руб. 65 коп., т.-е. всего 20 коп. За период же с 1/X—25 г. по 1/III—26 года, т.-е. за 5 месяцев текущего года—падение это составило около 40 коп. (от 4 р. 65 коп. на 1/X—25 г. до 4 р. 27 коп. на 1/III с. г.).

Таким образом, за период времени вдвое меньший произошло вдвое большее падение покупательной силы червонца. По бюджетному индексу ВЦСПС разница еще резче и еще более бросается в глаза: от 5 руб. 21 коп. на 1/X—24 г. до 5 руб. 20 коп. на 1/X—25 г. (т.-е. почти без изменений), а на 1/III этого года индекс упал до 4 руб. 46 коп. Точно так же всесоюзный оптовый

госплановский индекс: 6 руб. 09 коп. на 1/X—24 года, 5 р. 74 к. на 1/X—25 года и 5 руб. 16 коп. на 1/III—26 года. Таким образом, покупательная сила червонца за последние 5 месяцев понизилась больше, чем за весь предыдущий год. Это падение, несомненно, является отражением тех хозяйственных затруднений, которые мы переживаем, тех просчетов, которые были допущены осенью прошлого года при переоценке возможностей роста и восстановления нашего народного хозяйства, следствием неправильно подсчитанных цифр товарных излишков хлеба и того несоответствия наших импортных заказов и экспортных возможностей, которое за последнее время так резко обнаружилось.

Как отразились указанные неблагоприятные обстоятельства на системе с.-х. кредита и какие практические выводы мы должны сделать на дальнейший период?

В то время, как в 1924 году роль системы с.-хоз. кредита была еще очень небольшой, к концу 1925 года в сводном балансе всех кредитных систем, система с.-хоз. кредита уже занимает второе после Госбанка место. Это вполне понятно, ибо система с.-хоз. кредита в такой по преимуществу аграрной стране, какою является наш Союз, с громадной массой крестьянских хозяйств, конечно, должна занимать первое место в ряду специальных кредитных систем. Поэтому вполне понятно, что, хотя наша кредитная система является более молодой, чем системы торгово-промышленного кредита, тем не менее она перегнала рост этих систем и быстро выдвинулась на второе место в общей сумме балансов кредитных систем нашего Союза. Это произошло благодаря тому значению, которое она имеет для основного сектора народного хозяйства и для хозяйства многомиллионных крестьянских масс.

Дружный рост балансов всей системы с.-х. кредита с ЦСХБ во главе определил выдающееся ее значение, которое она в настоящее время имеет в ряду других кредитных систем нашего Союза.

Вполне естественно, что переживаемые в данный период хозяйственные и финансовые затруднения, болезненно отразившись на всех кредитных системах, с наибольшей силой ударили как раз по системе с.-хоз. кредита, которая, показав за эти 2 года самый быстрый рост и перегнав другие кредитные системы, вышла на второе после Госбанка место. Именно вследствие быстрого развития системы сел.-хоз. кредита указанные затруднения и заминки в общегосударственном финансовом хозяйстве должны были отразиться на ней сильнее, и она их переживает более болезненно, чем другие банковые системы.

Несомненно, что системе с.-хоз. кредита нанесен некоторый удар в смысле сжатия ее деятельности и замедления темпа ее роста. Ряд цифр определенно подтверждает это положение.

Я беру рост балансов среднего звена системы обществ с.-х. кредита. В прошлом году с 1/X—24 года в %%-м отношении балансы обществ с.-хоз. кредита росли так: если взять за 100 сводный баланс об-в с.-хоз. кредита на 1/X—24 года, то на 1/XI сумма балансов составит 117, на 1/XII—130, на 1/I—145, на 1/II—167, и на 1/III—182. Таким образом, каждый месяц мы видим рост, примерно, на 15, 17 и 20%. За последние месяцы мы имеем такую картину. Если взять за 100—1/X—25 г., то на

1/XI—25 г. мы имеем 103, на 1/XII—106, 1/I—107, 1/II—110. Таким образом, за 4 месяца сводный баланс всех обществ проделал тот путь, который в прошлом году требовал только одного месяца. Такова сила финансовой депрессии и таково ее влияние на систему с.-хоз. кредита.

Если взять рост баланса ЦСХБанка и республиканских банков, то мы увидим здесь несколько другую картину—перемежающихся колебаний, которая об'ясняется тем, что в частности ЦСХБанку пришлось изымать из оборота некоторые суммы средств и вернуть их Госбанку, ибо Госбанк за I и II кварталы снизил задолженность ЦСХБанка на 10 милл. рублей. Точно так же республиканские банки за этот год росли очень медленно; рост их балансов определяется в 3% на 1/I с. г. по сравнению с началом операционного года.

Вполне понятно, что временные хозяйственные затруднения и общее финансовое состояние нашего народного хозяйства оказали столь значительное влияние на финансы нашей системы потому, что система с.-х. кредита переживает еще только организационный период и живет почти исключительно за счет поступлений государства, за счет государственных ассигнований в основные капиталы и за счет предоставления государством займов системе с.-хоз. кредита на общие и специальные с.-х. операции. Именно это обстоятельство—глубокая финансовая зависимость системы с.-хоз. кредита от притока государственных средств, явилось основной причиной того, что система с.-хоз. кредита острее других переживает нынешний депрессионный режим, острее чувствует на себе всю тяжесть общей неблагоприятной финансовой кон'юнктуры. Достаточно взять соотношение государственных средств, полученных из государственных источников и государственных займов, и средств привлеченных—в любом звене нашей системы, чтобы со всей очевидностью убедиться в том, что система с.-х. кредита жила и до сих пор еще живет преимущественно за счет поступлений из государственных источников. Своих средств и средств привлеченных из местных источников—от местных учреждений и от самого местного населения, от крестьянства—система с.-х. кредита пока имеет очень и очень мало; процентное отношение этих средств к балансам ничтожно (в среднем около 15%)[1].

В этой зависимости от государственных финансов и заключается основная причина того, что наша система так остро испытывает тяжесть финансовой депрессии.

Однако, в этом сыграли роль не только сжатие новых поступлений от государства, но и значительно менее обоснованное прекращение кредитов Госбанка. Государство в плановом и срочном порядке должно охранить и восстановить колеблющуюся покупательную силу червонца, обеспечить здоровый баланс своему финансовому хозяйству и для этого вынуждено несколько сократить денежную массу в обращении, приведя ее в нормальное соотношение с товарной массой, обращающейся на рынке. Эта необходимость из'ять часть денег из различных секторов народного хозяйства вполне понятна. Однако, это не должно было вызвать полного прекращения кредитования Госбанком системы с.-х. кредита, как это было сделано.

[1]) Считая и паи и вклады.

Задолженность ЦСХБанка Госбанку была за этот квартал снижена на 10,7 милл. рублей; ЦСХБанк, не получая с 1/X—25 года новых кредитов от Госбанка, должен был снизить в то же время свою задолженность Госбанку на указанную сумму. Такие же цифры мы имеем и по республиканским с.-х. банкам. На 1/X—25 года они были должны Госбанку около 5 милл. рублей, на 1 февраля 1926 года только 2 милл. рублей. Общества с.-х. кредита на 1/X были должны 9,5 милл. рублей, на 1/II—26 года они должны только 8,6 милл. рублей. Общее снижение, таким образом, коснулось, как кредитов, предоставленных Госбанком ЦСХБанку, так и кредитов, предоставленных Госбанком и его филиалами периферии с.-х. кредита.

Создалось для системы с.-х. кредита вдвойне трудное положение: с одной стороны, сжатие новых ассигнований и сокращение притока государственных средств в системе с.-хоз. кредита, с другой стороны—сокращение кредитования системы с.-х. кредита со стороны Госбанка и его филиалов.

Эти обстоятельства, конечно, сильнейшим образом затруднили положение системы с.-х. кредита. Если в прошлом году, учитывая реальную возможность получения новых государственных средств,—система с.-х. кредита планировала свою работу в направлении расширения и продолжала развиваться неизменно ускоренным темпом, то с нынешнего операционного года факт финансовой депрессии и вызванное ею сжатие новых поступлений от государства и кредитов со стороны Госбанка заставляет систему с.-х. кредита перестроиться и замедлить темп своего развития.

Текущий период для всей системы с.-х. кредита является периодом перелома в работе, пересмотра методов работы нового подхода к работе, резкого изменения в соотношении средств государства и средств, которые необходимо привлечь от крестьянства и от организаций, которые финансируются по линии с.-х. кредита. Перелом этот в первую очередь надо провести, конечно, по низовой сети.

Если вся система наша молода, если верхние ее звенья еще только начинают строиться и переживают период постепенного внедрения в общую систему народного хозяйства, то о низовой сети системы с.-х. кредита можно смело сказать, что она в большинстве районов еще не вышла из младенческого возраста.

Действительно, если мы посмотрим, как живет сейчас первичная сеть нашей системы и что она собой представляет,—то почти невозможно будет дать анализ деятельности ее в общесоюзном масштабе, ибо почти в каждом районе она имеет свои особенности; она чрезвычайно разнородна и в каждом районе страдает рядом своих, часто очень существенных недостатков.

Основной недостаток низовой нашей сети—это отсутствие у нее сосредоточения на основных задачах, «универсализм», спутанность функций. В большинстве районов почти еще нет нормально работающих по кооперативным принципам работы с.-х. кредитных товариществ с посредническими функциями.

Две трети т-в—это универсальные с.-х. т-ва с функциями торговыми, кредитными и производственными, т-ва ведущие не только торговлю с.-х. товарами, но и торговлю потребительскими товарами, т-ва, далекие от кооперативных методов торговли и торгующие за свой счет и часто—на самых нездоровых началах.

Низовая сеть системы с.-х. кредита в большинстве районов далеко не так крепка и здорова, чтобы сохранить необходимое равновесие при финансовой депрессии и при прекращении притока займов со стороны обществ с.-х. кредита, и естественно, что низовая сеть больше других звеньев системы с.-х. кредита ощущала и ощущает последствия депрессии и сжатия кредитов. Относительно низовой сети следует еще заметить, что, если вся система с.-х. кредита до сих пор строилась в расчете на государственные средства, то низовая сеть особенно ярко отражает эту тендевцию. Вклады в низовой сети в сводном годичном ее балансе составляют в среднем 0,9%. Своих средств, паевых капиталов, у низовой сети очень мало, а именно около 15%, займы в обществах с.-х. кредита составляют в среднем в низовой сети до 40%, а в некоторых районах и выше.

Основная работа низовой сети до сих пор строилась почти исключительно на государственные средства. Правы те товарищи, которые говорят, что не построив настоящей кооперативной кредитной сети и кооперировав только отдельные крестьянские хозяйства, а не их средства, нельзя считать задачу кооперирования деревни разрешенной.

В этом отсутствии крестьянских средств в низовой сети заключается основная причина тех болезней, которые она испытывает. Точных цифр о том, что происходит в низовой сети в настоящий момент пока не имеется, но известно, что часть товариществ подвергается протестам векселей, что многие т-ва испытывают сейчас весьма тяжелый кризис, часть товариществ уже ликвидировалась за это время.

Общее положение с.-х. кооперации—не только нашей низовой сети, а всей с.-х. кооперации—чрезвычайно ярко характеризуется динамикой роста протеста векселей. Достаточно сказать, что количество протестованных векселей с.-х. кооперации занимает в настоящее время самое высокое место по сравнению со всеми другими отраслями народного хозяйства.

Таким образом, системе с.-х. кредита приходится опираться на переживающую пока ряд болезней систему с.-х. и кредитной кооперации. Если из низовой сети выбрать лучшую часть первичных товариществ, то все же необходимо признать, что даже эти лучшие товарищества нуждаются в очень большой работе над ними, чтобы создать из них ту твердую низовую сеть, без которой невозможно построить крепкую систему с.-х. кредита.

Кредитные т-ва наиболее подходят к работе и заданиям системы с.-х. кредита, универсальные же с.-х. кредитные товарищества не удовлетворяют задачам системы. Это доказывается целым рядом данных.

Районы с кредитными т-вами следующие: Архангельский, Карельский, Северный, С.-Двинский, С.-Западный, отчасти Сибирский, а также Грузии и Абхазии. В этих районах значительно выше в среднем процент вкладов и сумм привлеченных местных средств; значительно ниже процент просроченных ссуд, и значительно выше процент использования займов от обществ с.-х. кредита на кредитование крестьянства.

Возьмем теперь районы с универсальными с.-х. т-вами. Это Украина и большая часть южных и центральных районов РСФСР.

Тут мы видим обратную картину. Вклады составляют самое большее 0,4—0,9% в балансе (за исключением только двух

Данные на 1 октября 1925 года.

№№ п/п.	Районы.	Число.	Займы в о-вах с.-х. кред.	Ссуды.	Просроч. ссуд.	Товары.	Вклады.	Свои капиталы
1.	Архангельский	42	80,7	87,4	2,8	0,7	3,5	10,5
2.	Карельский	39	65,6	68,3	13,0	6,8	1,4	5,9
3.	Коми Область	40	72,0	59,4	21,0	11,7	0,3	7,7
4.	Северо-Двинск	63	65,9	56,2	15,0	5,3	0,7	7,5
5.	Северо-Зап.	256	76,8	80,6	15,0	2,9	1,5	8,8
6.	Северн. (Вол.)	105	59,3	55,0	13,0	7,3	1,6	16,3
7.	Сибирь	405	34,0	38,0	16,0	12,3	1,1	12,8
8.	Абхазия	12	77,9	83,4	12,0	—	0,1	7,4
9.	Грузия	122	73,2	71,3	—	6,5	0,7	10,9
10.	Армения	28	54,1	54,6	—	18,3	2,5	9,8
	Итого (в среднем)	1112 [1]	65,9	65,4	13,5	8,0	1,3	9,8

районов—Тверского и С.-Кавказского района). Наоборот, процент просроченных ссуд в этой второй группе районов значительно выше. Использование займов обществ с.-х. кредита на денежное кредитование деревни в этих районах с универсальными т-вами дело обстоит также значительно хуже, чем в районах с кредитными т-вами.

Соотношение займов и ссуд, выданных низовкой крестьянам, с займами, полученными низовкой от обществ с.-х. кредита, чрезвычайно характерно для всей массы кредитных т-в. По всем кредитным т-вам, в среднем, по сводному балансу на 1/X займов на 1 члена т-ва получено от общества с.-х. кредита 29 руб. 40 коп., использовано на денежное кредитование 28 руб. 60 коп., т.-о. почти та же сумма.

По универсальным т-вам, опять-таки по всем, по тому же сводному балансу, получено займов от обществ с.-х. кредита на 1 члена 34 руб. 60 коп., а использовано в виде ссуд для крестьян только 24 руб. 20 коп. Цифра эта чрезвычайно показательна. В среднем на одного члена универсальные т-ва получили от обществ с.-х. кредита займов на 5 рублей больше, дали крестьянству на 4 рубля меньше, чем кредитные т-ва.

Несомненно, значительная часть этих средств застревает в «универсалах в тех товарных и производственных их операциях, которые тормозят и затушевывают основную задачу кредитной сети и основное ее задание—поставить правильно денежное кредитование крестьянского хозяйства.

[1]) Это 40% всех кредитных т-в, входящих в систему с.-х. кредита.

Если мы рассмотрим возврат ссуд, то увидим точно так же, что низовая сеть, где главным типом т-в является кредитные т-ва, возвращает ссуды обществам с.-х. кредита лучше, чем крестьянство возвращает ей. Таким образом, просрочки со стороны крестьянства т-ва как бы переносят на самих себя.

Наоборот, универсальные т-ва, завязывая в своем обороте средства, получаемые в обществах, пускают в мало ликвидные операции и ту часть средств, которая притекает к ним в виде возврата ссуд от крестьянского хозяйства.

Подходя к вопросу относительно качества работы низовой сети с любой стороны и с любой точки зрения, анализируя вопрос о наилучшем для нас типе т-в, по всем этим данным можно с полной убежденностью сделать совершенно ясные выводы. Если год тому назад, на основании теоретических построений и предположений во время дискуссии и на всех наших с'ездах и совещаниях мы твердили и настаивали, что лучшим типом т-в для кредитования деревни являются кредитные с посредническими функциями, то сейчас сама жизнь, факты и цифры это вполне подтверждают.

В настоящий переломный момент, в период, когда изменяется самая методология нашей работы, и система с.-х. кредита предоставляется главным образом собственным силам и средствам — в этот момент необходимо еще раз и самым решительным образом закрепить необходимость перехода всей нашей низовой сети на устав и методы кредитных т-в с посредническими функциями. Необходимо теперь же во всех районах добиться равнения на этот нормальный тип товариществ; добиться действительного укрепления нашей низовой сети.

Необходимо в то же время в настоящий переломный период безусловно стабилизовать количественный состав нашей низовой сети. Нет никаких материальных предпосылок к дальнейшему расширению низовой сети, и поэтому надо прекратить дальнейшее расширение ее количественного состава. Мало того: в некоторых районах, где, быть может, слишком размахнулись в этом отношении, необходимо произвести пересмотр низовой сети, в смысле возможного сокращения ее за счет наименее устойчивых и больных т-в. Стабилизовав количественный состав низовой сети и превращая всю низовую сеть в сеть нормальных кредитных т-в с посредническими функциями, во всех районах необходимо следить за тем, чтобы работа в них действительно соответствовала тем заданиям, которые мы ставим низовой сети.

В связи с этим необходимо добиться перехода работы низовой сети в большей части на свои средства, а для этого максимально повысить долю участия местных и крестьянских средств в системе с.-х. кредита и прежде всего—в ее низовой сети. Это неизбежная необходимость сегодняшнего дня, а поэтому на эту сторону работы необходимо обратить главное внимание. Если до сих пор существовали районы, в которых отдельные т-ва даже и не слышали о кампании привлечения вкладов, если существовали районы, в которых председатели правлений т-в даже не знали о том, что нужно подумать о развитии вкладных операций, то это доказывает, только одно: на местах еще не прониклись достаточно сознанием огромного значения привлечения крестьянских вкладов.

Было бы ошибкой считать, что сейчас вообще в деревне денег много, что кампания по привлечению крестьянских средств может сулить сейчас уже какие-то большие суммы для системы с.-х. кредита. Можно, примерно, предполагать, что деревня сейчас имеет свободных средств около 200 млн. руб. Если выделить из этой суммы часть, приходящуюся на кооперированную деревню, т.-е. на крестьянские хозяйства, входящие в низовую сеть системы с.-х. кредита, то это составит от 30 до 50 млн. руб. Сейчас уже привлечено в виде крестьянских паев в т-вах, примерно, 10 млн. руб. и по вкладам около 3 млн. руб. и при большом напряжении можно было бы, очевидно, удвоить эту сумму.

Успех этого дела зависит прежде всего от качества работы низовой сети и от качества работы местных с.-х. банков и обществ с.-х. кредита.

Несколько районов с кредитными товариществами уже проделали за последние 3—4 месяца опыт усиленного привлечения средств в низовую сеть. Ими уже на опыте доказана возможность привлечения крестьянских средств при напряжении энергии, при большей затрате организационных сил. Эта задача привлечения местных средств и крестьянских вкладов в систему с.-х. кредита сейчас вышла поэтому уже из стадии благих пожеланий. Те районы, которые действительно проявят необходимую активность и, в которых низовая сеть вместе с обществами с.-х. кредита найдет ключ к крестьянскому кошельку, несомненно, не только удержатся в период затруднений и депрессии, но пойдут вперед.

В то же время необходимо усилить борьбу с просрочками ссуд и повести решительную борьбу за поднятие кредитной дисциплины. В районах, где расшатана кредитная дисциплина в самих товариществах,—а это в большинстве случаев районы с универсальной сетью,—там надо принять целый ряд экстренных мер по борьбе с просрочками и к поднятию кредитной дисциплины. Борьба с просрочками ссуд, борьба за кредитную дисциплину, точно так же тесно связана с основной задачей— задачей перехода всех т-в к типу кредитных с посредническими функциями.

Не менее важной задачей в этот переломный период является принятие мер к сжатию расходов, к наибольшей экономии средств и к правильному распределению и расходованию этих средств во всех звеньях системы с.-х. кредита.

Прежде всего, и главным образом, это касается работы низовой сети. Необходимо добиться, чтобы нормальная годовая смета среднего т-ва (нормального типа без торгово-производственных уклонов) была бы ограничена суммой в 600—800 рублей. Курс на эту нормальную смету надо взять самый твердый: выработать нормальную смету в каждом районе, в зависимости от местных особенностей низовой сети, и ввести низовые т-ва в рамки этой сметы. Сжатие расходов должно быть проведено неотложно, ибо только оно даст возможность выравнять соотношение кредитной работы в т-ве с его прочими операциями.

Проводя в настоящий период хозяйственных и финансовых затруднений эти меры, укрепляя низовую сеть, переводя ее на устав и методы работы кредитных товариществ с посредническими функциями, усиливая привлечение крестьянских средств

и настаивая на сжатии расходов,—необходимо во всей этой работе опираться на кооперативную самодеятельность крестьянства и на активность самих товариществ.

Трудность задач системы с.-х. кредита заключается в том, чтобы, несмотря на затруднения, продолжать укрепляться и развиваться.

От энергии и активности всей системы с.-х. кредита зависит суметь в этот переломный период устоять и добиться дальнейшего продвижения вперед по пути организации кредитной помощи крестьянским хозяйствам.

П. Китайгородский

Турция и агрессивный итальянский империализм[1]).

I.

10 августа 1920 г. Англия, Франция и Италия подписали в Севре пресловутое Тройственное соглашение о разделе Малой Азии между союзниками. На долю Италии выпал вилайэт (губерния) Адалии, то-есть территория, прилегающая к Средиземному морю. Адалия, вошедшая в зону итальянского влияния, должна была служить ареной для торгово-промышленных интересов итальянского капитала, центром иммиграции итальянцев и сферой политического влияния.

Италия, однако, недолго оставалась в Адалии. Премьер-министр Нитти, который возглавлял в это время итальянское правительство, категорически отказался поддержать планы союзников в отношении Малой Азии. Италия в то время переживала тяжелый внутренний социально экономический и социально-политический кризис, обострившийся революционной классовой борьбой и закончившийся захватом рабочим классом—увы, не надолго!—фабрик и заводов. Итальянской буржуазии было тогда, как говорится, не «до жиру—быть бы живу». Этим об'ясняется отчасти «миролюбие» политики Нитти, чуждой агрессивного характера. Итальянское правительство не чувствовало тогда себя в силах поддержать малоазиатскую авантюру и вскоре увело свои войска из Адалии.

Но времена меняются, а с ними характер буржуазной политики. Итальянская буржуазия преодолела острый внутренний социально-экономический кризис и укрепила с помощью фашизма свое внутреннее политическое положение. Вождь фашистской Италии Муссолини круто изменил курс «миролюбивой» внешней политики Италии и стал на путь колониальной экспансии. Весною 1924 г. он в своей речи заявил, что отныне Италия неизменно будет обращать свои взоры на Восток. Это был явный и недвусмысленный намек на Анатолию, южную часть которой итальянский империализм готов во всякую минуту проглотить.

Вот что писала недавно лондонская «Вестминстер Газет» по поводу свидания Чемберлена и Муссолини в Рапалло: «Все указывает на то, что фашистская политика обращена в сторону

[1]) От автора. В этой статье мы ограничиваемся исключительно взаимоотношениями Турции и Италии, оставляя в стороне весь сложный переплет на Балканах с намечающейся перегруппировкой сил. К этому вопросу мы надеемся еще вернуться.

Анатолии. Так как юго-славский флот находится еще в младенческом состоянии, а греческий флот ничтожен, Италия, таким образом, является наиболее крупной морской державой в восточной части Средиземного моря. Додеканез (12 островов Греческого архипелага, расположенных в соседстве с юго-западной Анатолией и отошедших по Лозанскому договору окончательно к Италии. *П. К.*) представляют идеальную стратегическую базу, откуда легко можно проникнуть в Малую Азию. «Италии,— говорит далее «Вестминстер Газет»—до Турции рукой подать. Итальянскому флоту ничего не стоит завладеть южной частью плодородной Анатолии». Так комментировал английский либеральный орган свидание Чемберлена с Муссолини, состоявшееся в Раналло, свидание всем своим острием направленное против молодой республиканской Турции, дерзновенно отказавшейся склонить свою голову перед английским империализмом, насильственно отторгнувшим Муссул от турецкой территории.

Итальянский империализм всячески старается получить какую-нибудь колонию в Малой Азии, в Северной или Восточной Африке. Муссолини точит свои зубы на французский протектатор—Тунис, в котором итальянцев в два с половиной раза больше, чем французов (110.000 итальянцев против 45.000 французов). Но ведь вопрос о Тунисе может быть решен только мечом. Это, так сказать, «музыка будущего».

Итальянский империализм снедаем завистью. По Версальскому договору все союзники получили мандаты на разные территории, принадлежавшие Оттоманской империи, или на бывшие германские колонии. Даже Япония получила в Тихом океане Марианские, Каролинские и другие острова. А вот Италия была обойдена. Орган итальянской тяжелой индустрии «Курьер д'Италиа» от 5 марта писал: «Земледелие и коммерция ограничены в своих ресурсах внутри страны. Нам нужна страна, откуда мы могли бы ввозить в Италию сырьевые продукты, необходимые для нашей индустрии, и куда мы могли бы ввозить излишек наших фабрикатов. У нас не имеется империалистских замыслов (Еще бы! *П. К.*). Но что же нам делать, если мы так стеснены на нашем полуострове?—Италия—цивилизованная страна и весьма заинтересована содействовать развитию какой бы то ни было отсталой страны».

Что значит в устах капиталистов «содействовать развитию отсталой страны», для советского читателя комментариев не требуется. Фашистская Италия стремится к колониальному расширению, но она наталкивается на владения Франции в Северной Африке и в Сирии, на владения Англии в Палестине и Ираке и на Турцию, готовую ежеминутно ощетиниться для защиты неприкосновенности своих границ. И мечется итальянский фашизм, заключает союзы с Юго-Славией, чтобы при случае проглотить Грецию... Охотно идет на свидание с Чемберленом в надежде добиться его поддержки для захвата турецкой Адалии, оккупированной в 1920 г. итальянскими войсками и затем эвакуированной по вине итальянского Керенского премьер-министра Нитти.

Итальянский милитаризм и маринизм лихорадочно укрепляет остров Родос, возводит военные укрепления на островах Додеканеза. Остров Аерос превращен итальянцами в мощную морскую и авиационную базу. Все это, в первую очередь, направлено против Турции.

Итальянская экспансия имеет под собою экономические и социальные причины. Послевоенная Италия значительно расширила свою внешнюю торговлю, оборот которой увеличился в два с половиною раза по сравнению с довоенным уровнем. Кроме того, в Италии имеется значительный «избыток лишних ртов». Итальянская эмиграция до войны давала ежегодно 700.000 человек, из которых около 300 тысяч эмигрировали в европейские страны, остальные в С. Шт. Северной Америки и южно-американские латинские страны. После войны эмиграционный поток хотя и уменьшился в своем размере, но все-таки довольно значителен. По опубликованным в Риме официальным данным (см. «Times» от 9 марта 1926 г.), число эмигрантов-итальянцев в 1925 г. составляет 312,038 (в 1924 г. эмигрировало из Италии 408,606 человек). Эти эмигранты эмигрировали в следующие страны:

во Францию	174.445 чел.
» Швейцарию	14.670 »
» Аргентину	53.331 »
» С. Шт. Америки	32.400 »

Остальные переселились в Канаду, Тунис и Австралию.

До войны С.-Американские Соединенные Штаты поглощали ежегодно около 50.000 итальянских эмигрантов. Но в настоящее время республика янки резко ограничила для эмигрантов в'езд в страну. Главный поток итальянской эмиграции направлен во Францию и французские северо-африканские колонии, преимущественно в Тунис. Итальянское правительство имеет особые вожделения на южную Анатолию, куда оно не прочь направить итальянскую эмиграцию. Муссолини хочет в первую очередь колонизировать Адалию, чтоб иметь, таким образом, опору в своем агрессивном выступлении против турецкой республики...

Аппетиты Италии в отношении Турции растут прямо пропорционально экономическому могуществу и росту итальянской торговли на Ближнем Востоке и, в частности, на внутреннем рынке турецкой республики.

Характерно, что последние два года итальянская торговля обнаруживает явную тенденцию к вытеснению английской торговли из ее доминирующей позиции в Турции. До последнего времени Англии, как и до войны, принадлежало п е р в о е место в торговле с Турцией. Начиная с 1924—25 г.г. итальянцы постепенно шаг за шагом выдвигаются на первое место по общему товарообороту с Турцией. Из общей ценности всего турецкого импорта и экспорта в 202.121 тысячу турецких лир на долю Италии пришлось 47.971 тысяча или 23,7%, то-есть, около $^1/_4$ всей турецкой внешней торговли. На долю же Англии за тот же период падает всего $12^1/_2$% (25.308 тысяч турецких лир) [1].

В то время как товарооборот Англии с Турцией систематически понижается (в 1923 г.—15%, 1925 г.—$12^1/_2$%), итальянская торговля прогрессивно возрастает. Так, напр., по данным «Economiste d'Orient» за февраль 1926 г., за все первые три полугодия 1923, 1924 и 1925 г.г. ценность товарооборота с Ита-

[1]) По данным «Bulletin de la Chambre de Commerce de Constantinople» за январь 1926 г.

лией в тысячах турецких лир соответственно равнялась: 15.335, 81.477, 47.971.

В процентах ко всему турецкому товарообороту это соответственно выразилось в цифрах: 16,2, 22,3 и 23,7.

При громадном увеличении абсолютной ценности мы видим устойчивую тенденцию и к росту процентного отношения ко всему турецкому внешнему товарообороту. Италия занимает теперь первое место в турецкой внешней торговле; это бесспорно.

Тоже самое явление мы замечаем и в отношении каботажного плавания. В турецких водах итальянский тоннаж приближается к английскому и вдвое превышает французский. Пароходы об-ва «Lloyd Triestino» наиболее многочисленны и успешно конкурируют с английскими, французскими, греческими и пароходами других стран в портах Турции, Сирии и Палестины.

Следующая табличка крайне характерна и дает живое представление о конкурентоспособности итальянской навигации. В цитированном нами «Bulletin de la Chambre de Commerce de Constantinople» за февраль 1926 г. мы находим следующую статистическую сводку каботажного плавания в Турции с 1 декабря 1925 г. по 1 февраля 1926 г.

	Прибывш. корабли	Число пассажиров	Снявшиеся пароходы	Число пассажиров
Италия	55	1.265	43	770
Англия	15	519	16	680
Франция	15	614	16	881

Цифры говорят сами за себя. Итальянские пароходные общества развивают лихорадочную деятельность, побивая английские и французские. Правда, пароходы итальянского об-ва уступают другим в водоизмещении, но тут качество замещается количеством.

Из всего этого видно, насколько агрессивная политика фашистской Италии зиждется на ее экономическом превосходстве, главным образом, прогрессивно возросшей внешней торговле с Турцией и другими странами Ближнего Востока.

II.

Ничего удивительного нет, что ангорское правительство тревожно следит за внешней политикой Муссолини, демонстративно кивающей в сторону Анатолии. Правительству молодой турецкой буржуазии приходится говорить с Италией, держа камень за пазухой. Конференция в Раналло, комментарии английской и итальянской прессы, ее прозрачные намеки не оставляют сомнений насчет истинной подоплеки переговоров, имевших место в Раналло. Молодой турецкой республике угрожает смертельная опасность со стороны империализма.

Итальянский империализм ищет колоний. Но всюду он натыкается на препятствия. Он поздно вышел на сцену. Все «места под солнцем» заняты. Вопрос идет, по меткому выражению Владимира Ильича, не о разделе, а о переделе колоний. Итальянская пресса осенью прошлого года недвусмысленно намекала на готовность Италии заручиться мандатом на Сирию, выпадающим из рук Франции. Но ведь французский империализм с большим напряжением борется за удержание своего мандата на Сирию и Ливан. Остается итти по линии наименьшего сопротивления. И итальянская дипломатия использует любой повод, чтоб усилить свои шансы в борьбе с Турцией. Она готова помочь Англии удержать Моссул ценою компенсации в Адалии. Она готова временно заключить «локарнский» союз с Грецией (теперь уж очень в моду вошло «Локарно»), чтоб содействовать ей в захвате Восточной Фракии, а самой аннексировать Адалию, если не Смирну. Генерал Пангалос, греческий диктатор, идет на сближение с Муссолини и готов заключить с ним соглашение, направленное на поддержание итальянских и греческих притязаний в Турции, при чем в случае надобности они не остановятся перед применением военной силы. Греция уже обращается к Италии за снабжением своих войск военной аммуницией и аэропланами и за присылкой инструкторов для своей жандармерии (см. «Дейли Телеграф» от 10 марта сего года).

Нынешняя дипломатическая работа Муссолини на Балканах направлена против Турции в первую очередь. Молодая национально-революционная Турция напряженно силится парализовать попытки империалистических держав, в первую очередь английской и итальянской, расчленить и закабалить страну, только что завоевавшую свою национальную независимость ценою кровавых жертв. Молодая республиканская Турция сумеет постоять за себя, опираясь на СССР и на восточные страны Ближней и Средней Азии, стремящиеся сбросить иго империализма.

Наконец, противоречия в лагере империалистов являются тоже выигрышным козырем в руках турецкой дипломатии. Мы это видели недавно на примере заключения предварительного соглашения в Ангоре между турецким министром иностранных дел Тевфик-Рушди-беем и французским верховным комиссаром в Сирии Де-Жувенелем.

Правда, Англия ведет интригу против этого соглашения, подбивая Францию не ратифицировать его. Так как по этому соглашению Турции предоставляется право перевозить свои войска по Багдадской железной дороге через Северную Сирию, а равно Франция обещает соблюдать нейтралитет на случай войны между Турцией и Англией из-за Моссула, то Чемберлену чрезвычайно важно аннулировать это франко-ангорское соглашение.

По последним сообщениям Совет Лиги Наций отказался утвердить франко-турецкий договор. Очевидно, Англия и Франция сторговались за счет Турции, иначе Совет Лиги Наций не мог бы без согласия Франции отказаться от утверждения этого франко-ангорского соглашения.

Но противоречия между Англией и Францией на Ближнем Востоке слишком велики и как бы стороны ни старались их замазать, всегда найдется щель, чрез которую турецкая дипломатия сможет проникнуть с целью использования одной империалистической державы против другой.

Кроме того, Турция при желании может во всякое время закрыть Дарданеллы, несмотря на «демилитаризованные зоны». В специальной литературе по этому вопросу указано, что тяжелые передвижные батареи могут у Чанака запереть проливы, если установить их на расстоянии часа от запретной зоны. На-

конец, можно просто минировать проливы и Мраморное море в случае одновременной атаки соединенных итальянского и греческого флотов.

Современная Турция занята по горло лихорадочной деятельностью по очищению страны от остатков средневековья. Турция модернизируется. Мы наблюдаем в Турции оживленную реформаторскую деятельность. Национальная революция, словно циклон, пронеслась по стране. Выкорчевываются обветшалые корни феодализма, закладываются основы нового быта. Об'явлена беспощадная борьба чадре и феске. Идет интенсивное железное строительство. Создается национально-буржуазная экономика на руинах средневекового султанского режима. Вылупившееся из скорлупы феодализма «третье сословие» полно революционной инициативы и отваги. Молодая победившая буржуазия перестраивает турецкую «надстройку», приспособляя ее к новой буржуазной экономике. Прежнее исламское, основанное на шариате законодательство заменено европейским гражданским кодексом. Строится новая Турция.

Но эта Турция, охваченная порывом строительства и обновления, сумеет заставить врага уважать ее права и независимость.

Молодая «цивилизующаяся» (выражение т. Ленина) Турция уверена в своем тыле. Это — красный тыл, тыл СССР. В союзе с СССР кемалистская Турция непобедима. Она сумеет долго обороняться от нападения империалистов. Империализм также обожжет себе пальцы о новую Турцию, как это с ним уже случилось в 1919—1922 г.г.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Т. Берин.

Стоимость в хозяйственной системе СССР.

Вопрос о стоимости становится актуальной проблемой нашей экономической политики. Заслугой т. Преображенского является то, что он первый занялся анализом этой проблемы. Но его «закон первоначального социалистического накопления» внушает сомнение.

Аналогия с законом «первоначального капиталистического накопления», не удачна. Капиталистическое накопление есть процесс стихийный. Социалистическое же накопление уже сейчас есть по преимуществу результат сознательного регулирования и чем дальше, тем все больше будет таковым.

Суть дела, однако, не в аналогии. Теория т. Преображенского подкупает тем, что «законом социалистического накопления» разрешается противоречие между «прибавочной стоимостью» и «прибылью» на наших госпредприятиях. Посмотрим, однако, как это противоречие разрешается Марксом и Лениным:

«В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещения «сношенных» машин и т. д., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.» [1]).

Кто внимательно изучит «Критику Готской программы» Маркса, тот увидит, что мысль Маркса приблизительно такова: после завоевания власти пролетариатом рабочий становится хозяином всей общественной жизни. У него, следовательно, будут двоякого рода потребности: личные и общественные. Ту долю продукта труда рабочего, которая идет на его личные потребности, рабочий получит на руки в форме трудовых свидетельств—при развернутом социалистическом строе; в форме заработной платы—теперь, у нас.

Доля продукта труда рабочего, которая идет на его общественные нужды, с самого начала остается в руках общественных органов. К общественным нуждам рабочего Маркс и Ленин относят и расходы по управлению, и расходы по народному образованию, и расходы по социальному обеспечению и, между прочим, расходы на общественные нужды в расширенном воспроизводстве. Таким образом, Маркс и Ленин разрешают противоречие между прибавочной стоимостью и «прибылью» на наших

[1]) Н. Ленин, Собр. соч. т., XIV, стр. 371—72.

госпредприятиях просто. Здесь, следовательно, можно обойтись и без «закона первоначального социалистического накопления».

Кстати о терминологическом споре. Тов. Мотылев употребляет термин «социалистическая прибавочная стоимость». Другие товарищи пользуются термином «прибавочный продукт». Между тем, Маркс и Ленин предпочитают говорить об «общественном фонде». Можно, пожалуй, еще пользоваться термином «общественная доля продукта рабочего».

Как же обстоит дело с крестьянством?

Крестьянство у нас призвано к сотрудничеству с рабочим классом в деле строительства социализма. Оно тоже, следовательно, должно внести свою долю на общественные расходы, в том числе и на расширенное воспроизводство промышленности, как базы социализма. Так как крестьянство связано с национализированной промышленностью только через обмен, то оно свою долю вносит, помимо налогов, в виде разницы между ценой на продукты промышленности и ценой на сельско-хозяйственные продукты. Государство, покупая у крестьян сельско-хозяйственные продукты по «справедливой цене» и продавая крестьянству продукты промышленности по «доступной цене», т.-е. когда рабочее правительство устанавливает цены не на основе эквивалентности, оно не эксплоатирует «отсталые хозяйственные формы», а только учитывает в цене, ту долю, которую крестьянство, как сотрудник пролетариата должно внести на все общественные нужды. Вся трудность здесь заключается в том, чтобы найти правильную пропорцию между личными и общественными потребностями как рабочего, так и крестьянина.

* *

Единственным признаком категории стоимости т. Преображенский считает стихийность.

Во всей трактовке вопроса им игнорируется материальное ядро марксова закона—пропорциональность трудовых затрат, обмениваемых продуктов или товаров. Послушаем Маркса:

«Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы и на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно-определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно, само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное разделение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов»[1]).

Легко видеть, что стихийность не есть закон, а только форма проявления закона. Содержание же закона трудовой стоимости Маркс приравнивает к закону природы, который вообще

[1]) Маркс и Энгельс, «Письма», изд. «Моск. раб.», 1923, стр. 176—177.

не может быть отменен. У Ленина же мы находим: «В первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не совсем, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку и лишь постольку «буржуазное право» отпадает. Но оно остается, все же в другой своей части, остается в качестве регулятора распределения продуктов и распределения труда между членами общества»[1]).

Какой же это такой «буржуазный закон», который при социализме будет служить регулятором распределения продуктов и труда? Конечно же, это есть Марксов закон эквивалентности, хотя проявление его будет видоизменено.

Если закон пропорциональности трудовых затрат остается регулятором распределения продуктов и труда и при социализме, то не может же этот закон заснуть летаргическим сном на весь переходный период от капитализма к социализму. При анализе нашей экономической системы главное наше внимание, следовательно, должно быть обращено на то, чтобы проследить, как у нас проявляется этот основной, открытый Марксом закон. Термин здесь не столь существенен. Если окажется, что проявление этого закона у нас никаких следов стихийности не носит, тогда можно будет заменить термин «закон стоимости», ну, хотя бы термином «закон пропорциональности трудовых затрат». Но этого еще нет. Возьмем самый показательный пример, «когда само государство является и монопольным производителем и единственным монопольным покупателем», как производство паровозов. Тов. Преображенский утверждает, что в этом случае мы имеем «минимальное действие закона ценности на цены». Что «здесь категория цены носит чисто формальный характер».

Но это потому, что т. Преображенский слишком формально подошел к вопросу.

Во-первых, совершенно прав т. Гольденберг, когда он указывает, что и «паровоз по частям продается частному потребителю».

Во-вторых, и самое важное—это анализ тех данных, из которых складываются все наши планы. «Цены,—говорит т. Преображенский,—строятся из определенного планового расчета, они подгоняются к уровню себестоимости производства на заводах главметалла». Правда, в конечном счете, цена на паровозы устанавливается сознательно, а не стихийно. Но разве калькуляция себестоимости содержит мало предметов, цена которых установлена стихийным порядком? Сознательно устанавливаемые нами цены, даже в наиболее обобществленном секторе нашего народного хозяйства, сами являются суммированием целого ряда цен, одним из факторов которых является стихия рынка. Важно, однако то, что именно по пути искания того, как в нашем хозяйстве проявляется закон эквивалентности,—должно пойти марксистское исследование. Именно этого мы у т. Преображенского не найдем.

Важно еще следующее обстоятельство. Одно замечание, высказанное Марксом мимоходом, дает нам основание думать, что Маркс представлял себе хозяйственный учет при социализме,

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, стр. 374.

не в натуральной форме, а в трудочасах. «При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями труда. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительных запасов то количество продукта, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не совершают обращения» [1]).

Следовательно, при социализме, когда стихийности не будет, основой сознательного регулирования будут трудовые затраты, а единицей измерения—трудочас, или что-нибудь в этом роде. Ну, а чем должны руководствоваться наши регулирующие и планирующие органы? Нужно ли доказывать, что устойчивая валюта есть одно из необходимейших условий успеха нашей экономической политики? Без устойчивого мерила ценности почти невозможен правильный хозяйственный учет, колеблется зарплата, что выбивает рабочего из равновесия, колебание цен вызывает неудовольствие среди крестьянства и т. д.

У нас еще нет плановости, сознательного регулирования во всей хозяйственной системе страны. Трудовые деньги для наших условий не меньшая утопия, чем таковые у Оуэна и Грея. Единственным устойчивым мерилом ценности у нас может быть золото—этот всеобщий эквивалент, носитель абстрактного, общественного труда при товарном хозяйстве.

Но мы пока не можем иметь золотого обращения внутри страны. Как же быть? Дабы держать нашу валюту на паритете с золотом Наркомфин иногда предпринимает «золотую интервенцию».

Это не нравится т. Преображенскому. По его мнению, работники Наркомфина воскрешают денежный фетишизм в дегенеративной форме, «они систематически апеллируют к золотому разуму черной биржи и, в случае отклонения бумажного червонца от золотой десятирублевки, впадают в панический страх и делают ненужные и убыточные для государства золотые интервенции» [2]).

Что же нам предлагает т. Преображенский? Он нам предлагает нечто в роде теории «покупательной силы денег» Ирвинга Фишера. «Допустим, в результате всех вышеприведенных причин мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров, на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15%, как раз и приводит к достижению валютного равновесия» [3]).

Приблизительно такое же повышение цен он и нам предлагает сделать.

То что при чисто-бумажно-денежном обращении достигается стихийно, т. Преображенский нам предлагает провести сознательно при нашей денежной системе. Не будем здесь вдаваться в теоретические споры о существе нашей денежной системы. Но нетрудно видеть, что проблемы устойчивого мерила ценности, или устойчивой единицы измерения для т. Преображенского не существуют. «Достижение валютного равновесия» сводится к тому, что масса денег в обращении должна соответствовать массе товаров. Подобно Ирвингу Фишеру т. Преображенский здесь думает, что одними валютными манипуляциями можно лечить хозяйственные недуги. Ведь это азбучная истина, что за повышением цен на промтовары последует повышение цен и на сельско-хозяйственные товары, придется затем увеличивать соответственно и зарплату. Выигрывая на повышении цен своих товаров госпромышленность проигрывает при оплате за сырье и на зарплату, а устойчивого мерила ценности мы иметь не будем. Игнорировав эквивалентность в законе стоимости, т. Преображенский не учитывает и значения устойчивой валюты как мерила ценности, именно поэтому «такой плановый маневр, как снижение цен. для т. Преображенского, повидимому, не существует» [1]), ибо снижение цен, как плановый маневр, направлено раньше всего к тому, чтобы достигнуть не «валютного равновесия», а устойчивой валюты, с помощью которой только и возможно правильное планирование и регулирование.

Сам т. Преображенский констатирует, что наша валютная практика не оправдала его теории. В сравнении с 1924 г., говорит он, было «увеличение общей массы денежного обращения на 70% в то время, как за тот же промежуток времени продукция нашей государственной промышленности увеличилась едва на 40%, а весь товарооборот еще на меньшую сумму... и если за тот же промежуток времени курс червонца, беря средний по оптовому и розничному индексам, пал только на 8%, то это лишь доказывает, насколько вообще прочно держится наша валюта, как она еще слабо реагирует на проделанный над нею эксперимент» [2]).

Тов. Преображенский здесь удивляется устойчивости нашей валюты, он не знает этому об'яснения, а по нашему об'яснение лежит в нашей политике понижения цен, и не последнюю роль здесь сыграла и золотая интервенция.

* * *

Маркс делает различие между теорией стоимости и теорией прибавочной стоимости. Почему? Да потому, что при капитализме, где стимулом производства является не интерес производителя, а прибыль предпринимателя,—непосредственным регулятором является уже закон средней нормы прибыли. Закон ценности здесь модифицирован. Правда, закон стоимости в смысле эквивалентности трудовых затрат и здесь не может быть уничтожен. Движение товарных цен,—если отвлечься от кон'юнктурных колебаний,—и здесь управляется законом стоимости. При сокращении необходимого рабочего времени на производство товара, понижается и его цена, и наоборот. Правда также, что без марксовой теории стоимости нельзя было бы понять и теорию прибавочной стоимости. Но все это отнюдь не делает эти оба проявления закона тождественными. При анализе нашей эконо-

[1]) «Капитал», т. II, стр. 332.
[2]) «Вестн. Ком. Акад.» № 14, стр. 58.
[3]) «Большевик» № 6, с. г. стр. 62.

[1]) Э. Гольденберг, «Запоздалый рефлекс», «Большевик» № 7—8.
[2]) «Большевик» № 6, стр. 62.

мической системы особо важно различие между проявлением закона стоимости в его чистом виде и его модификацией при капитализме. В самом деле, в том секторе нашего хозяйства, который при современных условиях играет решающую роль—в городской промышленности, на 95% находящейся в руках пролетарского государства,—«прибыль» может быть еще руководством к рационализации хозяйства,—но закон средней нормы прибыли уже не является регулятором производства.

Тов. Преображенский, который совершенно игнорирует содержание марксовой теории стоимости—эквивалентность, считая стихийность единственным признаком категории стоимости, приходит к такого рода утверждению: «Для наиболее полного проявления закона ценности надо, чтобы существовала полная свобода товарооборота как внутри страны, так и между странами на мировом рынке. Надо, далее, чтобы рабочий был свободными продавцом, а капиталист ничем не стесняемым покупателем рабочей силы, как товара. Надо, чтобы вмешательство государства в производственный процесс и количество собственных предприятий государства свелось к минимуму, а также отсутствовала регламентация цен со стороны монопольных организаций самих предпринимателей и т. д.» [1]).

Это утверждение никак не согласуется с марксовой теорией. Оно находится в явном противоречии с тем, что по этому поводу высказывали Маркс и Энгельс. «Обмен товаров по их стоимости, или приблизительно по их стоимости, соответствует гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима известная высота капиталистического развития» [2]).

Полнее эта мысль была развита Энгельсом. После выхода III тома «Капитала», буржуазные экономисты усмотрели в марксовой теории средней нормы прибыли отказ Маркса от теории трудовой стоимости. Но и великолепный марксист Шмидт выразил «формальные сомнения по поводу закона ценности». Он называет его научной г и п о т е з о й, а «в одном частном письме Шмидт называет закон ценности в пределах капиталистической формы производства теоретически необходимой функцией».

Как же на это реагировал Энгельс? Вы думаете, что он стал доказывать, что, только при чистом капитализме наиболее полно проявляется закон ценности? Ничего подобного.

«Закон ценности Маркса,—говорит он,—был в экономическом смысле всеобщим, начиная с развития обмена, превратившего продукты в товары, вплоть до XV столетия. Начало же обмена товаров относится ко времени, предшествующему писанной истории человечества, в Египте по меньшей мере за три, а может и за пять тысяч лет. В Вавилоне за четыре—шесть тысяч лет до нашего летоисчисления. Таким образом, закон ценности господствовал в течение периода в пять—семь тысяч лет...»

...«Словом, закон ценности Маркса всеобщ — поскольку вообще, проявляется влияние экономических законов,—д л я в с е г о п е р и о д а п р о с т о г о т о в а р н о г о п р о и з в о д с т в а, следовательно, до в и д о и з м е н е н и я э т о г о з а к о н а с развитием капиталистической формы производства» (подчеркнуто мною. *Т. Б.*) [1]).

[1]) «Вестн. Ком. Акад.» № 14, стр. 6.
[2]) М а р к с, «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 155

Таким образом, Маркс и Энгельс в довольно категорической форме высказали то положение, что наиболее полное свое проявление закон ценности имеет только до капитализма, да иначе это и быть не может. Ведь при капитализме переход капитала из одной отрасли производства в другую происходит из-за борьбы капиталистов за прибавочную стоимость. Следовательно, здесь закон ценности модифицируется в том смысле, что непосредственным регулятором является закон средней нормы прибыли.

В отношении экономики СССР такая сплошная постановка проблемы, какую мы находим у т. Преображенского, приводит не к выяснению, а к затушевыванию двойственности нашей экономики, к замазыванию линии, по которой у нас происходит классовая борьба. В самом деле, «закон первоначального социалистического накопления» у т. Преображенского есть псевдоним сознательного регулирования, в противоположность стихийности. Кто же в данное время является главной помехой при проведении наших планов? Наша советская действительность показала, что срывают нашу политику цен, а вместе с тем и наши планы,—нэпманы, которые ведут борьбу за прибавочную стоимость. В деревне же вся наша борьба направлена против кулака и опять же в основе этой борьбы лежит прибавочная ценность или стремление кулака эксплоатировать бедняков. Из всего изложенного следует, что у нас главная линия борьбы проходит между пролетариатом, ведущим крестьянство за собой, с одной стороны, и между нэпманами и кулаками, с другой стороны. Экономически выражаясь, это означает, что идет борьба между сознательным регулированием и законом прибавочной ценности. Только такая постановка вопроса соответствует марксистско-ленинскому духу. Социализм,—говорит Ленин,—означает: «Кто не работает, тот не должен есть»,—этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта»,—и этот социалистический принцип уже осуществлен» [2]).

У нас же еще социализма нет—только идет борьба за социализм. И ведем мы борьбу именно за то, чтобы по возможности скорее осуществить лозунг: «кто не работает, тот не должен есть». Трудность борьбы заключается не только в том, что те, которые потребляют, не работая, делают это в ущерб социалистическому накоплению, а главным образом потому, что эти элементы, в погоне за прибавочной стоимостью мешают, затрудняют работу наших планирующих и регулирующих органов.

За плановость, за сознательное регулирование ведет борьбу пролетариат.

За закон прибавочной ценности, за эксплоатацию, следовательно, за стихийность ведут борьбу кулаки и нэпманы.

* * *

При трактовке проблемы регулирования у нас часто ставят знак равенства между капиталистическим монополизмом и социализмом. У т. Преображенского мы находим такое выражение: «Напор капиталистического монополизма может встретить

[1]) Э н г е л ь с, «Закон ценности и норма прибыли». Цитир. по Габриэль Девилль «Изложение I тома «Капитала», изд. «Пролетарий», 1924 г., стр. 294—295.
[2]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIV, стр. 374.

преграду лишь в социалистическом монополизме». Такое безоговорочное сравнение теоретически неправильно. Неправильно оно уже потому, что социализм означает общественную собственность на орудия производства, в противоположность капиталистической собственности вообще и монополистической собственности в частности.

Устраняет ли капиталистический монополизм стихийность? При мелком товарном производстве экономическая результанта всего народно-хозяйственного комплекса есть следствие взаимосплетений и борьбы отдельных хозяйственных ячеек. Закономерности, проявляющиеся при этом, мы и называем стихийным регулятором общества. При капиталистическом производстве количество самостоятельно функционирующих хозяйственных ячеек относительно уменьшается, т. к. воля и сознание наемных рабочих подчинены капиталисту, внутри предприятия которого существует порядок и строгая планомерность. Но каждая хозяйственная ячейка здесь действует с большей силой. Результаты борьбы все сильнее и вреднее отражаются на всем общественном организме. Отсюда-то—все учащающиеся периодические промышленные кризисы.

Капиталистический монополизм, также действующий в интересах частных собственников, не уничтожает стихию, а только возводит ее на высшую ступень. «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом; несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так наз. тяжелая индустрия, особенно уголь и железо, приводит и остальных отраслях промышленности к еще более острому отсутствию планомерности» [1].

Концентрация и централизация капитала, а затем капиталистическое картелирование и синдицирование есть количественное нарастание элементов сознательного регулирования, которое может притти только после насильственного уничтожения частного интереса в пользу общественного. В основе капиталистического монополизма лежит не стремление к сознательному регулированию, а насилие. Это с исчерпывающей полнотой доказано Лениным в его работе «Империализм, как новейший этап капитализма».

Как же обстоит дело у нас—в стране строящей социализм? Городская промышленность почти целиком находится в руках государства. При государственной монополии внешней торговли, пользуясь методами монополизма, государство могло бы, повышая налоги и поднимая цены на товары госпромышленности, исчерпать всю платежеспособную силу страны.

Но ведь сам т. Преображенский говорит, что «забастовка покупателей есть тот предел, который поставлен государственному планированию в том случае, если цены государства превышают известный уровень, приемлемый для частного рынка».

Как же понимать этот предел? Следует ли думать, что налоги и товарные цены все же должны дать возможность крестьянству,

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 256.

немного лучше жить, чем до революции, и обзаводиться лучшим инвентарем, дабы и сельское хозяйство двигалось вперед? Если так, то это правильный ленинский путь. Однако, тов. Преображенский считает, что мы можем игнорировать крестьянское хозяйство.

Больше того, смысл всех теоретических построений его таков, что надо воспользоваться принципами монополизма, дабы до известной степени даже задержать рост крестьянского хозяйства, и0 о теперь это последнее, мол, опережает городскую промышленность.

Так действовать, значит толкать партию на неправильный путь.

Такая политика поставила бы под сомнение союз пролетариата с крестьянством.

Не верен этот путь и экономически, ибо Ленин нас учил, что мы должны и можем строить социализм только совместно с крестьянством. На ряду с ростом крупной индустрии мы заинтересованы также и в росте сельского хозяйства, направляя, конечно, этот рост по рельсам коллективизации, по пути кооперирования. Здорового и бесперебойного роста крупной индустрии мы можем добиться только в том случае, если растущее производство государственной промышленности найдет расширяющийся рынок сбыта, с одной стороны, и увеличивающиеся массы сырья—с другой.

Рост крестьянского хозяйства нам обеспечивает и то и другое.

Рост государственной промышленности может и должен быть относительно быстрее. Может, ибо социалистическая организация более рациональна. Должен, ибо такова цель пролетариата, строящего социализм—крупная промышленность есть основная база этого строительства. Но с этой стороны никакой опасности нет. Партия это знает. Рост государственной промышленности и теперь обгоняет рост сельского хозяйства—это так будет и в дальнейшем. Директива XIV партс'езда об индустриализации страны остается основной задачей.

Партия этой задаче уделяет, и в ближайшее время будет уделять, максимальное внимание. Необходимо только соблюдать правильные пропорции и не создавать паники.

Г. Лелевич.

Классовая борьба в литературе и воинствующий эклектизм.

(По поводу статей т.т. П. Ионова и Леопольда Авербаха в №№ 3, 4 и 7—8 «Большевика»).

Интересный и заслуживающий всякого внимания спор между т.т. П. Ионовым и Л. Авербахом осложняется одним обстоятельством, придающим этому спору довольно странный оттенок. Это обстоятельство заключается в своеобразном положении одной из спорящих сторон, а именно—Авербаха.

Дело в том, что брошюра «За пролетарскую литературу», на которую обрушился Ионов, была написана Авербахом еще до его окончательного отхода от напостовства. Брошюра эта в рукописи была прочтена и вполне одобрена Вардиным и Лелевичем, повинными, если верить нынешнему Авербаху, во всех смертных грехах. Но с тех пор, действительно,—«как мало прожито, как много пережито!»—Леопольд Авербах совершил поворот, если не в 180, то в 120°, и превратился из твердокаменного напостовца в «барометрийнейшего из нео-напостовцев», как метко охарактеризовал его тов. Н. Чужак в «Жизни искусства». Этот поворот, происшедший в промежутке между выходом брошюры Авербаха и появлением статьи Ионова, ставит автора брошюры в достаточно двусмысленное положение.

* * *

Дискуссия по вопросам партполитики в литературе, как известно, разгорелась первоначально между двумя течениями: капитулянтами и напостовцами. Манифестом капитулянтов послужила известная книга тов. Троцкого «Литература и революция», с ее категорическим утверждением: «В корне неправильно противопоставление буржуазной культуре и буржуазному искусству пролетарской культуры и пролетарского искусства. Этих последних вообще не будет, так как пролетарский режим—временный и переходный»[1] (стр. 9). С этой программой Троцкий, Воронский, Осинский и др. выступили на борьбу против организованной пролетарской литературы. Однако, программное, принципиальное банкротство последовательных капитулянтов с полной ясностью обнаружилось сравнительно скоро,—примерно, к периоду I Всесоюзной Конференции Пролетписателей (январь 1925 г.). Историческая резолюция ЦК, опубликованная 1 июля 1925 г., явилась суровым приговором над капитулянтскими принципами. Пункты резолюции, осуждающие уклон, «недооценивающий борьбу за гегемонию пролетписателей», весьма недвусмысленно осуждали именно

[1] Неоговоренные курсивы мои. *Г. Л.*

взгляды Троцкого, Воронского и др. Но и резолюция не положила конца борьбе за пролетарскую литературу. Почему?

На это прекрасно ответил в предисловии к своей брошюре Авербах, тогда еще умевший по-большевистски ставить вопросы литературного фронта: «Резолюция ЦК подвела итог нашим принципиальным разногласиям, по-большевистски разрешив их. Но еще стоит на очереди, приобретающий исключительную важность, организационный вопрос, но уже выступил на сцену эклектизм, об'ективно осужденный лишь на прикрытие тех взглядов, которые в резолюции ЦК названы капитулянтскими» (стр. 3). Точная и правильная характеристика положения!

На смену осужденному партией последовательному капитулянтству теперь пришел развязный и воинствующий эклектизм. Было бы странно, если бы он не появился. Ведь еще прошлым летом т. Сталин в своей речи в Свердловском университете отметил, что капиталистические элементы «стараются перевести борьбу в область идеологии пролетариата» и что «нельзя сказать, чтобы их старания оставались абсолютно бесплодными». Капитулянтство не могло испариться, поскольку сохраняется буржуазное давление на пролетариат. Но после резолюции ЦК этот уклон принужден выступать менее отчетливо, более сбивчиво, замаскированно. Молчит Троцкий, неохотно говорит о программных вопросах литфронта Воронский, но зато витийствуют А. Слепков, Н. Попов, Колоколкин, задает тон В. П. Полонский. Этот воинствующий эклектизм находит себе опору в некоторых моментах литературных взглядов Н. И. Бухарина. Авербах писал в своей брошюре: «Если в вопросах пролетарской культуры у т. Бухарина с самого начала имелась продуманность, своя система, то в вопросах тактики в области литературы, всех тех вопросах, которые входят в круг того, что называется литературной политикой партии, мы имеем постоянную эволюцию у тов. Бухарина... Если есть два стула и на стульях сидят люди, а между ними находит место еще один человек, то все-таки остаются два стула, и в применении к нашему вопросу попытка создания другой точки, кроме двух, прежде боровшихся, неизбежно будет носить эклектический характер» (стр. 50).

То, что воинствующий эклектизм, в самом деле, «осужден лишь на прикрытие» капитулянтских взглядов, прекрасно подтверждается центральным местом статьи Ионова: «Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике—и наоборот, тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство и проч. безобидные штуки, но и политическую идеологию!» (стр. 42 «Больш.» № 4). Авербах совершенно прав, когда в последней своей статье («Большевик» № 7—8) характеризует эту вопиющую цитату следующим образом: «Перед нами стопроцентная меньшевистская логика, на которую так яростно обрушивался Ленин. Такая постановка вопроса представляет собой лейтмотив всех рассуждений «Социалистического Вестника» за годы после нэпа. У вас свобода торговли, у вас сотрудничество в области экономической—сделайте политические выводы отсюда» (стр. 108). Совершенно верно:

воинствующий эклектизм, в лице П. Полонова, обнажил свою капитулянтскую сущность.

Предисловие прежнего Авербаха к своей напостовской брошюре не только правильно наметило роль эклектизма в настоящий момент, но и справедливо подчеркнуло огромное значение организационных вопросов литературы, не решенных принципиальной резолюцией ЦК. Именно в этой области пытается взять реванш замаскированное капитулянтство, разбитое в программной плоскости.

Стремясь к этому реваншу, эклектическая разновидность капитулянтства развертывает демагогическую кампанию, обвиняя напостовцев в противодействии и расхождении с резолюцией ЦК. Этот вопрос был подробно освещен еще прошлой осенью в письме правления ВАПП к членам союза «Забой», написанном Ил. Вардиным. Сопоставив ряд основных выдержек из резолюции ЦК и постановления I Всесоюзной конференции пролетписателей, письмо делало правильный вывод: «О чем они (параллельные выписки) с несомненностью свидетельствуют? О чем угодно, только не о том, будто ЦК нашей партии «осудил» позицию Всесоюзной конференции пролетписателей. Совершенно наоборот: партия решила основные вопросы литературы в направлении, которое было намечено Всесоюзной конференцией в итоге двухлетней борьбы. Этот двухлетний период борьбы можно и должно рассматривать, как подготовление партийного общественного мнения к принятию той резолюции, которая была опубликована Центральным Комитетом 1 июля 1925 года. Партийцы, работающие в ВАПП'е, в данном случае выполнили свой элементарный партийный долг: задача всякого члена партии заключается в том, чтобы проявлять инициативу в поднятии новых вопросов, чтобы предлагать партии те или иные способы решения этих вопросов. Далеко не всегда партия принимает предложения различных групп или лиц. Нередко партии действительно приходится осуждать те или иные предложения, но в данном случае как раз партия пошла по тому пути, который намечался напостовцами и вапповцами» («Октябрь» № 12 за 1925 г., стр. 169—170).

Это письмо было утверждено Авербахом и его союзниками. Тогда Авербах понимал, что противопоставление напостовства резолюции ЦК насквозь лживо и демагогично. Но замечательно: как только Авербах превратился из напостовца в «барометрийнейшего из нео-напостовцев», он моментально направил против подлинных напостовцев это самое гнилое оружие. Мало того, Авербах оказался коллегой Полонова и в области спекуляции на партдискуссии. Разумеется, в конечном счете споры о литературной политике имеют и общеполитическое значение. Но нельзя так топорно и элементарно увязывать литературно-идеологические направления с общепартийными политическими течениями. Тут связь значительно сложнее и тоньше. Вардин и Лелевич увязали свое напостовство с партийной оппозицией. Но, как известно, целый ряд крупных представителей оппозиции придерживается литературных взглядов, прямо противоположных взглядам Вардина и Лелевича по этому вопросу. И, наоборот, ряд определенных сторонников партийного большинства разделяет литературную позицию Вардина и Лелевича (Безыменский и др.). Поэтому, как нельзя делать оппозицию ответственной за напостовство, так невозможно обвинять в оппозиционности последовательное напостовство. И если Авербах соперничает в этом непривлекательном занятии с Полоновым, это об'ясняется лишь слабостью аргументов по существу и стремлением нажить литературный капитал на политической борьбе.

* * *

Барометрийный Авербах, однако, не хочет признать своей барометрийности. В своем ответе Полонову он горделиво заявляет: «Мне абсолютно нечего менять в моей книжке, как бы ни пытался Полонов превратить ее в оппозиционный документ» (стр. 104). И Авербах очень темпераментно атакует Полонова. Во всех своих обвинениях против трубача воинствующего эклектизма Авербах прав, но трагикомизм его положения заключается в том, что эта правота никак не вяжется с его общей теперешней позицией. Все дело в том, что порвав с основной напостовской группой и став «нео-напостовцем», Авербах, если он хочет быть минимально последовательным, должен торжественно отречься от своей брошюры и присоединиться ко взглядам Полонова. Авербаха очень возмущает, что Полонов из факта условного экономического сотрудничества с буржуазией делает вывод о необходимости идеологического сотрудничества с нею. Но ведь ту же самую точку зрения подробно развивал на фракции чрезвычайной конференции ВАПП в своем выступлении против моего содоклада единомышленник Авербаха и член президиума конференции Чумандрин. И после этого меньшевистски-полоновского выступления Чумандрин не был осужден или даже одернут, а, наоборот, стал секретарем нового правления Ленинградской Ассоциации Пролетписателей. Что доказывает этот факт? Что «нео-напостовцы», борясь с подлинным напостовством, должны неизбежно скатиться на точку зрения Полонова. Такова логика.

Конкретным вопросом, по которому разгорелась борьба между «нео-напостовцами» во главе с Авербахом и основной напостовской группой (Вардин, Безыменский, Родов, Доронин, Карпов, Горбачев и др.), был вопрос о принципах построения Федерации Советских Писателей. Авербах и его друзья настаивали на включении в Федерацию Всероссийского Союза Писателей, т.-е. на об'единении в рядах Федерации всех писателей, имеющихся на территории СССР, в том числе и явно буржуазных. Основная напостовская группа предлагала создать Федерацию из пролетарских, крестьянских и лево-попутнических писателей с тем, чтобы, в процессе органической работы и идеологической борьбы, перетянуть в ряды Федерации и отвоевать от буржуазии все, что есть мало-мальски живого и революционного в русской литературе. Я категорически утверждаю, что этот организационный план нынешнего меньшинства ВАПП непосредственно и прямо вытекает из основных положений брошюры Авербаха «За пролетарскую литературу».

Теперь Авербах предлагает создать фактически единую организацию всей русской литературы и внутри этой единой организации, включающей Замятиных и Булгаковых, «срабатываться» с попутчиками. А в своей брошюре он писал: «Чем мы можем завоевать и завоюем тех из попутчиков, которые действительно могут пойти вместе с рабочим классом? Только чет-

кой классовой постановкой вопроса, разоблачением истинного смысла замятинско-вересаевского блока, неустанной борьбой с правыми. Политика примирений, соглашений, разговоров о единой русской литературе, затушевывания классового подхода к нашим врагам в литературе,—эта политика только на руку правому флангу нашего писательства. Эта политика утверждает и сохраняет руководство внутри-эмигрантских и буржуазных писателей над значительной частью попутчиков» (стр. 18). Разве не ясно, что из этих принципов целиком вытекает план меньшинства—противопоставить буржуазному Союзу Писателей свой притягательный центр для промежуточного писательства в виде Федерации Советских Писателей?

В другом месте брошюры Авербах правильно отметил: «Вся беда в литературной практике кое-каких наших журналов и заключалась в том, что они никакой классовой дифференциации в среде писателей не проводили, что за попутчиков выдавались буржуазные писатели» (стр. 22). Вот именно! Злокозненные Вардин, Родов и Лелевич не хотели повторять «литературную практику кое-каких наших журналов», не хотели, чтобы в Федерацию Советских Писателей были приняты буржуазные писатели, т.-е. чтобы этих последних выдавали за советских писателей или иначе за попутчиков.

А страницей раньше Авербах высказал совсем уже «оппозиционную» и «лево-ликвидаторскую», по его нынешним воззрениям, мысль: «Нормальная литературная обстановка для нас не такая, при которой все кошки серы, хотя бы и в союзе писателей. Нормальная литературная обстановка, с нашей точки зрения, такая, при которой классовые линии четко проведены, писатели организованы по идеологическому или формальному признаку» (стр. 21). Прекрасно, но ведь это чуть ли не цитата из речи Вардина против Авербаха в период последних споров! Именно в противовес Авербаху мы настаивали, чтобы в Федерацию принимались либо идеологические (классовые), либо лево-попутнические формальные группировки. Пример первых—ВАПП, Союз Крестьянских Писателей, Союз Революционных Драматургов, пример вторых—ЛЕФ, Конструктивисты и т. д. И мы возражали против приема Союза Писателей, между прочим, и потому, что он не принадлежит ни к одной из этих категорий (формально не принадлежит, ибо об'ективно он является классовой буржуазной организацией). Да, барометрийнейший тов. Авербах, мы только развивали ваши вчерашние мысли!

В брошюре Авербаха мы находим удачный ответ еще на одно его сегодняшнее утверждение. Он потратил много темперамента на доказательства, что партии и пролетариату полезно даже чисто-бумажное присоединение правого писательства к резолюции ЦК. А в брошюре мы читаем: «Наша партия настолько сильна, что она вовсе не нуждается в том, чтобы подобно слабым радоваться, что с ней идут все писатели и т. д. Вреднее казенного оптимизма ничего не может быть» (стр. 21).

Образно формулируя наши разногласия с группой Авербаха, мы говорили, что мы—за «левый блок» в литературе, а Авербах фактически за «национальный». Это историческая аналогия вызвала со стороны Авербаха и его друзей не мало насмешек и ругани. И что же? В брошюре Авербах утверждал: «Здесь

невольно напрашивается аналогия (мы приведем ее, несмотря на то, что не принадлежим к числу любителей пользоваться аналогиями)—с ленинской и меньшевистской тактикой по отношению к либералам в связи с борьбой за мелкую буржуазию» (стр. 18—19).

Нет, тов. Авербах, если вам, действительно, «абсолютно нечего менять в своей книжке»,—немедленно прекратите всякую борьбу с напостовским меньшинством ВАПП, ибо тогда нам не о чем спорить. Если же вы продолжаете эту борьбу, будьте последовательны и откажитесь от своей брошюры, полностью присоединившись ко взглядам Ионова.

* * *

Не будучи в состоянии отыскать противоречия между своей брошюрой и взглядами меньшинства ВАПП, Авербах пытается обвинить нас в каких-то добавочных грехах и перенести на нас некоторые обвинения, выдвинутые против него Ионовым. В своем ответе Ионову он пишет: «Никогда и нигде мы не предлагали нарочито разжигать классовую борьбу—в частности, по линии этого вопроса прошла линия нашего размежевания с группой Вардина—Лелевича. Но мы за классовую борьбу там, где она неизбежно будет происходить. Мы утверждаем, что процесс неслыханного приобщения масс ко всем областям «духовной» культуры, процесс культурной революции будет вести за собой острую классовую борьбу в области идеологии» (стр. 107). Позвольте! Как же «по линии этого вопроса» прошла линия нашего размежевания с группой Вардина—Лелевича? Во время спора в ВАПП'е мы говорили не о формах классовой борьбы в экономике, не о методах борьбы, к примеру, с растущей экономической мощью кулака, а только о классовой борьбе в идеологии. Если вы тоже признаете неизбежность обострения классовой борьбы в этой области, в чем же мы здесь расходимся? Нескладно, совсем нескладно! По существу же дело в том, что, выступая против нас, Авербах не может не притти к ионовской идее классового мира в идеологии, но стыдливость мешает ему в этом признаться.

В другом месте статьи Авербах заявляет: «Вопрос о политике по отношению к попутчикам был одной из главных причин раскола между напостовцами, между ВАПП'ом и группой Вардина—Родова—Лелевича—трех рыцарей печального образа без всякой армии» (стр. 112). Два слова о «трех рыцарях печального образа без всякой армии». Но слишком ли оптимистичен наш барометрийнейший оппонент? По крайней мере, весьма активный соратник Авербаха, А. Зонин, недавно должен был признаться: «Большинство ВАПП'а должно было выдержать большую борьбу. В Вардине и Лелевиче пролетарские писатели привыкли видеть вождей; за ними стоял актив второй по значению организации ВАПП'а—ленинградской ассоциации П. П.» («Жизнь искусства» № 16, стр. 5). А затем «одной из главных причин раскола между напостовцами» был не вопрос о политике по отношению к попутчикам, а вопрос о политике по отношению к буржуазной литературе.

«В январских тезисах Вардина,—цицеронствует Авербах,—была дана совершенно неправильная характеристика литературных попутчиков» (стр. 112). Прежде всего, это были не «тезисы Вардина», а единогласно принятая резолюция I Всесоюзной конференции пролетписателей. Затем, в чем же ошибка Вардина? Авербах поясняет: «Ошибка Вардина, между прочим, заключается в фактическом отказе от политики дифференциации попутчиков. Он рассматривает их всех как одну реакционную массу в то время, как Воронский их всех считает перлом создания. Методологически одна и та же ошибка!» (стр. 112).

Обратимся к подлинному тексту резолюции конференции, так неосторожно приведенному Авербахом в приложении к своей брошюре: «Попутчики не являются однородным целым. Среди них имеются элементы, которые по мере сил честно служат революции. Но преобладающим типом «попутчика» является писатель, который в литературе искажает революцию, зачастую клевещет на нее, который пропитан духом национализма, великодержавности, мистицизма. Поскольку этот преобладающий тип «попутчика» задавал тон в художественной литературе посленэповского периода, постольку с полным основанием можно сказать, что «попутническая» художественная литература—это в основе своей литература, направленная против пролетарской революции. С этим антиреволюционным элементом попутничества необходима самая решительная борьба. Что касается действительных литературных попутчиков революции, то их всемерное использование на литературном фронте является совершенно необходимым» (брошюра Авербаха, стр. 88). Можно говорить, что резолюция неправильно устанавливает количественное соотношение между подлинными и мнимыми попутчиками, хотя и это не совсем справедливо, ибо резолюция в этом месте говорит не о попутчиках вообще, а о тех «попутчиках», которые задавали тон в органах Воронского до напостовской борьбы. Но говорить, будто резолюция «фактически отказывается от дифференциации попутчиков»—значит забыть документ, приложенный к собственной книжке!

Выступив против основной напостовской группы, Авербах логически должен был открыто стать под знамя воинствующего эклектизма и отречься от своей брошюры, но он не решается это сделать. В результате—наш барометрийный «вождь» барахтается в бесчисленных и непреодолимых противоречиях.

Это, разумеется, не удовлетворяет открытых трубадуров воинствующего эклектизма. П. Ионов «ждет от тов. Авербаха и второго необходимого шага» («Большевик» № 4, стр. 48). Он призывает Авербаха и его друзей «полностью и целиком встать на общепартийные позиции не только в области общеполитической, но и в области литературных взглядов» (там же). Выше мы говорили, в какой мере П. Ионов и его соратники имеют право говорить от имени партии. Но, оставив в стороне эту фразеологию, нельзя не признать, что приглашения Ионова, адресованные к Авербаху, имеют под собою логическое основание.

Авербах мечется и задорно кукарекает, но целиком обойтись без покаяния уже не может. «Я считаю долгом отметить одну

мою тактическую ошибку. Я не учел того, что партия должна будет перенести удар налево. Не учел, правда, потому что и вся партия тогда не переносила удара налево. Моя дискуссия с т.т., делающими правые ошибки в вопросах художественной политики, об'ективно могла лить воду на мельницу становившихся более опасными левых уклонистов. И если бы т. Ионов так поставил вопрос, то я с ним согласился бы» (стр. 114). С каким, однако, скрипом совершает Авербах свой спуск на тормозах!

Только что извинился, и сейчас же опять храбрится: «Основной удар мы перенесли налево, но будем попрежнему отстаивать все наши позиции и против нападений справа» (там же). Попрежнему? Блажен, кто верует, тепло ему на свете! Но правильно замечает Чужак, что «куда без прежнего задора» полемизирует с Воронским наш «барометрийнейший» из нео-напостовцев». Да иначе и быть не может: нельзя бороться с капитулянтством и воинствующим эклектизмом, находясь в эклектическом болоте. Недаром же более откровенный и простодушный соратник Авербаха, А. Зонин, провозгласил: «По существу правых опасностей нет». Ваше мнение по этому поводу, тов. Авербах? Или правые опасности существуют постольку, поскольку жертвой атак справа являетесь вы?

* * *

Не берусь судить, какова будет дальнейшая эволюция Авербаха: вернется ли он к напостовству (на что нет никаких надежд), найдет ли в себе мужество отречься от своего напостовского прошлого и солидаризоваться с П. Ионовым или будет продолжать путаться в противоречиях, пугаясь выводов из собственных посылок. Судьбы пролетарского литературного движения в конце концов зависят не от барометрийных свойств тех или иных «руководителей». Несмотря на все зигзаги литературного развития, полностью сохраняют свою силу слова, сказанные Авербахом в предисловии к своей брошюре: «Перед пролетарской литературой еще большие бои, но она выйдет из них победительницей, ибо она неудержимо растет творчески, ибо партия и дальше поддержит ее, по-ленински разрешая все вопросы, которые встанут перед партией в деле руководства художественной литературой» (стр. 3). Этими словами бывшего напостовца я и позволю себе закончить эту статью.

«В январских тезисах Вардина,—цицеронствует Авербах,—была дана совершенно неправильная характеристика литературных попутчиков» (стр. 112). Прежде всего, это были не «тезисы Вардина», а единогласно принятая резолюция I Всесоюзной конференции пролетписателей. Затем, в чем же ошибка Вардина? Авербах поясняет: «Ошибка Вардина, между прочим, заключается в фактическом отказе от политики дифференциации попутчиков. Он рассматривает их всех как одну реакционную массу в то время, как Воронский их всех считает перлом создания. Методологически одна и та же ошибка!» (стр. 112).

Обратимся к подлинному тексту резолюции конференции, так неосторожно приведенному Авербахом в приложении к своей брошюре: «Попутчики не являются однородным целым. Среди них имеются элементы, которые по мере сил честно служат революции. Но преобладающим типом «попутчика» является писатель, который в литературе искажает революцию, зачастую клевещет на нее, который пропитан духом национализма, великодержавности, мистицизма. Поскольку этот преобладающий тип «попутчика» задавал тон в художественной литературе посленэповского периода, постольку с полным основанием можно сказать, что «попутническая» художественная литература—это в основе своей литература, направленная против пролетарской революции. С этим антиреволюционным элементом попутничества необходима самая решительная борьба. Что касается действительных литературных попутчиков революции, то их всемерное использование на литературном фронте является совершенно необходимым» (брошюра Авербаха, стр. 88). Можно говорить, что резолюция неправильно устанавливает количественное соотношение между подлинными и мнимыми попутчиками, хотя и это не совсем справедливо, ибо резолюция в этом месте говорит не о попутчиках вообще, а о тех «попутчиках», которые задавали тон в органах Воронского до напостовской борьбы. Но говорить, будто резолюция «фактически отказывается от дифференциации попутчиков»—значит забыть документ, приложенный к собственной книжке!

Выступив против основной напостовской группы, Авербах логически должен был открыто стать под знамя воинствующего эклектизма и отречься от своей брошюры, но он не решается это сделать. В результате—наш барометрийный «вождь» барахтается в бесчисленных и непреодолимых противоречиях.

Это, разумеется, не удовлетворяет открытых трубадуров воинствующего эклектизма. П. Попов «ждет от тов. Авербаха и второго необходимого шага» («Большевик» № 4, стр. 48). Он призывает Авербаха и его друзей «полностью и целиком встать на общепартийные позиции не только в области общеполитической, но и в области литературных взглядов» (там же). Выше мы говорили, в какой мере П. Попов и его соратники имеют право говорить от имени партии. Но, оставив в стороне эту фразеологию, нельзя не признать, что приглашения Попова, адресованные к Авербаху, имеют под собою логическое основание.

Авербах мечется и задорно кукурекает, но целиком обойтись без покаяния уже не может. «Я считаю долгом отметить одну

мою тактическую ошибку. Я не учел того, что партия должна будет перенести удар налево. Не учел, правда, потому что и вся партия тогда не переносила удара налево. Моя дискуссия с т.т., делающими правые ошибки в вопросах художественной политики, об'ективно могла лить воду на мельницу становившихся более опасными левых уклонистов. И если бы т. Попов так поставил вопрос, то я с ним согласился бы» (стр. 114). С каким, однако, скрипом совершает Авербах свой спуск на тормозах!

Только что извинился, и сейчас же опять храбрится: «Основной удар мы перенесли налево, но будем попрежнему отстаивать все наши позиции и против нападений справа» (там же). Попрежнему? Блажен, кто верует, топло ему на свете! Но правильно замечает Чужак, что «куда без прежнего задора» полемизирует с Воронским наш «барометрийнейший из нео-напостовцев». Да иначе и быть не может: нельзя бороться с капитулянтством и воинствующим эклектизмом, находясь в эклектическом болоте. Недаром же более откровенный и простодушный соратник Авербаха, А. Зонин, провозгласил: «По существу правых опасностей нет». Ваше мнение по этому поводу, тов. Авербах? Или правые опасности существуют постольку, поскольку жертвой атак справа являетесь вы?

* * *

Не берусь судить, какова будет дальнейшая эволюция Авербаха: вернется ли он к напостовству (на что нет никаких надежд), найдет ли в себе мужество отречься от своего напостовского прошлого и солидаризоваться с П. Поповым или будет продолжать путаться в противоречиях, пугаясь выводов из собственных посылок. Судьбы пролетарского литературного движения в конце концов зависят не от барометрийных свойств тех или иных «руководителей». Несмотря на все зигзаги литературного развития, полностью сохраняют свою силу слова, сказанные Авербахом в предисловии к своей брошюре: «Перед пролетарской литературой еще большие бои, но она выйдет из них победительницей, ибо она неудержимо растет творчески, ибо партия и дальше поддержит ее, по-ленински разрешая все вопросы, которые встанут перед партией в деле руководства художественной литературой» (стр. 3). Этими словами бывшего напостовца я и позволю себе закончить эту статью.

П. Ионов.

Еще раз о напостовской путанице и „большевиках в приложении к культуре“.

(*Ответ на два ответа*).

«Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Ленин.

Наша статья о пролетарской культуре явилась непосредственной причиной темпераментных полемических упражнений Авербаха и косвенным поводом к меланхолическим размышлениям со стороны его недавнего друга Лелевича.

— Враги... Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?

При этом развернувшаяся полемика лишний раз блестяще подтвердила старое, как мир, тактическое правило—если ты сидишь между двумя стульями, то это еще не значит, что ты сидишь на стуле. Авербах никак не может и не хочет понять, что он очутился именно в этой выигрышной позиции—надеемся, что статья Лелевича поможет ему, наконец, увидеть альтернативу там, где до сих пор нашему храброму оппоненту грезился «мир и в человецех благоволение».

1. Неудачный урок политграмоты или напрасно разбитые горшки.

Великолепный в своем воинствующем невежестве и преисполненный глубокого презрения к красным профессорам вообще и meinen Kleinigkeit в частности, Авербах соблаговолил дать нам урок политграмоты. «Культура не есть механическая смесь некоего количества элементов, — поучает нас Авербах, — а целостная, согласованная—кем?—классом согласованная система, в которую входят и общезначимые.... для всех культур элементы». «Но так ли резко разделимы эти две («духовная» и «материальная». *П. И.*) культуры?.. Они сливаются в одну культуру, которая не перестает быть целостной от того, что некоторые ее части перейдут и в систему другого класса».

Захлебнувшись от восторга, Авербах окончательно «кроет» своих противников развязной ссылкой на «старого» Каутского.

«Найдите важнейшее место в книге старого Каутского «Размножение и развитие в природе и в обществе», которое даст тов. Ионову урок марксистской грамоты: «Каждый класс разовьет свойственное ему миропонимание, которое определяется не только состоянием естественно-научных знаний его времени, но и—еще в большей степени — его положением в обществе. В этом смысле можно говорить о буржуазной и пролетарской науке. Существуют мудрецы, которые иронизируют по этому поводу и выдвигают абсурдность пролетарской химии или физики. Но вся их премудрость свидетельствует лишь об их ограниченности, с которой они часть науки принимают за всю науку, за совокупность проникнутой общим единством картины мира, в которой каждая часть находится в необходимой связи с другой. Отдельные части могут, конечно, быть одинаковы, как одинаковы отдельные кирпичи, из которых строится дом пролетария и княжеский дворец. Но общее построение в одном случае резко отличается от построения в другом, и как часть общей постройки один и тот же кирпич, из которого построен дом пролетария, выглядит совершенно иначе, чем кирпич, употребленный на постройку княжеского дворца».

Приведя эту выдержку и проплясав на радостях фокстрот, Авербах еще раз в противовес «эклектической путанице» Слепкова и Ионова формулирует свою точку зрения: «Буржуазная культура совершенно так же, как и наука—не куча кирпичей, а более или менее стройное здание».

Очень хорошо, тов. Авербах! Помните русскую пословицу: «Без промаха бьет ружье—с полки упало, семь горшков разбило»? Неблагодарная эта работа, а придется нам, видимо, склеивать ваши горшки!

Начнем со «старого» Каутского. Если бы Авербах перелистал еще несколько страниц цитируемой им книги, он бы, без сомнения, наткнулся на следующее место: «Не пролетариат создает новую эпоху в искусстве. Наоборот, она будет создана только с исчезновением пролетариата» [1]). Спешим оговориться—мы отнюдь не собираемся защищать этот тезис—приводя его мы просто хотим напомнить Авербаху, что в ссылках даже на прежнего Каутского нужно быть очень осторожным—не только переписывать, но и понимать то, что переписываешь. Авербах, повидимому, пренебрегает этим мудрым правилом, предпочитая, очевидно, жить по Маяковскому.

— Много ль человеку нужно?
Небольшие штаны,
Да кое-что из хлеба!

Увы! К сожалению, с одними «небольшими штанами» далеко не уедешь, что лишний раз и подтвердила авербаховская ссылка на «старого» Каутского.

Проследим внимательно ход каутскианских рассуждений.

Само собой разумеется, нелепо говорить о буржуазной механике и о пролетарской гистологии,—рассуждает Каутский, а за ним и Авербах. Но ведь это только часть науки. Наука же есть целостное мировоззрение, в котором отдельные науки, как отдельные кирпичи, сцементированы в единое стройное здание.

Но кто же будет отрицать разницу между буржуазным и пролетарским мировоззрением?! А посему—да здравствует и пр.!

---

[1]) Каутский, «Размножение и развитие в природе и обществе». ГИЗ 1921, стр. 109.

Однако, что же это такое?—спросим мы читателя—марксизм? Нет! Это не марксизм, а самая настоящая махистская путаница, уловившая на приманку формальной логики, приправленной авторитетом Каутского, нашего храброго «гимназиста на посту».

В самом деле, может ли быть в настоящее время буржуазное мировоззрение научным? Ни в коем случае! Есть лишь одно научное мировоззрение—это марксизм. Заявлять, что существует буржуазная и пролетарская наука в смысле двух равнозначных научных мировоззрений—значит подменять диалектику в лучшем случае «согласованным и гармонизированным опытом» богдановского релятивизма, отказавшись от единственного критерия истины—согласия мыслей о действительности с самой действительностью.

Ведь все дело в том и заключается, что мировоззрение современной буржуазии не примиримо с наукой, а потому эклектично в своем существе. Целостная, «согласованная» «духовная» культура буржуазии существует не в исторической реальности, а в путанной голове Авербаха, в своей теоретической невинности повторяющего махистские зады. В исторической же реальности «буржуазная» наука восстает против буржуазного способа мышления, против буржуазной философии, против буржуазного мировоззрения. Примером этого может служить хотя бы тот же «обезьяний процесс», на который ссылается «критически мыслящий» Авербах в целях нашего посрамления. «Обезьяний процесс»,—пишет Авербах,—демонстрирует настоящую уже необходимость анти-дарвиновской реакции для сохранения буржуазного господства». Если отбросить содержащееся здесь преувеличение, то остается здравая мысль—дарвинизм никак не может быть «согласован» с библией и адамовым ребром, услужливо подпирающим буржуазное государство.

«Правильность диалектического понимания,—писал Энгельс,—все более подтверждается накопляющимися фактами естествознания» [1].

«Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм» [2]. Какая же эта физика? Конечно, буржуазная! Всю свою работу об эмпирио-критицизме Владимир Ильич в сущности говоря и посвятил доказательству единственной тезы—современная «буржуазная» наука, «буржуазное» естествознание ни в каком разе не примиримо с поповщиной и фидеизмом буржуазного мировоззрения. Буржуазные естествоиспытатели являются стихийными материалистами-диалектиками, ибо весь «ход развития естествознания... отбрасывает прочь все системки и все ухищрения (идеалистов. *П. И.*), выдвигая снова и снова «метафизику» естественно-исторического материализма» [3].

Таким образом, вопреки Авербаху, если не может быть буржуазной гистологии, то не может быть и буржуазной науки вообще в смысле цельного научного мировоззрения, ибо «буржуазная» наука вовсе не входит в качестве согласованного «кирпичика» в буржуазное мировоззрение, а порывая идеалистическую шелуху последнего уже в рамках буржуазного общества, стихийно рождает диалектический материализм—этот стержень единственно-научного пролетарского мировоззрения. Написав эти строки, мы заранее представляем себе, как Авербах злорадно хватает XII том В. И. Ленина и лихорадочно выписывает следующее место:

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 375.
[2] Ленин, т. X, стр. 264.
[3] Там же, стр. 297.

«Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты»... вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство... Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства—такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала» [1].

И далее представляем себе, как, сделав эту выписку, Авербах начинает со свойственным ему искусством распинать нас на бумаге: смотрите вот он какой, Ионов! Толкует, что не может быть буржуазной науки, а Ленин пишет, что ожидать беспристрастной науки—глупенькая наивность, ибо наука классова и партийна! Ату его, этого красного профессора, «правого уклониста», нового «Богушевского» и пр. и пр.!

Мы в панике и ничтожестве. Авербах, ликуя, справляет тризну на костях павшего врага. Читатель укоризненно поглядывает на нас и неодобрительно качает головой: как же это ты так, братец, с марксизмом расстался?!? А?.. Нехорошо...

Заранее трепещем, но... Но все дело в том, что мы настолько перевоплотились в нашего беспристрастного оппонента, что в вышеприведенных словах В. И. Ленина «случайно» выпустили следующие чрезвычайно важные две строки, в которых Владимир Ильич поясняет, какую именно науку он имеет в виду: «ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе». Итак, оказывается дело обстоит не так просто, тов. Авербах! Оказывается, есть две буржуазных науки—«буржуазная» наука и буржуазная «наука». «Буржуазная» наука—это главным образом область т. наз. точных наук и естествознания, «замечательно подтверждающего» диалектический материализм Маркса вопреки (вы слышите, тов. Авербах—вопреки!?) учению буржуазных философов» [2].

Буржуазная же «наука»—это преимущественно буржуазное обществоведение и философия, ибо эти научные области никогда не будут доступны об'ективному анализу со стороны ученых индюков буржуазной профессуры, выдающих свое эклектическое кудахтанье за образцы внеклассовой научной мысли.

«Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя—такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология.

[1] Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 54.
[2] Там же, стр. 56.

В общем и целом, профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов» [1]).

Эта буржуазная «наука» по своим методам и по своему содержанию так же разительно отличается от «буржуазного» естествознания, как ньютонова механика от ньютоновских апокалиптических изысканий, в которых великий англичанин, как известно, с большим блеском доказывал, что одиннадцатый рог зверя в пророчестве Даниила предуказывает неминуемую гибель римского папы. И если эти две науки мирно ужились и уживаются рядышком в головах буржуазных ученых, «которые в пределах своей частной науки являются беспощадными материалистами, а вне ее — не только идеалистами, но даже благочестивыми, правоверными христианами» [2]), то отнюдь не благодаря их («наук») мнимой «согласованности», а «просто» в силу эклектичности буржуазной мысли вообще. Учение о «двойной истине» и откровенный дуализм по существу были и остались единственной гаванью спасения, к которой снова и снова причаливает буржуазный философ, крепко расквасив нос в безнадежной погоне за синей птицей монистического мировоззрения.

Но если все это верно, то тем самым падает каутскианская аргументация, выдвинутая против нас Авербахом, а вместе с ней и авербаховское понимание культуры. Мы потому так долго и задержались на разборе авербаховской «согласованной системы» буржуазного научного мировоззрения, что ошибка Авербаха здесь вполне аналогична авербаховской ошибке по вопросу о культуре вообще.

«Употребляющие термин «культура буржуазного общества»,— заявляет Авербах, становясь в позу общественного обвинителя,— замазывают классовую разорванность этого общества, отказываются от классового подхода к вопросам культуры, ставят знак равенства между господствующей классовой культурой и культурой всего общества, в котором идет классовая борьба—и по линии классовой культуры.

По отношению к социализму можно будет говорить о культуре соответствующего способа производства. Почему? Потому, что это будет бесклассовое общество равных людей. Там будет единая культура социалистического общества. А в приложении к любому обществу, разделенному на классы, нельзя говорить о всеоб'емлющей культуре данного общества, хотя господствующая классовая культура и накладывает свой отпечаток на жизнь всего общества».

Таким образом, Авербах ратует за понятие культуры, как единой и согласованной системы. У Слепкова и Попова эклектические кирпичи, а вот у меня—целостное здание,—хвастает гордый Авербах.

Однако, давно сказано: хвались, идучи с рати...

В самом деле, если нет «согласованной» «духовной» буржуазной культуры, то еще менее можно найти эту согласованность между «духовной» и «материальной» культурой буржуазного общества. И когда Авербах, задавая вопрос—«так ли резко разделимы эти две культуры?»—отвечает: Они сливаются в одну целостную буржуазную культуру—то он вдвойне ошибается.

[1]) Ленин, т. X, стр. 290.
[2]) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, Энгельс, «Диалектика природы», стр. 381.

Да, т. Авербах! Эти две культуры настолько «резко разделимы», что именно в силу противоречия между техническим базисом (точнее,—производительными силами) и производственными отношениями (а тем самым—и определяемой последними надстроечной системой) и происходят роды нового общества! Ведь, если бы была в буржуазной культуре эта ваша пресловутая «согласованность», то тогда Октябрьская революция являлась бы абсолютно необ'яснимым феноменом, а все ваши разговоры о новом революционном «контексте» не стоили бы ломаного гроша, ибо «новому контексту» неоткуда было бы появиться.

Толкуя об этом «новом контексте», Авербах никак не может понять той несложной истины, что технический базис капитализма, вопреки всяким попыткам «согласования», именно и «выпираст» из прочего культурного облачения и что только социалистическая революция приводит в соответствие «материальный костяк» капиталистического общества, — именно в данном его сочетании,—с производственными отношениями и всей многоэтажной культурной «надстройкой». Социалистическое общество лишь «просто» развивает далее производительные силы, «вызревшие в лоне старого общества», решая технические задачи, которые были поставлены еще капитализмом, не нашедшим, однако, в себе сил для их рационального решения.

Таким образом, гегелевский «хитрый» разум, повидимому, сыграл с нашим «гимназистом на посту» скверную шутку.

Покрывая одним понятием буржуазной классовой культуры такие вещи, как технику, взрывающую буржуазное общество и в своем данном сочетании образующую фундамент социализма, «буржуазную» науку, стихийно «рождающую диалектический материализм», шпенглеровские пророчества, американский электрический стул и чортиков г-на Мережковского с гладкими хвостами, как у английского дога, и утверждая, что все это представляет из себя единую целостную систему,— Авербах утверждает гармонию и мир там, где все поражено противоречием.

Отвергая нашу терминологию под флагом борьбы с «замазыванием классовой расколотости» и ратуя за определение буржуазной культуры, как целостной согласованной системы «духовных» и «материальных» элементов во имя «классового подхода к вопросам культуры», Авербах тем самым по существу становится на точку зрения апологии капитализма.

Вот что значит, т. Авербах, разбить горшки не подумав!

«Буржуазная культура есть не культура буржуазии, а культура капиталистического общества». И Попов и Слепков, выдвигая это чудовищное положение, повторяют лишь... Тера-Ваганяна! Зрелище для богов, одинаково радующее как Слепкова и Ваганяна по отдельности, так и зрителя сей комбинации».

Рановато, рановато, вы начали отплясывать фокстрот, т. Авербах! Во всяком случае боги, оглядываясь на полемическое болото, в котором вы столь храбро завязли, зрят пока довольно грустную картину.

— Там псо торчит лишь пара ног
И остов нежной Доротеи...

2. Бесплатный курс диалектики незадачливому учителю, или—куда выросла рогуля—туда и торчит.

На этом по вопросу о культуре можно было бы закончить. Однако, у Авербаха имеется против нас еще один аргумент. Повидимому, предчувствуя, что с цитатой из Каутского дело может обернуться и для Каутского и для Авербаха не совсем кругло, предусмотрительный критик на всякий случай нас добавочно «кроет» следующей выпиской из В. И. Ленина:

«В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплоатируемая масса; условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная), притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»... «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре» [1]).

«Занимательно будет посмотреть,—иронизирует наш жизнерадостный оппонент,—на всякого, кто попытается «комментировать» приведенные нами мысли Ленина».

Занимательно или незанимательно—это мы сейчас увидим. А вот нам, в свою очередь, очень «занимательно», почему это Авербах не попытался «комментировать» те строчки Владимира Ильича, которые мы приводили в нашей статье? «Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п. » [2]).

В виду не особенно блестящих перспектив на вразумительный ответ, попытаемся без помощи Авербаха разобраться в обоих мыслях Ильича. Только заранее предупреждаем—вряд ли наши «комментарии» покажутся Авербаху особенно «занимательными».

Как известно блестящий урок диалектического мышления Вл. Ильич дал в статье «Еще раз о профсоюзах». Представим себе, рассуждает Вл. Ильич, что где-нибудь в Китае, о котором я ничего не знаю, идут «споры между китайцем № 1, который говорит, что восстание есть продукт обостреннейшей и захватившей всю нацию классовой борьбы, и китайцем № 2, который говорит, что восстание есть искусство. Тезисы, подобно Бухарину, я могу написать ничего больше не зная: «С одной стороны... с другой стороны». Один недостаточно учел «момент» искусства, другой—«момент обострения» и т. д. Это будет мертвый и бессодержательный эклектизм, ибо нет конкретного изучения данного спора, данного вопроса, данного подхода к нему и т. д.» [3]). И вот теперь представим себе следующий гипотетический случай. Владимир Ильич, изучив данный конкретный спор в данной конкретной исторической обстановке, приходит к заключению, что прав китаец № 1, утверждающий, что восстание есть продукт классовой борьбы, ибо «гвоздь» данного спора не в том—нужно или нет технически

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 43—50.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 125.
[3]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 61.

готовить восстание, а в том, что в данных условиях требовать немедленного восстания—значит заниматься вспышкопускательством и быть «революционером до бесчувствия».

Предположим далее, что после этого спора прошло несколько лет. Историческая обстановка в Китае изменилась. Революция стучится в ворота—все дело только в том, чтобы ее не «прозевать». Пусть теперь китаец № 3, ссылкой на прежнюю статью Владимира Ильича начинает утверждать, что восстание есть продукт классовой борьбы против китайских революционеров, требующих немедленной технической подготовки и организации восстания. Что бы обнаружил тем самым «умный» китаец № 3? Теоретически—полное непонимание ленинской диалектики, в которой суть ленинизма, практически—предательство интересов китайской революции, «хвостизм», отказ от «гегемонии» и т. д.

Читатель наверное уже заметил, что как раз ошибку нашего гипотетического китайца № 3 и делает Авербах, ссылаясь против нас на работу Владимира Ильича, вырвав ее из исторического контекста и даже не пытаясь поставить вопрос о необходимости конкретного изучения условий тогдашнего спора тов. Ленина с Юркевичами и Либманами.

В той же самой статье «Критические заметки по национальному вопросу», несколько строк которой нам напомнил услужливый Авербах, мы читаем.

«Ставя лозунг интернациональной культуры, демократизма и всемирного рабочего движения, мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» [1]).

Итак, как видит читатель, Владимир Ильич берет здесь элементы социалистической культуры, как безусловно противоположные буржуазной культуре, отравляющей сознание рабочего класса и расслабляющей его революционную волю.

«Чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру». «Задача... соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой» [2]).

В этих цитатах, наоборот, Владимир Ильич трактует овладение именно буржуазной культурой, как необходимое условие окончательной победы пролетарской революции и социализма. Нетрудно видеть, что этот, на первый взгляд абсолютно противоречивый характер ленинских мыслей об'ясняется тем, что Владимир Ильич, в зависимости от конкретных условий спора, вкладывал в понятие культуры в обоих случаях различное содержание. «Мы видим,—заранее ликует Авербах,—как П. Попов вопиет о неслыханной терминологической путанице у Ленина. Приносим наше соболезнование».

Успокойтесь, тов. Авербах! Примите валерьянку и поставьте горчичник на расходившееся творческое воображение! У Ленина никакой терминологической путаницы не было и нет, а вот у вас она была и осталась—в этом нетрудно убедиться,

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 43.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 75—76.

просмотрев хотя бы несколько страниц вашей печально-знаменитой брошюры.

В самом деле—когда говорят о терминологической путанице? Очевидно тогда, когда человек употребляет одно и то же понятие в различных смыслах, не оговаривая этого, а потому путая и себя и своих читателей. Но что мы видим в вышеприведенных цитатах Владимира Ильича?

Две последних выдержки нами взяты из речей Ленина, произнесенных им уже после Октябрьской революции. Размах последней был настолько силен, а ненависть к старому миру была так велика, что большая опасность угрожала диктатуре пролетариата именно в силу пренебрежительного отношения к «разным там Толстым и Рафаэлям» и возведения родного таракана в высший и последний принцип пролетарской культуры. Красноармеец, свертывающий цыгарки из Пушкина, и баба, разжигающая печку физикой Хвольсона,—все это не случайные факты, и притом выраставшие не только, или верней—не столько на основе великой нищеты, сколько благодаря ужасающей нашей дикости и некультурности.

На пролетариате те же настроения отражались хотя бы в форме хвастливой и вредной самоуверенности—сами, мол, свое дело на попа поставим! Гони их в шею, инженеров и техников, буржуазных прихвостней!

Теоретическим рефлексом этих настроений были: почти безраздельно царившая богдановщина, с одной стороны, и левый коммунизм—с другой. Вот почему Владимир Ильич в этих условиях неустанно твердил о необходимости овладения буржуазной культурой, при чем он прямо указывал, как в одной из вышеприведенных цитат, что он подразумевает под буржуазной культурой—именно: науку и технику. Ибо вопрос теперь стоял уже не о том, что разрушать, а о том, что взять и из чего строить. А строить можно и должно было только из буржуазных кирпичей и притом руками буржуазных специалистов. «Если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны» [1]).

Совершенно в иной обстановке писались «Критические заметки по национальному вопросу». Написанные за несколько месяцев до войны, т.-е. в эпоху бешеного разгула шовинизма и оппортунизма, «Критические заметки» были направлены против оппортунистического лозунга «национальной культуры», которым «прикрываются» буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция». «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман» [2]). Ибо, пользуясь этим лозунгом, реакционеры всех стран разжигали шовинизм и, противопоставляя нацию нации, пытались притупить классовые противоречия внутри наций.

Само собой разумеется, в конкретных условиях этой борьбы всякие толки о необходимости соединения пролетарской революции с буржуазной культурой об'ективно были бы предательством и изменой делу рабочего класса, сыграв в руку черносотенной шайке.

Дело не в том, что у пролетариата и буржуазии данной нации общий язык, говорил Ленин. Вряд ли найдется такой мар-

1) Ленин, т. XVI, стр. 72.
2) Ленин, т. XIX, стр. 42—43.

ксист, который бы протестовал против «полемики» пролетариата с «родной» буржуазией на «родном» языке. Когда вы кричите о национальной культуре, имея в виду такие вещи, как национальный язык, то вы этими бесспорными истинами загораживаете то, откуда, собственно, и начинается вопрос, а именно—вопрос о необходимости борьбы пролетариата в союзе с международным пролетариатом, против «родной» и интернациональной буржуазии.

«Национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии» [1]). И Ленин прямо говорит, что он имеет в виду, говоря о национальной культуре. «Национальная культура» в обычном смысле этого слова, т.-е. школы и т. д. находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов во всех странах мира» [2]).

Таким образом, в той выдержке, которой нас хотел «покрыть» Авербах, Ленин употребляет термин «культура» отнюдь не в смысле единства «культуры духовной» и «культуры материальной» и даже не в смысле «духовной культуры» вообще—понятие культуры для него здесь равнозначно понятию буржуазной идеологии в узком смысле этого слова, т.-е. идеологии, связанной непосредственно с задачами укрепления классового господства.

«Есть две национальных культуры в каждой национальной культуре». Совершенно верно! И если «умный» Авербах воображает, что ссылкой на эти слова Владимира Ильича он в какой-либо мере способен поколебать наше понимание культуры, то он обнаруживает тем самым лишь свое воинствующее невежество, самодовольно плавающее в родимом корыте и нанизывающее цитаты, как шашлык на вертел.

3. Мы—про Тараса, а нам—полтораста.

Еще больший конфуз получился у Авербаха, когда он перешел к вопросу о несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской литературы.

О чем писали мы в нашей статье? Мы возражали против авербаховско-вардиновской «логики», как по существу, так и с точки зрения методологической, а именно—доказывали, что Авербах и Вардин, выводя из марксовой тезы—господствующие идеи эпохи есть идеи господствующего класса—свое положение о несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской литературы,—рассуждают не диалектически, а метафизически, подменяя диалектику мертвой силлогистикой.

Что нам возразил на это Авербах? Абсолютно ничего! Заявив, что «и здесь статья Ионова вызывает глубочайшее недоумение», Авербах предпочел... развести руками, блестяще доказав всеми своими дальнейшими рассуждениями, что его «глубочайшее недоумение» является довольно прозрачным псевдонимом глубочайшего и безнадежнейшего непонимания самых простых вещей.

«Мы не знали до сих пор,—пишет Авербах,—что в тезисах, претендующих на определение партийной литературной линии не должно быть места большевистским аксиомам... Что здесь шельмуются именно аксиомы доказывают эпитеты, употреблявшиеся Сленковым для характеристики этой

1) Ленин, т. XIX, стр. 54
2) Там же.

аксиомы: «вредное фразерство», мертвые, постные, нежизненные «афоризмы» вроде «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии». Предлагаем т.т. между собой сговориться, что это—большевистская аксиома или мертвый, постный и нежизненный афоризм! Нет, это такая аксиома, которая ни в коей мере не носит теоретически-абстрактного характера. Это прямая директива нам».

Итак, глубокомысленный Авербах нашел противоречие в том, что мы, с одной стороны, согласились с квалификацией напостовских «аксиом», как «мертвых афоризмов», а с другой—вместе с Авербахом признали, что эти аксиомы—большевистские аксиомы.

«Предлагаем т.т. между собой сговориться!..». И никак невдомек догадливому Авербаху, что сговариваться «товарищам» не о чем, так как они утверждают одно и то же. Мы очень извиняемся перед читателем, но мы принуждены еще раз попытаться втолковать нашему критику, что если твердить большевистскую «аксиому», подобно ученому скворцу, то большевистская аксиома (увы!) из живой практической директивы превращается в «мертвый афоризм».

«Надо уметь приспособлять схемы к жизни»,—беспрестанно твердил Ильич. «Теория, друг мой, сера, но вечно зелено дерево жизни» [1]. Споря в 1907 году с меньшевиками, которые подобно Авербаху умели только бессмысленно твердить зазубренные формулы, Ильич писал: «Революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреоборимо («большевистская аксиома», т. Авербах!)... Но его надо уметь применять» [2],—и далее следует как раз цитированное в нашей статье место относительно подмены диалектики формальной логикой и превращения марксизма в пошлую догму («мертвый афоризм», т. Авербах!).

Поняли, наконец, тов. Авербах?! Или же вам вечно суждено, читая, удивляться, как это из букв получаются слова—и все разные?!

«Напостовцы выдвигают следующий потрясающий аргумент. Разве господство пролетариата совместимо с антидарвинской реакцией? Отсюда неизбежен логический вывод—дарвинизм есть не что иное, как «пролетарская идеология». Поздравляем Авербаха и иже с ним, с головокружительным открытием». Приведя эту выдержку из нашей статьи, Авербах пишет:

«Однако, иронические приветствия Ионова нисколько нас не смутили» (напрасно не смутили, т. Авербах! Если вы говорите—не смутили—это еще не значит, что вы нам ответили!)

«Зададим вопрос: а что же совместимо господство пролетариата с антидарвинской реакцией? Хотели бы мы посмотреть на такого Ионова, который даст положительный ответ!»

Но, во-первых, тов. Авербах, спор ведь у нас с вами шел не о том, совместима или нет диктатура пролетариата с *реакционным движением* в области идеологии, а о том,—совместимо ли господство пролетариата с непролетарской идеологией! А это две различные вещи! Во-вторых, даже если бы мы согласились с тем, что пролетарская диктатура не совместима с антидарвинизмом, то это еще совсем не означало бы, что Авер-

[1] Ленин, т. XIV, стр. 30.
[2] Ленин, т. III, стр. 10.

бах может сделать отсюда какие-либо выводы относительно искусства. Ибо действовать таким образом—значит строить пустые силлогизмы. И наконец, в-третьих, к сведению т. Авербаха—у нас в Москве имеются видные коммунисты, совмещающие свой марксизм с эволюцией от дарвинизма к... идеализму Берга!

Мы не знаем, что нам будет отвечать т. Авербах. По всей вероятности, он снова прибегнет к своему испытанному полемическому приему—выразит «глубокое недоумение» и... «разведет руками»!

В одном из романов англичанина Хетчинсона некий мистер Флетчер, садовник, страдая сплином, имел обыкновение нырять туловищем в кусты, так что зрители созерцали лишь одно его сиденье, зловеще обращенное к небу.

Тов. Авербах! Не уподобляйтесь мистеру Флетчеру! Не прячьтесь в кусты и не поворачивайтесь к проблемам индифферентной частью вашего поэтического организма!

(Окончание следует).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО». Ежемесячный политико-экономический журнал № 1 и 2, 1926 г. Изд. Госплана СССР. Стр. 432 и 435.

За год своего существования журнал «Плановое Хозяйство» по праву занял первое место среди наших периодических экономических изданий. Как совершенно правильно отмечается в заметке от редакции: «Журнал не просто отражал текущую социально-экономическую жизнь страны, но ставил вопросы, возникавшие в процессе хозяйственного строительства, и давал им освещение, направление и разрешение с общеплановой, народно-хозяйственной точки зрения, с точки зрения задач строительства социализма, ориентируя, таким образом, читателя и специфически вооружая его для текущей работы».

В сложной обстановке переходного периода,—борьбы пяти экономических укладов, борьба за социализм в значительной мере есть борьба за плановое хозяйство. В этой области неверие и скептицизм не только в реальную возможность, но и необходимость планового строительства, есть не что иное, как неверие в возможность социалистического строительства вообще, неверие в конечную победу социализма. И здесь, в этой борьбе за плановое строительство журнал стоит на непримиримых позициях ортодоксального большевизма, ведя «борьбу, не всегда заметную для «постороннего» глаза, не всегда развернутую полным фронтом и доведенную до надлежащих по прозрачности формулировок, но всегда напряженную, ибо мы имеем и будем еще, конечно, иметь дело с противоборствующими явлениями не случайного порядка, с явлениями, уходящими своими корнями во все прошлое досоциалистической экономики».

Первый номер за 1926 г. открывается статьей тов. Кржижановского—«К идеологии социалистического строительства». К сожалению, эта чрезвычайно интересная статья не закончена не только в первом, но и втором номерах журнала и ждет своего продолжения в третьем.

«Госкапитализм или социализм»?—пишет тов. Кржижановский,—это поистине вопрос вопросов, который и в прошлом, и в настоящем, и в ближайшем будущем должен явиться особенно законной целевой установкой целого ряда научных работ. Цель настоящей заметки—анализ основных моментов нашего хозяйственного строительства именно с этой точки зрения; сопоставление главнейших данных «за» и «против», могущих быть подытоженными в результате поучительных сдвигов и экономике в наши послереволюционные годы».

Какие доводы приводила «новая оппозиция» в своем обосновании системы нашего хозяйства? Наличие товарооборота и рынка, наличие капиталистической категориальной видимости в государственном секторе нашего хозяйства, внешне-капиталистических форм их проявления. «Новая оппозиция» не видела, не хотела видеть коренным образом отличных от капиталистических общественных отношений новых общественных отношений, лишь скрывающихся под обветшавшей, изношенной одеждой капиталистических категорий. И приняв «внешность» за «сущность», новая оппозиция пришла к глубоко-ошибочной «госкапиталистической» теории нашей хозяйственной системы, к теории перманентного отступления.

«Переход к свободе товарооборота и к более или менее чисто выраженной денежной системе для нас по целому ряду причин лишь в известном смысле является тактическим отступлением»,—пишет т. Кржижановский,—но «эти отступления мы проделываем прежде всего не в области производства, а распределения». А в этом суть. И ссылаясь на «Критику Готской программы», где Маркс характеризует как вульгарный социализм, наследующий в этом вопросе буржуазной экономии, попытку «рассматривать распределение, как нечто независимое от способа производства», тов. Кржижановский продолжает:

«Что сказал бы Маркс лицам, утверждающим, что поскольку в современной стране Советов все последовательнее и последовательнее развертывается власть денег, базирующаяся на денежно-товарном обороте вещественных благ, постольку же мы имеем здесь налицо явное преобладание капиталистических элементов над элементами социалистическими? — Он сказал бы, что такое понимание явным образом свидетельствует о вульгарной трактовке социалистической проблемы».

С этой точки зрения чрезвычайно интересны воспоминания тов. Кржижановского о беседе с Владимиром Ильичем на тему о «решающих командных высотах нашей экономики». «Когда намечалось сопоставить рядом с этими двумя командными высотами, т.-е. национализацией земли и национализацией промышленности, монополию внешней торговли, он присоединился к этому мнению не без некоторого колебания». И то «лишь тогда, когда для него выяснилось, что наша специфическая хозяйственно-политическая установка, со всех сторон сжимаемая вражеским кольцом, является наиболее эффективно вооруженной методом монополии внешней торговли».

Чрезвычайно интересны, данные тов. Кржижановского в главе «Новое в старом» о своеобразных ножницах между продукцией возможной и фактической, иллюстрируемые на примере Соед. Штатов. «Максимальная продукция промышленности в Соед. Шт. в 1921 г. могла бы быть доведена по своей стоимости до 74 мрд. долларов, а фактическая выработка была 42 мрд. долларов, т.-е. всего 57% максимума». «В настоящее время фактическая продукция С. Ш. составляет 75% максимальной». «Если представить на минуту,—продолжает дальше т. Кржижановский,—что в среднем уровень промышленной культуры поднялся до американского уровня, то окажется, что для выработки всей мировой продукции было бы достаточно при этом промышленном уровне использовать всего 15% трудовых рессурсов. Другими словами, сокращение рабочего дня с 10 ч. на 2 часа соответствовало бы, при равномерной «американизации» мира, не только получению той же суммы материальных благ, но и со значительными добавочными резервами».

Загнивание капитализма с его невозможностью использовать наличные производственные рессурсы, тупик, в который зашла техника в капиталистическом хозяйстве с несомненностью свидетельствует о такой степени противоречий между ростом производительных сил и производственных отношений, которая неминуемо должна взорвать на воздух всю капиталистическую систему.

Несомненный интерес представляет идущая в этом же первом номере статья тов. Струмилина—«На плановом фронте».

Статья тов. Струмилина является, по сути дела, ответом противникам планового хозяйства и в первую голову тов. Сокольникову. Точка зрения т. Сокольникова в области развертывания народного хозяйства хорошо известна. Это—«максимальное форсирование сельского хозяйства», отнюдь не страшась «той диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, на которую, жалуются сейчас», ибо «предпосылкой

развития нашей промышленности является именно возможность иметь такие излишки с.-х. продукции в стране, которые могли бы быть направлены на внешний рынок».

Отсюда тов. Сокольников логически и приходит к отрицанию «Госплана» и утверждению своеобразного «Крестплана». «Огромное количество элементов находится вне нашей плановой воли»,—замечает далее тов. Сокольников...—и так как мы «имеем такой порядок, где, с одной стороны, есть целый ряд мельчайших стихийных планов и рыночных конъюнктур, с другой стороны—наши планы, то это как раз и является само по себе объективной подготовкой для целого ряда кризисов». И вот для избежания этих кризисов тов. Сокольников предлагает приспособиться нашему государственному хозяйству, социалистическим элементам нашего хозяйства к стихии 22 миллионов крестьянских планов.

Взятая сама по себе эта формула обозначает не больше не меньше, как отказ от руководящей роли promышленности, признание невозможности планового социалистического строительства.

Но соглашаясь с критикой тов. Струмилина в этом вопросе теории тов. Сокольникова, мы, однако, никак не можем согласиться с конечными выводами тов. Струмилина с его формулировкой отношений в хозяйстве между нашей госпромышленностью и сельским хозяйством, между «Госпланом» и «Крестпланом». Если тов. Сокольников допускает одну ошибку, впадает в одну крайность, правда, несомненно, более опасную для дела строительства социализма, то тов. Струмилин впадает в крайность прямо-противоположную. «Нет,—пишет тов. Струмилин,—не приспособляться к ней (рыночной обстановке. *К. Р.*), а сознательно приспособлять ее самое к нашим плановым устремлениям, вот единственно надежный путь к наиболее безболезненному и бескризисному развертыванию нашего социалистического хозяйства».

Это положение тов. Струмилина, едва ли может быть принято как руководство к практическому действию. Недооценке значения, смысла и возможностей планирования нашего хозяйства со стороны тов. Сокольникова, здесь противопоставляется его переоценка, с явным недоучетом рыночной стихии и рыночной обстановки и их места в нашей экономической системе. Гибкой диалектической формуле «приспособляясь — приспособлять» здесь противопоставляется метафизические «или—или»: или приспособляться, или приспособлять, исключая наперед возможность единственно правильного третьего решения.

Не игнорировать «крестьянских планов», насильственно приспособляя их к нашим планам, а на учете, возможно более точном, возможно более близком к действительности, к реальной жизни этих планов, строить свои планы, планы развертывания госпромышленности, используя все наличные в руках госпромышленности и государства возможности, для направления крестьянского хозяйства по желательному для нас пути.

Приспособлять, не приспособляясь—это ходить по косогору с большим риском стоптать сапоги нашей госпромышленности, нашего госхозяйства.

И совершенно напрасно тов. Струмилин ищет поддержки своей точки зрения в постановлениях руководящих органов нашей партии, в речах и выступлениях наших авторитетнейших товарищей. «Эта линия (линия партии. *К. Р.*) требует максимального развертывания нашей промышленности,—приводит т. Струмилин слова т. Сталина,—в меру их соответствия тем рессурсам, которые у нас есть» [1]). (Курсив наш. *К. Р.*). Совершенно напрасно тов. Струмилин не привел тех мест

[1]) Из речи т. Сталина на XIV съезде.

из речи тов. Сталина, в которых поясняется та «мера» и то «соответствие», которые должны соблюдаться нашим хозяйством и нашей промышленностью. «Мы должны строить наше хозяйство так,—говорит тов. Сталин,— чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны». И дальше: «В области промышленности очень многое зависит не только от нашего хозяйствования, но и от внутреннего рынка, которым мы еще не овладели» (курсив наш. *К. Р.*).

Приспособляться не приспособляя, как предлагает тов. Сокольников, это значит плестись в хвосте креестьянской экономики, итти на поводу у мужика, заранее отрезать путь к социалистическому строительству в нашей стране. Этот путь неверный, не наш и партия его осудила.

Приспособлять не приспособляясь,—положение выставляемое т. Струмилиным,—это значит сделать попытку «оседлать» мужика без гарантии, что мужик не скинет незадачливого седока, это значит строить без оглядки на сельское хозяйство нашу промышленность, без учета того «внутреннего рынка, которым мы еще не овладели».

Этот путь также неверен, этот путь грозит смычке города с деревней, индустрии—с сельским хозяйством, и партия не пойдет ни по первому, ни по второму из предлагаемых путей.

В значительной степени отвечает на этот вопрос о взаимоотношении плана и рыночной стихии статья тов. Смилги—«Наши хозяйственные затруднения»—во втором номере журнала. «Характер взаимодействия государственного хозяйства с хозяйством в целом на базе рынка,—пишет он,— особенности, связанные с восстановительным процессом, разработка черновых основ предстоящей реконструкции хозяйства,—все это крайне важные, но и очень трудные вопросы. В этой работе мы встречаемся с целым рядом опасностей. С одной стороны, недооценка объективных тенденций нашего хозяйственного развития приводит к трактовке хозяйственного плана, как усмотрения и произвола, и приводит к переоценке плановых возможностей государства. С другой стороны, отсутствие перспективы и целей ведет к преклонению перед стихией и к оппортунизму в практической политике» (курсив наш. *К. Р.*).

Вот этим-то, именно «преклонением перед стихией» и страдает т. Сокольников в противоположность тов. Струмилину, зараженному «переоценкой плановых возможностей».

Оценивая наши хозяйственные затруднения, тов. Смилга после некоторого предварительного анализа пишет: «Один из существенных выводов, которые мы можем сделать даже после этого беглого анализа— это вывод о наличии серьезной диспропорции между городом и деревней, в пользу последней». И только «длительная последовательная политика индустриализации страны является единственным методом лечения этой болезни». «Под индустриализацией мы понимаем,—пишет дальше т. Смилга,— такую эволюцию хозяйства Советского Союза, которая вела бы из года в год к увеличению относительной роли материальных ценностей промышленного значения и валовой продукции страны».

«Что касается нашей политики в области дальнейшего развития сельского хозяйства,—продолжает тов. Смилга,—то она мне рисуется на ближайшее будущее в следующих очертаниях. Я утверждаю, что центр

тяжести здесь—политика цен. Мы уже свыше двух лет ведем политику, вполне удовлетворяющую крестьян. Успех этой политики налицо. Очевидно, возможности государства в смысле бюджетных ассигнований на нужды сельского хозяйства не могут быть очень значительными. Придется ограничиться поддержкой производств отечественного сырья, ряда мероприятий, способствующих экспорту с.-х. продуктов, с.-х. кредита и др. совершенно неотложных нужд. Центр же проблемы, как уже сказано было выше, лежит в политике цен».

Такой план развертывания нашего народного хозяйства, нам представляется совершенно правильным. На основе разворачивающегося и развивающегося сельского хозяйства, «последовательная политика индустриализации страны», при сохранении смычки города и деревни, сельского хозяйства и индустрии— вот тот генеральный путь развития, по которому пойдет народное хозяйство в целом.

Разрешению вопроса наших хозяйственных затруднений посвящена в этом же номере и статья т. Репше—«Наши экономические проблемы», оговоренная редакцией как «сугубо дискуссионная».

Нельзя не признать, что эта статья представляет некоторый интерес не столько по существу изложения, сколько с точки зрения того, как не надо, как не следует, разрешать проблему наших хозяйственных затруднений. Как известно, внешнее проявление наших хозяйственных затруднений выразилось в бестоварье, в товарном голоде, который захватил не только деревню, но и в значительной степени город.

Где причина этого товарного голода? Тов. Репше дает такой ответ: «Думается, что дерзким парадоксом будет звучать утверждение, что бестоварье создано и все еще создается у нас искусственно, что оно создано нашей политикой цен, которая направлена, при прочих равных условиях не к восстановлению, а к перманентному нарушению равновесия между спросом и предложением на промтовары, к его всемерному углублению».

«Причины товарного голода лежат у нас не столько в неустранимых противоречиях экономической действительности, сколько в плоскости неправильной, с точки зрения данного отрезка развития, идеологической установки и вытекающих отсюда неверных организационных мероприятий».

Надо признаться, что если такого рода «искусственно» - «идеологическое» об'яснение товарного голода и не совсем умно, то во всяком случае не лишено некоторой оригинальности. Мы до сих пор полагали, что товарный голод и его ближайшая причина—несоответствие платежеспособного спроса промышленному предложению—имеют корни в экономике, а не в «неправильной идеологической установке». И диспропорцию мы выводили из несоответствия ценностного выражения товарной части продукции сельского хозяйства товарной части продукции города? Соответственно мы строили и нашу программу, намечали путь дальнейшего экономического развития: последовательную индустриализацию страны, подтягивание нашей промышленности до уровня удовлетворения платежеспособного спроса со стороны населения и в частности крестьянства.

Какими же методами производить это подтягивание промышленности? У хитроумного Репше и на это есть ответ.

«Необходимо усвоить ту простую истину, что в хозяйствах, построенных на производстве товаров и их продаже на рынке, в каждый данный момент должно существовать равновесие между стоимостью предложения и платежеспособностью спроса на промышленные товары». И тов. Репше заключает: «Единственным методом утоления голода может быть повышение стоимости промышленной товарной массы».

Мысль тов. Репше ясна. Если ценностная масса товарной продукции деревни и города относятся, предположим как 2 к 1, то диспропорция, товарный голод будут изжиты, если мы, пользуясь своим монопольным положением на рынке, повысим цену на промышленные товары в два раза выше их действительной стоимости. Этим тов. Репше думает убить сразу нескольких зайцев: и товарный голод ликвидировать, и в промышленность необходимые средства перекачать. Вся беда только в том, что решал т. Репше без мужика. Ну, а что будет т. Репше, если мужик не захочет платить 60 пудов хлеба за пару сапог? Или вы полагаете, что этот вид экономической политики лучшее средство обеспечить смычку, союз, добрососедские, отношения с деревней?

Второе откровение тов. Репше идет по линии безусловного отказа от попытки принудительного планирования и признания хозрасчетного принципа, как альфы и омеги нашей экономической политики в отношении государственной промышленности.

«Мы вступаем в фазу, когда необходимо полностью развернуть проблему перехода от административного к экономическому планированию». «Необходимо, чтобы властное требование хозяйственной системы в целом преломлялось в хозрасчете отдельного предприятия. Необходимо, чтобы интересы народного хозяйства удовлетворялись сами собой, соблюдением интересов конкретной хозяйственной организации». «План должен быть обязательным в том смысле, что его невыполнение влечет за собой удар по коммерческому расчету предприятий». И, наконец, «мы продолжаем говорить об «абсолютно-жестком плане, о сочетании принудительности и хозрасчета. Это—соединение несоединимого, примирение непримиримого».

Стоит ли здесь говорить о решениях наших руководящих партийных органов по вопросу о необходимости планирования «гораздо более жесткого, чем до настоящего времени»? (Резолюция пленума ЦК от 6—9 апреля 1926 г.). Тов. Репше, очевидно, принадлежит к числу тех «критически мыслящих индивидов», безответственность выступлений которых дает им право высказывать самые, как скромно замечает о себе сам т. Репше, «дерзкие парадоксы» и поражать «оригинальностью» суждений.

В своей борьбе против того, что «мы» изготовляем и преподносим извне нашим коммерческим организациям принудительный план сбыта, пронизанный чуждыми для данной организации интересами», тов. Репше окончательно распоясывается в вопросе: «Взаимоотношения промышленности и кооперации».

Здесь начинается откровение № 3.

«Промышленные организации на коммерческой базе; методы подстегивания в форме премий, тантьем, толкающих руководителей к прибыльности своих предприятий; наибольшее проявление этих экономических сил в низовых промышленных ячейках, явственнее всего ощущающих (!) дыхание (!) рынка; наконец, вытекающая отсюда необходимость предоставления им свободы выбора своей клиентуры, свободы заключения тех сделок, которые данная хозяйственная организация считает для себя выгодными».

Вы чувствуете, читатель, это освежающее «дыхание рынка»? Послушайте дальше. Дальше дыхание рыночного букета делается буквально опьяняющим, дурманящим головы «хозрасчетных» радетелей нашей госпромышленности.

«Привилегировать кооперацию нельзя. Нельзя привилегировать ее через посредство своего непосредственного контрагента, при наличии для

последнего (промпредприятия) более выгодных контрагентов. Нельзя протежировать одну конкретную хозорганизацию за счет другой, стоящей на той же линии хозяйственного фронта, что и первая. Этого делать нельзя потому, что хозяйственная организация, поставленная на началах самоокупаемости, не может заниматься благотворительностью, а вынуждена бороться за свое существование путем выбора наиболее выгодных для нее сделок, путем отбора наиболее благоприятных контрагентов». Здесь «область холодных отношений чистогана. Элементам морали» здесь «не должно быть места».

Общая концепция тов. Репше ясна до очевидности. Повысить цены на продукты промышленности до полного удовлетворения платежеспособного спроса; затем отказаться от «абсолютно-жесткого» плана и сочетания принудительности и хозрасчета; и, наконец, об'явить, что в области денежных расчетов не до морали—«не до жиру, быть бы живу», что здесь основной закон: «гони монету», и потому привилегированное положение кооперации перед частным торговым капиталом—«наша основная ошибка».

Конечно, мы и в самой незначительной доле не затронули всего материала рецензируемых двух номеров журнала. Интересны статьи В. А. Базарова «О методах исчисления производительности труда» и С. П. Боброва «Проблема экономического барометра» в № 1 журнала и «Пересмотр контрольных цифр народного хозяйства на 1925—26 г.» и статьи Л. Шанина—«Экономические проблемы валютного паритета», О. Куперман—«Динамика обобществленной и необобществленной промышленности СССР в 1923—26 г.г.», во 2 номере журнала; интересен в обоих номерах журнала отдел «За советским рубежом». Прекрасно поставлен отдел «Критики и библиографии». Много ценного фактического материала содержит и заключительный IV отдел «Статистика».

К. Розенталь.

МОТЫЛЕВ, В. Е.—Курс политической экономии. Том первый. Госиздат, 1925 г. Москва—Ленинград, стр. 352, ц. 2 р., тираж 20.000.

ЕГО ЖЕ. Краткий курс политической экономии. Вып. 1. Госиздат, 1926 г., М.—Л., стр. 100, ц. 60 к., т. 10.000.

Перед нами—два учебника В. Е. Мотылева: один полный и другой краткий курс политической экономии, выпущенные недавно Госиздатом. По собственному заявлению автора, они вносят нечто новое, «необычное» в построение курса политической экономии. «Необычное» этих курсов заключается прежде всего в том, что автор дает огромный конкретный материал, конкретизирует политическую экономию. Такое построение «необходимо,—говорит В. Е. Мотылев,—чтобы теория (политической экономии. *Д. Н.*)... не оставалась в сознании учащегося суммой абстрактных догматических законов, не связанных с конкретными явлениями» («Крат. курс», стр. 93). Едва ли можно что либо возразить против такого полезного начинания. Но конкретизация политической экономии будет достоинством курса только в том случае, если при этом не пострадает сама теория. Конкретное вводится для того, чтобы лучше уяснить, усвоить теорию и, с другой стороны, теоретически осмыслить конкретное. Надо уметь синтезировать конкретное с теоретическим. К сожалению, вот этого-то условия совершенно не выполнил В. Е. Мотылев. Увлечение «конкретизацией» отразилось на теоретической части курса самым нехорошим образом. Теоретические формулировки большей частью заменены статистическими цифрами. Методические соображения взяли верх над методологическими и попытка по-«необычному», по-«новому» построить курс политической экономии потерпела полнейший крах.

Особенностью марксовой теоретической экономии является тот факт, что в ее основу кладется трудовая теория стоимости. Последняя у Маркса становится своего рода «центральной теорией», откуда выводятся, берут свое начало все основные экономические категории. Этого В. Е. Мотылев не делает. То, что у Маркса получило законченное выражение, у В. Е. Мотылева превратилось в несвязанную, не систематизированную вещь. Пресловутые «ножницы» в курсе теоретической экономии занимают в несколько раз больше места, чем... теория стоимости Маркса [1]).

Теоретические проблемы в «Курсе» начинаются не со стоимости, а с категории цены. Против такого изменения порядка расположения проблем мы не стали бы возражать, если бы автор сумел логически связать все остальные категории, как это прекрасно сделано в марксовских экономических работах. У В. Е. Мотылева такой увязки основных экономических категорий—этого элементарного требования диалектики—не соблюдено. Диалектической связи, переходов одной формы в другую у В. Е. Мотылева нет. И это настолько серьезный недостаток, что пройти мимо него нельзя.

Надо заметить, что и самую-то теорию стоимости В. Мотылев в общем и целом понял неправильно: труд в товарном обществе у него сводится к физиологической затрате и только. Возьмем два не случайных, а итоговых определения стоимости: «Итак, стоимость товара представляет собою массу овеществленного в нем живого и мертвого труда» («Крат. курс», с. 29). В «Курсе» читаем то же самое: «Овеществленная масса общественного труда называется стоимостью, или ценностью» (с. 87).

Чтобы не осталось никаких сомнений на этот счет, приведем еще одно «итоговое» место из «Курса»:

«Стоимость отображает... общественное отношение производителей в процессе их борьбы с внешней природой» [2]) (стр. 112). Это определение подводит итог всей главе «Цена и стоимость в чистом капиталистическом хозяйстве». Такое неисторическое, чисто логическое понимание, такая принципиальная постановка теории стоимости, несомненно, расходятся с Марксом. Понимание «стоимости» Мотылевым глубоко ошибочно, и мы вынуждены на нем остановить внимание читателя.

Во всех приведенных нами определениях «стоимости» В. Е. Мотылевым отсутствует категория абстрактного труда, в то время, как только абстрактный труд, а не просто труд создает стоимость. Непонимание абстрактного труда имеет место и у А. А. Богданова. И в данном случае в одной компании с А. А. Богдановым оказался и В. Е. Мотылев. Маркс придавал огромное значение категории абстрактного труда. Без правильного понимания абстрактного труда нельзя понять об'ективную основу теории стоимости Маркса. Наконец, именно в этой связи, встает вопрос о двойственности труда. Но допустив ошибку в понимании стоимости, В. Е. Мотылев не мог не впасть в ошибку и здесь. Но непонимание двойственного характера труда, ошибка в этом пункте опрокидывает и всю марксову политическую экономию. Вот как Маркс оценивает эту двойственность труда: «Я первый критически раскрыл этот двойственный характер представленного в товаре труда. Так как этот пункт является решающим и от него зависит все в политической экономии, то мы рассмотрим его здесь более подробно» («Кап.» I). В письме к Ф. Энгельсу от 24 авг. 1867 г. Маркс

---

[1]) Из общего количества 344 стр. текста теории стоимости посвящено менее 1/12 части, в то время как в I т. автор разбирает только пять проблем: цену, стоимость, деньги, зарплату и прибавочную стоимость.

[2]) Всюду, где специально не оговорено, курсивы автора.

пишет след.: «Самое лучшее в моей книге (т.-е. «Капитале». *Д. Н.*) в первой же главе подчеркнутая особенность двойственного характера труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости. На этой теории о двойственном характере труда покоится *все* (курс. Маркса. *Д. Н.*) понимание фактов» («Письма», под ред. Адоратского «М. Р.», стр. 144. Другой курс. наш. *Д. Н.*). Как видно, у Маркса недвусмысленно, ясно и категорически говорится об абстрактном труде и о двойственности труда вообще. В одном месте только у В. Е. Мотылева мы встречаемся с трактовкой двойственного характера труда, где он просто утверждает, что «*потребительная стоимость товаров создается конкретным характером труда*. По стоимости все товары качественно равны, ибо в стоимости труд выступает лишь как затрата физической и психической энергии, измеряемая рабочим временем. Совершенно очевидно, поэтому, что стоимость представляет собою массу труда абстрактного, отвлеченного от внешней полезной формы» («Курс», стр. 89). Удовлетворит ли марксиста такая интерпретация Маркса? Абсолютно нет. Абстрактный труд в такой постановке превращается в энергетическую, физиологическую, над-историческую категорию. Абстрактный труд есть сумма психической и физической энергии (стр. 89). Особенностью марксовой теории стоимости является подчеркивание *социальной формы стоимости*. Абстрактный труд по Марксу (и в этом его огромное методологическое значение) есть категория социальная и историческая. И физиологическое понимание абстрактного труда означает непонимание диалектического, исторического характера познания Маркса, его методологии.

Нельзя, наконец, говоря о двойственной природе труда ограничиваться простым указанием на существование конкретного и абстрактного труда, потребительной стоимости и стоимости. В этой двойственности труда у Маркса заключается глубокая диалектическая мысль. Здесь у Маркса применяется закон единства противоположностей, единство в различии и различие в единстве. Здесь разрешается Марксом основное противоречие товарного хозяйства: двойственность труда. «Анализ вскрывает в этом простейшем явлении,—пишет Ленин (в этой «клеточке» буржуазного общества),—*все* противоречия (resp., зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его основных частей, от его начала до его конца» («К вопросу о диалектике» «П. З. М.» № 5—6, стр. 15). Именно так методологически ставил и разрешал вопрос Ленин. В. Е. Мотылев и не пытается связать абстрактный труд с конкретным. У него ни слова не говорится о форме и содержании стоимости, об их связи. Ни в «курсах» В. Е. Мотылева, ни в программах по политической экономии, приложенных к «курсам», мы ни одного слова не находим о категории производительного труда. Кто знаком хорошо с «Теориями» Маркса, тот знает какое внимание он уделял этому вопросу. Автор же «курсов» не счел нужным упомянуть о нем.

В об'яснении проблемы редукции В. Е. Мотылев становится на известную нам позицию в этом вопросе Дейча-Бауэра, методологически, несомненно, неверную. Не останавливаясь на частных ошибках этой «версии», мы обратимся к ее принципиальным ошибкам. В трактовке проблемы редукции у Бауэра-Дейча принципиально неверно освещается вопрос о стоимости рабочей силы (близко подходя к теории спроса и предложения и даже теории фонда зарплаты, которую сам В. Е. Мотылев критикует в «Курсе»). На этом шатком фундаменте они строят теорию редукции, доходя до полного абсурда,—превращения стоимости рабочей силы, зарплаты и др. частично в постоянный капитал.

Не менее знаменателен и вводный отдел, где автор на протяжении 66 страниц говорит об «основных этапах развития капиталистического хозяйства» и не менее подробно—об империализме. И как это ни странно и непонятно, в об'яснении теории империализма В. Е. Мотылев ни одним словечком не обмолвился о... паразитизме, загнивании капитализма, вообще о реакционности, консервативности капитализма в стадии империализма. Мы тщательно проверили и по приложенной к «Курсу» программе по полит. экономии (с. 348) и там, где он *специально* говорит об империализме, ничего абсолютно не нашли об этом самом «загнивании», «паразитизме» и т. д. Всем нам хорошо известно, как Ленин подчеркивал этот момент и с какой силой он обрушился на идеологов II Интернационала за замазывание его. Соображения автора «курсов» в игнорировании столь серьезного момента в ленинской теории империализма нам непонятны.

И дальше посвящая целых семь страниц теории акционерных обществ, автор ни единой мысли не привел об учредительской прибыли, без чего нельзя понять самую сущность акционерных обществ нашей эпохи.

Перейдем теперь к трактовке В. Е. Мотылевым экономических категорий переходного периода. Автор ставит себе в заслугу, что он дает «анализ (по его программе. *Д. Н.*) каждой проблемы не только в условиях капитализма, но и в условиях СССР» (предисловие к «Курсу»).

Попытка интересная, если бы автор сумел подойти здесь сугубо осторожно, прежде всего с методологической стороны, к столь сложным, неразработанным до сих пор проблемам переходного периода. Еще Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 1 июня 1891 г., имея в виду переходный период, писал: «Ваш план—переходные этапы к коммунистическому обществу—стоит того, чтобы над ним подумать. Но я вам посоветую выполнить его только (слушайте, т. Мотылев! *Д. Н.*) в результате продолжительной работы (nonum prematur in annum). Это труднейший материал из всех существующих, потому что условия постоянно меняются» («Письма», под ред. Адоратского, М. 1922, стр. 314—315). Энгельс предвидел особенную трудность, сложность проблем экономики переходного периода и советовал писать о них «только в результате продолжительной работы». Этого, последнего, нам кажется, В. Е. Мотылев не сделал, и поэтому его работа, особенно в части «советской экономики» носит характер спешки и несерьезного отношения к делу.

Самый метод постановки проблем экономики переходного периода ошибочен, так как автор говорит *вообще* о силе тех или других экономических категорий, не разбивая экономику на отдельные секторы, участки; он не мог установить, где действует закон стоимости, где он не действует, где он модифицируется, искажается под влиянием ограничивающих его силу тенденций. Общий, расплывчатый характер его рассуждений в этой части «Курса», вместо правильного, ясного освещения столь интересных проблем, привел к полнейшей путанице.

Приведем несколько характерных мест:

...«*В развитом коммунистическом обществе* производительные силы достигнут такой мощной ступени развития, что, *несмотря на существование прибавочной стоимости*...» и т. д. («Курс», стр. 340. Курс. наш. *Д. Н.*). Итак, в развитом коммунистическом обществе, по категорическому утверждению В. Е. Мотылева, будет существовать прибавочная стоимость (а не прибавочный продукт), а стало быть и суб'екты, создающие и присваивающие эту прибавочную стоимость! Нам думается, что эта «новая», «необычная» прибавочная стоимость, о которой еще в книгах не написано, существует разве только в фантазии автора «Курса».

Для социализма В. Мотылев вводит специальный термин... «социалистическая трудовая стоимость» (стр. 137). «Слово «стоимость», конечно,— пишет В. Е. Мотылев,—сохранится в *социалистической экономической науке* для обозначения трудовой затраты» (стр. 137, курсив наш. *Д. Н.*). Если даже В. Е. Мотылев оставляет не категорию, а слово «стоимость», то у него получается та же *категория* стоимости, что и в товарном хозяйстве. Во-первых, что это за слово без всякого содержания (ведь «стоимость» есть *форма*, которой должно соответствовать определенное *содержание*)? Во-вторых, «стоимость» у него выражает трудовую затрату при социализме, а абстрактный труд, создающий стоимость, по В. Мотылеву, есть не что иное, как «сумма психической и физической энергии», т.-е., что то же самое, «трудовая затрата». Таким образом, под стоимостью у нашего автора и в товарном хозяйстве и при социализме скрывается одно и то же содержание: трудовая затрата. В-третьих, зачем же отказываться от марксистской терминологии? Мы до сих пор, вопреки А. А. Богданову, считали стоимость не вечной, а исторической категорией. Теперь вслед за ним и В. Е. Мотылев в своей «новой», «необычной» политической экономии категорию стоимости (и др. вытекающие из нее) превращает в естественную, хотя бы и с «новым» назначением. Предоставим слово А. А. Богданову: «В обществе социалистическом, якобы, не может быть стоимости. Позвольте, но как же социалистическое общество может организовать, как оно может рассчитывать свои потребности и свое производство, как оно может координировать одно с другим? Я могу здесь взять ответ у Маркса. Он говорит, что при планомерной коллективной организации «рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями»... «Другими словами,—продолжает А. А. Богданов,—основа производства и распределения при коллективизме—рабочее время. Это значит, должен производиться расчет, сколько потребуется данного продукта для общества, сколько единица продукта стоит труда и, следовательно, сколько всего надо рабочего времени для его производства» («Вестн. Комм. Акад.» кн. XI, стр. 302). Одним словом, А. А. Богданов старается доказать наличие и необходимость «стоимости» при социализме для тех же целей, какие у В. Е. Мотылева. Мы видим, что в данном случае, об'ективно, может быть, против всякого желания, автор «Курса» стал на позицию такого «марксиста», как А. А. Богданов. Впрочем, как это мы указали выше, их еще связывает одинаковое не диалектическое, не историко-материалистическое, а натуралистическое понимание политической экономии, физиологическое понимание «стоимости» в частности. Наконец, что это: «социалистическая экономическая наука»? «Политическая экономия» социализма, или наука экономполитики при социализме, или же экономическая география?—мы никакого раз'яснения или ответа у В. Е. Мотылева не находим. Если бы он писал какой-нибудь «научный трактат», то можно было бы не обратить на это особенного внимания. Но ведь это «Курс»!?! Его будут читать молодые малоподготовленные, неискушенные экономисты, которые впервые встречаются с такой «необычной», «социалистической экономической наукой». Где же у Вас «примат методики»?

Дальше у В. Е. Мотылева встречаем оригинальную категорию... *социалистическую прибавочную стоимость* (стр. 339—342). Какое бы содержание в эту категорию он ни вкладывал, все же социалистическая (!) прибавочная стоимость—это горячий лед. Автор и тут верен своему натуралистическому пониманию экономических категорий. Стоимость, прибавочная стоимость—есть прежде всего выражение производственных отношений определенной общественно-экономической

формации. Прибавочная стоимость предполагает классовую эксплоатацию, разных, противоположных классовых суб'ектов [1]). У нас же в СССР на основном участке хозяйства суб'ект один—пролетариат и производит и «присваивает» прибавочный труд. Это с принципиальной стороны. Если же у В. Е. Мотылева тут простая игра терминов, то и это не меньший грех. Во-первых, Маркс сконструировал категорию прибавочной стоимости *только* для капиталистического хозяйства, а для всех общественных формаций до и после капитализма он употреблял термин «прибавочный труд». Зачем Мотылеву употреблять в высшей степени «необычный» термин?

Не поддерживают автора и педагогические соображения. Кому неизвестно, что у нас десятки и сотни тысяч рабочих, рабочей молодежи изучают политграмоту, интересуются политической экономией, экономикой СССР, где особенное внимание они уделяют вопросу о социальной сущности нашей экономики, классовым отношениям, т. н. «эксплоатации» и т. д., и т. п.? Поэтому нужно было отнестись к этому вопросу сугубо осторожно, уметь подходить к рабочей массе, которая может, к несчастью, случайно взять книжки В. Е. Мотылева в руки. Автор отказался от марксовой терминологии и соригинальничал, этим самым он внес большую путаницу—и только.

За «социалистической прибавочной стоимостью» у В. Е. Мотылева следует дифференциальная рента в СССР. И тут он без всяких оговорок и раз'яснений говорит: «Дифференциальная... рента, вытекающая из разницы в плодородии и расположении участков земли, при умелом налоговом обложении должна поступать в распоряжение советской власти» (с. 340). Разве наличия одних естественных различий земли достаточно для получения дифференциальной ренты? Если стать на эту точку зрения, то невольно придешь к натуралистическому пониманию политической экономии.

Маркс рассматривает дифференциальную ренту с *иной* точки зрения. Она для него категория историческая и социальная, и в его постановке есть определенное выражение капиталистических производственных и распределительных отношений. При ее рассмотрении Маркс исходит «из того предположения, что земледелие... подчинено капиталистическим способам производства, т.-е. что сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов, в первую очередь, только тем элементом, к которому прилагается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд» («Капитал», т. III [2], с. 154). Это место ясно интерпретируется Лениным и не оставляет никакого сомнения, что эта форма ренты есть капиталистическая категория (т. IX, с. 64—72). Что касается дифф. ренты в СССР, то это требует специального освещения, и дело тут обстоит гораздо сложнее, чем это получается у автора.

Приведем еще один пример. Подводя итог своим рассуждениям о категории заработной платы в СССР, В. Е. Мотылев пишет: «Мы пришли к выводу, что из законов заработной платы при капитализме в СССР продолжает действовать лишь закон стоимости рабочей силы, да и то в искаженном и превращенном виде» («Курс», с. 337—8). Обращаем внимание на то, что тут не только терминологическая ошибка. Утверждать, что у нас, в экономике СССР, опять без оговорок и раз'яснений, действует закон стоимости рабочей силы, хотя и в искаженном виде, логически приводит к следующей цепи мыслей: рабочая сила есть товар; она

[1]) Автор говорит не только о прибавочной стоимости вообще, но и на государ. предприятиях... «В целях первоначального социалистического накопления должна существовать и *на государственных предприятиях* СССР прибавочная стоимость» («Курс», с. 339. Курсив наш. *Д. Н.*).

продается персонифицированному капиталу, возникает отношение купли и продажи рабочей силы между двумя противоположными классами, отсюда прибавочная стоимость, эксплоатация и т. д., хотя бы даже в «превращенном» виде. Сущность же остается та же. Стало быть, это противоречит логике фактов. В государственном секторе, представляющем основной участок нашего хозяйства, этот закон действовать не может, так как владелец рабочей силы есть в то же время и «работодатель». Здесь рабочая сила перестает быть товаром. Рабочий сам свою рабочую силу покупать не может. Другое дело говорить о второстепенных участках нашей экономики: о частных предприятиях и др.

Приведенных примеров как будто бы достаточно для иллюстрации небрежности, неосторожности и неправильного толкования категорий переходного периода автором рецензируемых курсов.

Автор ошибается также в разграничении первоначального социалистического накопления и социалистического накопления. Первоначальное социалистическое накопление имеет место, по В. Е. Мотылеву, в «первой части переходной эпохи» (с. 38—39), а социалистическое накопление—только в развернутом социалистическом хозяйстве [1]). А что будет, какие отношения воспроизводства будут в отрезке времени от первой части переходного периода «до развернутого социалистического хозяйства» мы ничего не знаем. Остается пустое место, безвоздушное пространство, время «без» накопления. Если у автора есть первая часть переходного периода, так должны же быть вторая, третья... последняя часть его.

Вот еще один пример ошибочных утверждений автора. «Вообще, Россия была страной передового монополистического капитализма» («К.», с. 46). Довоенная Россия, утверждает дальше автор, была «страной величайшего (??) расцвета монополистических организаций» (с. 56). Приведенные места в особых комментариях не нуждаются. Скажем лишь одно, что автор перепутал степень концентрации производства с уровнем развития монополистического капитализма. Последнее понятие включает в себя первое, так что высокая концентрация производства не может служить основанием для определения России, как страны величайшего расцвета монополистического капитализма. Надо еще добавить, что только к годам мировой войны в России намечалось создание одного металлургического треста.

Мы уже указывали, что в обоих «курсах» имеется огромный статистический цифровой материал. После тщательной проверки цифр мы нашли целый ряд ошибочных данных. Вот несколько примеров:

«В Америке Стандарт-Ойль Компания концентрирует 80% всех нефтяных богатств, и влияние ее распространяется на весь мир». Утверждение вольное. Экономическая мощь «С. О. К⁰» заключается меньше всего в производственной основе, а больше всего в коммерческом, финансовом и транспортном могуществе. Открываем авторитетную книгу Джозефа Пога «Экономика нефти» и читаем: в 1919 году из общей добычи нефти в Соед. Штатах 21,3% приходится на долю девяти об-в «Ст. О. К⁰». В 1920 г. около 69% от общей длины магистральных нефтепроводов было в руках группы «С. О. К⁰». Из общей доли переработанной сырой нефти на «С. О. К⁰» приходится 43,8% (Изд. Сов. Нефт. Пром. ВСНХ. М.—Л. 1924, стр. 4—5). Где же тут 80%?

[1]) Социалистическим накоплением мы называем накопление, происходящее в условиях социалистического хозяйства для его расширенного воспроизводства. (В. Е. Мотылев. «Прибавочная стоимость и социалистическое накопление в СССР». Изд. «Буревестник», 1925, стр. 38—39). Между прочим автор, несмотря на его разграничение «сфер влияний», совершенно неразборчиво употребляет и то и другое «накопление».

Возьмем другую цифру. «Стальной трест контролирует 45% добычи железа и стали» («К.», с. 46. Имеется в виду известный стальной трест С. Ш. Моргана. *Д. Н*). Открываем другую, не менее авторитетную книгу проф. М. И. Назаревского «Очерки по истории и теории коллективно-капиталистического хозяйства», т. I, ч. I, и на стр. 160 встречаемся с другими цифрами: в 1910 г. Стальной трест имел 32,7% всего производства кокса страны, 43%—чугуна, 61,6%—бессемер. стали, 50,8%—сименс-мартеновской стали, 60,7%—рельсов, 67,3%—проволоки, 55,4%—гвоздей и 45,7%—руды (изд. 1912, Москва). Это еще относится к 1910 году. Насколько поднялись все эти цифры во время и после войны, пусть судит всякий, кто следил за экономическим ростом С. Ш. С. А. за последние 10 лет. Мы можем точно указать 841 страницу известной нам книги, откуда на веру В. Е. Мотылевым взяты эти цифры.

У него «Продамета» в 1912 году об'единял продажу 83% сортового и листового железа» (с. 46). В «Финансовом Капитале» А. Кона есть тщательно разработанная статистическая сводка, в которой даются другие цифры: «Продамета» сосредоточил в своих руках 83,5% производства сортового железа, 76% листового железа, 95,4% балок и швеллеров, 75,8% рельс, 90% бандажей и осей» (изд. Сверд. у-та, М. 1925, с. 75).

Далее. У В. Е. Мотылева «В Германии накануне войны насчитывалось около 400 монополистических об'единений» («Курс», с. 46). Кстати, укажем здесь, что в «Кратком курсе» на стр. 17 для той же Германии дается совершенно другая цифра, намного отличная от первой. Ленин в «Империализме» число картелей в Германии определяет для 1896 г. в 250, для 1905 г.—385. Последняя цифра подтверждается в специальных работах Лифмана, Риссера, Нахимсона и др. Роберт Лифман для 1913 г. указывает 600 картелей в круглых цифрах (см. Нахимсон, «Мировое хозяйство», изд. ЦУП ВСНХ, 1924 г., стр. 90). Цифра В. Е. Мотылева о Германии опровергается также Н. В. Первушиным, занимавшимся исследованием проблемы концентрации германской промышленности в новейшее время (см. его ст. в ж. «Социалист. Хозяйство» за 1924 г. кн. III, стр. 250).

Нельзя, наконец, не указать, что автор не всегда следует литературным ирзвилам, обязывающим при пользовании чужими работами делать соответствующие ссылки. Так, например, в большой главе о деньгах В. Мотылев почти излагает Трахтенберга (см. его «Бумажные деньги»), не оговаривая этого. Более того, он целиком приводит формулировки по важным проблемам из книги Трахтенберга, чуть-чуть переставив отдельные фразы, без всяких ссылок и выдает их за свои. Приведем несколько примеров:

У Трахтенберга «Бумажные деньги»: Изд. «Мос. Раб.», 1922, стр. 154.	У В. Е. Мотылева в «Курсе» на стр. 211, в «Кратком курсе» на стр. 67.
«Бумажными деньгами называются: 1) орудия обращения, 2) выпускаемые государством, 3) в уплату причитающихся с него долгов, 4) имеющие целью извлечение доходов для государственной казны, 5) (обычно) неразменные и 6) снабженные силой законного платежного средства».	«Бумажными деньгами являются: 1) орудия обращения, 2) выпускаемые государством, 3) для покрытия государственных расходов, 4) неразменные и 5) снабженные силой законного платежного средства» (курсив автора. *Д. Н.*).

В таком же, приблизительно, положении находятся формулировки В. Е. Мотылевым банкнот (в «Курсе» на с. 209, в «Кр. Курсе» на с. 66, у Трахтенберга на с. 142), ликвидации бумажно-денежного обращения

(«К.»—247—8, «К. К.»—78—80, Трахт.—251 и т. д.), покупательной способности денег (212—67—169) и т. п.

Нужно все-таки соблюдать элементарные правила литературной этики.

Наконец, большое неудобство, что автор на протяжении обоих «курсов» употребляет оба термина: ценность и стоимость, подчас встречающиеся в одном и том же предложении, вместе. Нужно все-таки придерживаться «моногамии».

В заключение мы хотели бы остановиться на следующем.

Марксистский «курс» политической экономии пред'являет автору очень серьезные требования: основательное знание метода Маркса—материалистической диалектики—и уменье пользоваться ею; знание теоретической и конкретной экономики в достаточной степени; богатый педагогический и методический опыт и не менее важное добросовестное отношение к своей работе, т.-е., как советовал Энгельс, «выполнить его только в результате продолжительной работы». Наш автор не отвечает этим требованиям. Кроме путаницы (этим мы, разумеется, не отрицаем отдельных заслуг, достоинств автора по частным вопросам, но только по частным) и серьезных методологических промахов, мы ничего не получили. Перегруженность описательным материалом, небрежность, спешка и т. п., особенно усугубили эти недостатки «курсов».

Автор взял на себя трудно выполнимую задачу и понятно зашел в тупик. Впрочем, он сам это предвидел. «Настоящий курс,—говорит он в предисловии,—является первым опытом создания учебника для высшей школы на основе этих (т.-е. «новых», «необычных». *Д. Н.*) принципов. Один этот факт, сам по себе, делает неизбежным недочеты. Я ясно сознаю, что в моем курсе неизбежны промахи и недочеты». Хотя автор сам ясно сознавал, что он промахнется и действительно сильно промахнулся, все же не стоило свой эксперимент строить на молодых головах новых многочисленных учащихся, преимущественно из рабочих и крестьян. Надо все же иметь уважение к «старику» Марксу (т.-е. поменьше его вульгаризировать) и молодым читателям.

Дж. Нагиев.

В № 7—8 «Большевика» имеются следующие опечатки:

На стр. 72, начало первой сноски до слов: „Чтобы читатель" и т. д., относится к основному тексту статьи после цитаты из Ленина.

На стр. 119 в стр. 14 снизу в цитате из Ленина надо читать: „Как ограничивать" и т. д.